

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Забайкальский государственный университет»
(ФГБОУ ВО «ЗабГУ»)

На правах рукописи

ТАРАБАРКО Ксения Александровна

**МЯГКАЯ СИЛА КУЛЬТУРЫ КИТАЯ:
КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ПРАКТИКИ РЕАЛИЗАЦИИ**

Специальность 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры
(философские науки)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, доцент
Кучинская Татьяна Николаевна

Чита – 2017

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования мягкой силы культуры Китая: философско-культурологическое измерение.....	16
1.1. Эволюция осмысления мягкой силы в работах западных и отечественных ученых.....	16
1.2. Становление теории мягкой силы в китайской науке.....	40
1.3. Содержание концепции мягкой силы культуры Китая.....	60
Глава 2. Практики реализации мягкой силы культуры Китая.....	87
2.1. Практики мягкой силы культуры Китая как инструменты внутренней гармонизации общества.....	87
2.2. Реализация мягкой силы культуры Китая в контексте диалога культур	111
2.3. Проекция мягкой силы культуры Китая в России	138
Заключение	164
Библиографический список.....	169
Приложение	211

Введение

Актуальность. Глобализационные тенденции современности значительно изменили условия межкультурного взаимодействия. Современная коммуникативная система создаёт предпосылки для перманентного культурного диалога, при котором стираются пространственно-временные, культурные, языковые и иные барьеры, формируется глобальное культурное пространство. В подобных условиях постоянного взаимопроникновения и взаимовлияния, с одной стороны, происходит обогащение, с другой – обостряется проблема выживания уникальных локально-региональных культур. Для современных государств становится актуальным поиск механизмов обеспечения культурной безопасности. Это устремление опосредуется выработкой национальных культурных стратегий, способствующих сохранению культурной идентичности в глобализирующемся мире.

В условиях интенсификации межкультурного взаимодействия уникальными являются практики современного Китая по сохранению и развитию собственной культуры и использованию её потенциала для социокультурной модернизации внутри страны и позиционирования положительного имиджа страны в мире. Фундаментальной чертой китайской культурной стратегии является высокая степень инкорпорированности ценностей традиционной культуры в современные концепции развития КНР.

Культура выступает неотъемлемой частью китайской мягкой силы, определяя её культуроцентричность. Результатом переосмысления роли культуры в контексте национального развития стала разработка новой концепции мягкой силы культуры Китая (кит. «中国文化软实力»). Осуществление концепции активизировало усилия властных и общественных структур по сохранению национального культурного наследия и распространению китайской культуры в мире. В этой связи возникла необходимость выявления сущности концепции мягкой силы культуры Китая и осмысления практик ее реализации, что и обусловило актуальность настоящего исследования.

Китай активно наращивает мягкую силу культуры, реализуя её по разным пространственно-региональным направлениям, в том числе и в России. При этом в отечественной науке отсутствует описание и интерпретация конкретных практик реализации китайской концепции. Настоящее диссертационное исследование, посвящённое философско-культурологической рефлексии новых явлений в современной китайской культуре, является одной из первых попыток восполнить данный пробел. Кроме того, исследование мягкой силы культуры Китая необходимо для более глубокого понимания сущности изменений, происходящих в культурном пространстве КНР, и выстраивания национальной культурной стратегии России в условиях межкультурного взаимодействия двух стран.

Степень научной разработанности темы исследования.

Анализ содержания концепции мягкой силы культуры Китая в контексте философско-культурологического исследования потребовал обращения к фундаментальным работам по философии культуры и межкультурному взаимодействию.

Исследования современных российских философов, культурологов посвящены разным аспектам трансформации культуры. В работах В.М. Межуева представлены идеи культурного разнообразия на основе принципа равенства всех культур¹. В.С. Стёпин, опираясь на авторскую концепцию культурных универсалий, определил традиционалистский и техногенный типы культур². В исследованиях А.Я. Флиера сформирована концепция типов и видов культурных стратегий³. Трансформация форм межкультурного взаимодействия в условиях глобализации раскрывается в трудах А.С. Колесникова⁴. Современные процессы изменения форм межкультурного взаимодействия под воздействием глобализации осмыслены в исследованиях А. Аппадурай⁵. Особенности межкультурного взаимодействия в условиях культурного трансграничья представлены в работах Т.В. Берню-

¹ Межуев В.М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 408 с.

² Стёпин В.С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. 408 с.

³ Флиер А.Я. Очерки теории исторической динамики культуры. М.: ООО «Изд-во «Согласие», 2015. 528 с.

⁴ Колесников А.С. Кросскультурное взаимодействие в современном мире и диалог // Россия – Запад – Восток: компаративные проблемы современной философии. 2004. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/kolesnikov/krosskulturnoe-vzaimodeystvie-v-sovremennom-mire-i-dialog#n7#n7> (дата обращения: 12.11.2016).

⁵ Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis, 1996. 229 p.

кевич, М.И. Гомбоевой, Д.Г. Емченко, В.С. Морозовой, А.Н. Новикова, А.А. Пылковой¹ и др.

В настоящем исследовании особое внимание уделено одной из форм межкультурного взаимодействия – диалогу культур. Начало становления концепции диалога культур в России связано с именами философов, культурологов М.М. Бахтина и В.С. Библера². Исследование диалога культур продолжено в работах отечественных философов М.С. Кагана, А.В. Ахутина, М.С. Глазмана, Ю.М. Лотмана³ и др.

Особую роль в осмыслении предмета исследования сыграла культурно-философская концепция «культурной гегемонии» А. Грамши⁴, раскрывающая социальную роль культуры.

Отслеживая становление представлений о мягкой силе как новой коммуникативной стратегии, автор обращается к идеям «мягкого воздействия» Н. Макиавелли, М. Вебера, Т. Гоббса, Р.С. Клайна, Г. Шиллера⁵, концептуально оформленных в теории мягкой силы Дж. Ная⁶. Комплексный анализ американской теории мягкой силы и её инструментальной роли во внешней политике США представлен в фундаментальном труде Г.Ю. Филимонова⁷. Теоретическим обоснованиям мягкой силы посвящены работы отечественных учёных А.М. Бобыло,

¹ Бернукевич Т.В., Гомбоева М.И., Новиков А.Н. и др. Ассимиляционные процессы и стратегии позиционирования культурной идентичности субэтнических групп Байкальского региона в условиях трансграничья // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Социологические науки. 2013. № 4 (51). С. 259-271; Емченко Д.Г. Трансграничный регион как социокультурный феномен: дальневосточная модель: автореф. дис. ... канд. культурологии. Челябинск, 2011. 25 с.; Морозова В.С. Региональная культура в социокультурном пространстве российского и китайского приграничья: дис. ... д-ра филос. наук. Чита, 2013. 378 с.; Пылкова А.А. Приграничье как феномен культуры (на примере Дальнего Востока России): автореф. дис. ... канд. культурологии. Комсомольск-на-Амуре, 2004. 26 с.

² Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. 445 с.; Библер В.С. Культура. Диалог культур. Опыт определения // Вопросы философии. 1989. № 6. С. 31-42; Школа диалога культур: идеи, опыт, проблемы / Под общ. ред. В.С. Библера. Кемерово: «Алеф» Гуманитарный центр, 1993. 416 с.

³ Каган М.С. Философия культуры. СПб., 1996. 415 с.; Ахутин А.В. Тяжба о бытии. М.: Русское феноменологическое общество, 1996. 304 с.; Лотман Ю. М. Культура и взрыв. СПб.: Искусство СПб., 2004. 279 с. и др.

⁴ Грамши А. Избранные произведения в трёх томах. Т. 3 Тюремные тетради / Пер. с итал. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. 234 с.

⁵ Вебер М. Политические работы (1895-1919). М.: Праксис, 2003. 424 с.; Гоббс Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs_Leviafan.pdf (дата обращения: 27.08.2015); Cline R.S. World power assessment: A calculus of strategic drift. Washington: Georgetown Univ. Center for strategic intern. studies, 1976. 173 p.; Макиавелли Н. Государь / Пер. с итал. Д.Г. Муравьевой, М.А. Юсима. М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. 464 с.; Шиллер Г. Манипуляторы сознанием / Пер. с англ.; науч. ред. Я.Н. Засурский. М.: Мысль, 1980. 326 с.

⁶ Nye J., Jr. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1991. 366 p.

⁷ Филимонов Г.Ю. Роль «мягкой силы» во внешней политике США: дис. ... д-ра полит. наук. Москва, 2013. 422 с.

Е.П. Пановой, П.Б. Паршина, С.К. Песцова, Н.В. Юдина¹. Отдельно отметим коллективную монографию под редакцией О.Ф. Русаковой, в которой предпринята попытка осмысления мягкой силы как аналитического концепта, ресурса развития и инструмента современных коммуникаций, в том числе межкультурных².

Мягкая сила как инструмент внешней политики КНР, в том числе в региональном измерении, исследуется в работах А.С. Каукенова, Д.В. Мосякова, Е.А. Мальцева, Е.В. Журавлёвой, С.И. Мишиной³ и мн. др. Внешнеполитические и социально-экономические аспекты мягкой силы Китая подробно проанализированы в диссертационных работах А.В. Бояркиной и Д.Б. Регзеновой⁴. Н.В. Кухаренко, С.В. Кухаренко, О.И. Завьялова, С.В. Михневич, Т.А. Шаренкова⁵ особое внимание уделяют роли образования в процессе реализации мягкой силы КНР.

Роль культурного компонента китайской мягкой силы анализируется в работах отечественных учёных О.Н. Борох, А.В. Ломанова, М.Н. Фоминой, А.В. Будаева⁶ и др. Л.Е. Янгутов раскрывает духовные основания политической

¹ Бобыло А.М., Песцов С.К. «Мягкая сила» в мировой политике: проблема операционализации теоретического концепта // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 2 (34). С. 108-114; Панова Е.П. «Мягкая власть» как способ воздействия в мировой политике: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2012. 22 с.; Паршин П.Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия // Международные отношения. 2014. № 2 (35). С. 14-21; Юдин Н.В. Системное прочтение мягкой силы // Международные процессы. 2015. Т. 13. №2 (41). С. 96-105.

² Soft power: теория, ресурсы, дискурс / Под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2015. 376 с.

³ Каукенов А.С. Особенности китайской дипломатии в Центральной Азии: взгляд из Казахстана // Центральная Азия – Китай: состояние и перспективы сотрудничества. Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, 2008. URL: <http://www.easttime.ru/analitic/3/8/476.html> (дата обращения: 17.09.2016); Мосяков Д.В. «Мягкая сила» в политике Китая Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2014. Т. 14. С. 5-22.; Журавлева Е.В. Политика «мягкой силы» КНР в отношении стран центральной Азии. На примере Казахстана и Монголии (2007-2015 гг.): дис. ... канд. истор. наук. Москва, 2016. 193 с.; Мишина С.И. «Говори мягко...» // Азия и Африка сегодня. 2011. № 3. С. 19-24. и др.

⁴ Бояркина А.В. «Мягкая сила» как политический инструмент реализации внешней политики КНР на рубеже XX-XXI вв.: дис. ... канд. полит. наук. Владивосток, 2015. 234 с.; Регзенова Д.Б. Исторический опыт стратегичности и принципа «мягкой силы» в социально-экономических реформах Китая: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Улан-Удэ, 2012. 22 с.

⁵ Кухаренко Н.В., Кухаренко С.В. Образование как инструмент «мягкой силы» Китая в отношении России // Современный Китай в системе международных отношений / Отв. ред. Д.В. Буяров. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 164-188; Завьялова О.И. Большой мир китайского языка. 2-е изд. М.: Восточная книга, 2014. 320 с.; Шаренкова Т.А. Образование в духовной культуре Китая: философско-антропологический аспект: дис. ... канд. филос. наук. Чита, 2005. 129 с.

⁶ Борох О.Н. Роль культуры в наращивании потенциала «мягкой силы» КНР // «Мягкая сила» в отношениях Китая с внешним миром. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 62-111; Ломанов А.В. Современная китайская концепция «мягкой силы» // «Мягкая сила» в отношениях Китая с внешним миром. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 13-61; Фомина М.Н. Стратегия культурного ресурса российского и китайского вариантов «мягкой силы» // Вестник Забайкальского государственного университета. 2014. № 12. С. 106-112.; Будаев А.В. Светлые и тёмные стороны мягкой силы Китая // Государственное управление. Электронный вестник. 2016. № 54. С. 106-129.

стратегии мягкой силы КНР¹. Полезными для исследования ценностно-управленческого ресурса мягкой силы Китая в конструировании современного социокультурного пространства Китая оказались труды В.А. Абрамова, Н.А. Абрамовой, Т.Н. Кучинской².

Детальный анализ содержания теории мягкой силы Китая, проделанный автором, основывается на работах ведущих китайских учёных (Ван Анью, Го Шуюн, Чжан Гоцзо, Чжэн Бяо, Шэнь Хун'юй, Цзя Хайтао³ и др.) и материалах мозговых центров мягкой силы КНР (Гуандунский Южный институт исследований мягкой силы, Государственный инновационный центр совместных исследований мягкой силы культуры, Государственный центр исследований мягкой силы культуры).

В исследованиях китайских учёных (Гао Чжаньсян, Чжан Цзы, Сан Хун, Юй Синьтянь и др.) отстаивается культуроцентричность китайской теории мягкой силы, что определило формирование нового направления исследований в КНР – мягкой силы культуры. Исследование содержания новой концепции потребовало анализа значительного объема информации, накопленного в китайской философии, теории культуры, теории мягкой силы и мягкой силы культуры. Интерпретация автором теории силы культуры построена на анализе работ Гу Чуньфэн, Чжан Гоцзо, Шэнь Хун'юй⁴ и др. Анализ результатов исследований китайских учёных (Хуа Цзянь, Чжэнь Сяин, Ши Цзинцзин, Ли Цзяньсю, Хань Лиянь, Го Цзивэнь,

¹ Янгутов Л.Е. Духовные истоки политической стратегии «мягкой силы» Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 4. С. 159-167.

² Абрамов В.А., Абрамова Н.А. Ценностный потенциал китайского «могущественного культурного государства» в проекциях глобального развития. М.: Восточная книга, 2014. 256 с.; Кучинская Т.Н. Архитектоника социокультурного пространства Китая в условиях транснационального межкультурного взаимодействия РФ и КНР: дис. ... д-ра филос. наук. Чита, 2013. 413 с.

³ Ван Анью. Гоцзя жуаньшили лунь = Разговор о мягкой силе государства. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюе, 2010. 262 с.; Го Шуюн. Чжунго жуаньшили чжанлюе = Китайская стратегия мягкой силы. Пекин: Шиши чубаньшэ, 2012. 270 с.; Цзя Хайтао. Цзунхэ голи юй вэньхуа жуаньшили ситун яньцзю = Системные исследования комплексной мощи государства и мягкой силы культуры. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюе чубаньшэ, 2015. 306 с.; Чжан Гоцзо. Чжунго вэньхуа жуаньшили яньцзиу луньган = Тезисы исследований мягкой силы культуры Китая. Пекин: Шэхуэй кэсюе вэньсянь чубаньшэ, 2015. 180 с.; Чжэн Бяо. Чжунго жуаньшили = Мягкая сила Китая. Пекин: Чжун'ян бяньи чубаньшэ, 2010. 424 с.; Шэнь Хун'юй. Дандай чжунго вэньхуа жуаньшили яньцзиу = Исследование вопросов мягкой силы культуры современного Китая: дис. ... д-ра наук. Пекин, 2013. 123 с.

⁴ Гу Чуньфэн. Вэньхуа ли = Сила культуры. Пекин: Жэньмин чубаньшэ, 1995. 162 с.; Гао Чжаньсян. Вэньхуа ли = Сила культуры. Пекин: Бэйцзин дасюе чубаньшэ, 2007. 318 с.

Дань Шилян¹ и др.) позволил выявить аксиологическое наполнение мягкой силы культуры КНР, эволюцию концепции, её содержание.

Обращение к работам китайских исследователей (Дэн Хунбо, Ли Бинь, Ли Гуаншэн, Лю Юаньюань, Су Юйфан, У Сюцзюань, Цай Хуэйцин, Чжан Сяншэн, Чжао Лувэй, Чжао Яоцзе и др.) позволило определить внутренние практики мягкой силы культуры. Мягкая сила региональной культуры исследуется в работах Жэнь Чжун'юй, Лин Хунбиня, Сюй Хэляна, Сюй Вэйпина, Хэ Вэйцзюня, Цзэн Дэсяня, Шэнь Синя² и др. Мягкая сила культуры во внешних практиках реализации рассматривается Е Цзяном, Мэн Ляном, Су Юйфанем, У Сюцзюанем, Чжан Сяншэном и др.

Анализ отдельных практик реализации мягкой силы культуры КНР представлен в работах отечественных учёных О.И. Бодровой, Д.В. Буярова, Д.С. Воропаева, В.Г. Гельбраса, Е.А. Завидовской, А.С. Исаева, П.Н. Калмыкова, И.Н. Комиссиной, О.О. Коренковой, А.Н. Коробовой, А.С. Озорниной, Е.О. Подолько, С.Ю. Распёртовой, П.И. Рысаковой, Д.М. Селихова, А.А. Сергеевой, В.А. Тавровского, О.Е. Тё, А.А. Томских, Е.А. Торопцевой, Н.В. Турушевой, В.М. Феоктистова, А.В. Шугаева, Е.К. Шулуновой и др.

Сравнительный анализ культурных стратегий России и Китая потребовал обращения к работам отечественных исследователей (В.Д. Агеевой, Е.В. Василенко, И.Г. Дежиной, А.А. Казанцева, А.А. Котельникова, М.М. Лебедевой, А.О. Наумова, Ю.А. Никитиной, В.Е. Петровского, Е.О. Сониной, А.В. Торкуно-

¹ Хуа Цзянь, Чжэнь Сяин, Ши Цзинци. Вэньхуа жуаньшили цуаньцюхуа бэйцзинся дэ цянго чжидао = Мягкая сила культуры: путь могущественного государства в условиях глобализации. Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 2013. 296 с.; Ли Цзяньсю. Вэньхуа жуаньшили юй дандэ дуйвай сюаньчуань гунцзо яньцзо = Исследование мягкой силы культуры и внешней агитационной работы партии: дис. ... д-ра наук. Пекин, 2011. 182 с.; Хань Лиянь. Лунь тигао вого вэньхуа жуаньшили = Теория наращивания мягкой силы культуры Китая: дис. ... д-ра наук. Пекин, 2013. 146 с.; Го Цзивэнь. Вэньхуа жуаньшили дэ лишигуань чаньши = Мягкая сила культуры: исторический анализ: дис. ... д-ра наук. Пекин, 2011. 129 с. и др.

² Хэ Вэйцзюнь, Цзэн Дэсянь. Вэньхуа жуаньшили: цюйюй цзинци фачжаньдэ цянда дунли = Мягкая сила культуры: стимулирование регионального экономического развития // Цянчжэ. 2012. № 13. С. 97-98; Шэнь Синь, Лин Хунбинь. Цюйюй вэньхуа жуаньшили: гайнянь, юаньцзин, луцзин = Мягкая сила региональной культуры: концепция, перспективы, каналы // Лилунь цзяньшэ. 2012. № 4. С. 7-13; Жэнь Чжун'юй. Тяньси цюйюй жуаньшили юй цюйюй вэньхуа жуаньшили дэ гайнянь, нэйхань цзици сяньху гуаньси = Краткий анализ понятий, содержания и взаимосвязи региональной мягкой силы и мягкой силы региональной культуры // Хубэй ханьшоу дасюе сюебао. 2015. № 8. С. 87-88.

ва, Ф.С. Фролова, О.Д. Фёдорова¹ и др.), в которых рассмотрены отдельные механизмы и инструменты мягкой силы России. Роль мягкой силы как инструмента международного влияния России получила освещение в работах А.А. Байкова, А.В. Будаева, П.Б. Паршина² и др. Примеры практической реализации мягкой силы зарубежными странами находят отражение в трудах отечественных учёных Л.М. Алексанян, А.В. Долинского, С.И. Косенко, В.В. Кутенёва, О.Г. Леоновой, А.В. Михалёва, Л.Р. Рустамовой, М.В. Шарко и др. Мягкая сила рассматривается как технология цветных революций и вызов национальной безопасности России в работах А.О. Наумова, Ф.С. Фролова, В.Н. Шилова и др.

Несмотря на наличие значительного количества работ, посвящённых теоретическому осмыслению феномена мягкой силы и анализу его китайской специфики, исследование мягкой силы культуры Китая и практик её реализации в отечественной науке ранее не проводилось.

Объект исследования – мягкая сила культуры Китая.

Предмет исследования – содержание и практики реализации мягкой силы культуры Китая в контексте философии культуры.

Цель работы – исследование мягкой силы культуры Китая и форм ее практической реализации.

Данная цель предполагает последовательное решение следующих **задач**:

– проанализировать эволюцию осмысления мягкой силы с целью разработки методологии исследования мягкой силы культуры Китая;

¹Агеева В.Д. Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации в контексте глобализации: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Санкт-Петербург, 2016. 279 с.; Котельников А.А. Интернет СМИ КНР как фактор формирования общественного мнения в Забайкальском крае: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Чита, 2011. 24 с.; Наумов А.О. «Мягкая сила» и внешнеполитический имидж Российской Федерации // Рецензируемый научный сетевой журнал «Перспективы. Электронный журнал». 2015. № 4. С. 21-32; Кутенёв В.В. Институты евразийской интеграции как инструменты «мягкой силы» России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Бишкек, 2012. 24 с.; Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Российское государство в системе международных отношений. Вестник МГИМО Университета. 2012. № 4 (25). С. 85-93; Фролов Ф.С. Культурно-лингвистическая экспансия как угроза национальной безопасности России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2014. 34 с.

²Будаев А.В. Роль «мягкой силы» во внешней политике России (на примере российско-бразильских отношений): автореф. дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2014. 24 с.; Паршин П.Б. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России // Аналитические доклады. Институт международных исследований МГИМО (У) МИД России. 2013. Выпуск 1 (36). 38 с. и др.

- выявить компонентный состав теории мягкой силы КНР на основе интерпретации китайских исследований и определить её специфику;
- охарактеризовать сущность концепции мягкой силы культуры Китая;
- выявить специфику мягкой силы культуры КНР в практиках гармонизации китайского общества;
- охарактеризовать практики мягкой силы культуры КНР в международной среде.

Теоретическая база исследования. Исходной теоретико-методологической позицией стало понимание мягкой силы культуры как инструмента коммуникации в условиях межкультурного взаимодействия, что обусловило необходимость обращения к культурологическим и философским концепциям: культурного разнообразия В.М. Межуева, культурных универсалий В.С. Стёпина, типов и видов культурных стратегий А.Я. Флиера; компаративистскому анализу А.С. Колесникова; концепции диалога культур М.М. Бахтина, концепции мягкой силы как коммуникативной стратегии О.Ф. Русаковой. Значимыми стали концептуальные представления о конструировании социокультурного пространства КНР, разработанные в рамках научной «Школы интерпретаций региональных практик современного Китая» ЗабГУ (В.А. Абрамов, Н.А. Абрамова, Т.Н. Кучинская, Чжоу Юй, Янь Шуфан, Ли Пин и др.).

В исследовании сущности и компонентного состава мягкой силы культуры Китая автор опирается на философско-культурологическую концепцию «гегемонии культуры» А. Грамши, теорию мягкой силы Дж. Ная, общие положения китайской концепции мягкой силы культуры Чжан Гоцзо и Шэн Хун'юя.

Методологическая база исследования. Следование научному принципу детерминизма позволило раскрыть причинно-следственные связи в построении китайской концепции мягкой силы культуры. Диалектический принцип нашёл применение в процессе описания и характеристики внутренних и внешних практик реализации мягкой силы культуры Китая. Принцип интерпретации использован при анализе аутентичных источников, нормативно-правовой базы КНР в области культуры.

Значимыми для анализа мягкой силы культуры Китая стали социокультурный, философско-антропологический, лингво-культурологический и компаративистский подходы. Применение социокультурного подхода позволило выявить единство культурных и социальных факторов в построении китайской концепции мягкой силы культуры. Философско-антропологический подход способствовал выявлению культурной специфики формирования концепции мягкой силы культуры Китая, её антропологического измерения. Лингво-культурологический подход использован для раскрытия этимологической сущности ключевых понятий исследования в китайской науке («сила культуры», «мягкая сила», «мягкая сила культуры»); интерпретации оригинальных китайских и англоязычных источников по проблематике. Компаративистский подход оказался полезным при сравнении американской и китайской теорий мягкой силы с целью выявления национальной специфики и философско-культурологической рефлексии содержания концепции мягкой силы культуры КНР.

Применение общенаучных (системного, структурно-функционального и регионологического) подходов способствовало определению структуры и логики исследования. Системный подход позволил рассмотреть мягкую силу культуры Китая как целостную систему сущностных, институциональных и практико-ориентированных составляющих, структурно-функциональная характеристика которых, в свою очередь, значительно детализировала данное представление. Регионологический подход позволил рассмотреть пространственно-региональные контексты реализации практик мягкой силы культуры Китая.

Применение методов обобщения, экстраполяции, синтеза и анализа, а также следование общенаучным принципам непротиворечивости и структурности позволило обеспечить методологическую целостность исследования.

Эмпирическая база исследования состоит из официальных документов, материалов СМИ, данных с официальных китайских и российских сайтов по проблемам мягкой силы культуры Китая.

Нормативные документы КНР включают: ежегодные сборники-отчёты Министерства иностранных дел за 2005, 2014 и 2015 гг., материалы XVI, XVII, XVIII

съездов КПК, «Доклад о выполнении плана экономического и социального развития за 2015 год и проект плана на 2016 год» ВСНП, документы третьего пленума ЦК КПК 18-го созыва. Документальная база, использованная в исследовании, позволила проанализировать формирование культурной стратегии КНР, строительство мягкой силы и мягкой силы культуры.

Материалы электронных СМИ, Китайского информационного интернет-центра, Жэньмин жибао онлайн, Информационного агентства Синьхуа и данных с официальных сайтов институтов и центров КНР, занимающихся исследованиями в области теории и практик мягкой силы культуры, официального сайта Ханьбань, ИКК в России и посольства КНР в РФ позволили проанализировать современные тенденции реализации мягкой силы культуры Китая.

Отдельную группу материалов составили ежегодные издания «Доклад о развитии мягкой силы культуры КНР» за 2012, 2013 и 2014 гг. и журналы «Мягкая сила культуры» за 2016 г.

Научная новизна результатов диссертационного исследования состоит в том, что:

– на основе анализа эволюции осмысления мягкой силы в отечественной и западной науке обоснована целесообразность использования комплекса научных подходов, среди которых основными являются социокультурный, философско-антропологический, лингво-культурологический и компаративистский, значимые для философской рефлексии мягкой силы культуры Китая;

– выявлено, что в работах китайских учёных концепция мягкой силы представлена системой компонентов (сила культуры, сила политики, сила общества и сила дипломатии); детерминирующим компонентом является культурный, определяя внутренние и внешние практики реализации мягкой силы КНР;

– определены структурные компоненты концепции мягкой силы культуры Китая (идеи традиционной культуры, ценностные императивы новейших культурно-идеологических концепций развития КНР и элементы глобализированной культуры); выделены уровни её проецирования (человек – общество – международная среда);

– выделены и охарактеризованы внутренние и внешние практики мягкой силы культуры Китая;

– выявлены особенности механизмов реализации китайской мягкой силы культуры в практиках внешнего воздействия в условиях межкультурного взаимодействия РФ-КНР.

Положения, выносимые на защиту.

1. Анализ становления теории мягкой силы в отечественной и западной науке обнаружил превалирование технологического и ресурсного подходов к пониманию сущности исследуемого феномена. Сложность и инокультурный характер рассматриваемого явления (мягкая сила культуры Китая) требует использования комплекса научных подходов, среди которых основными являются социокультурный, философско-антропологический, лингво-культурологический и компаративистский.

2. Компонентами мягкой силы КНР выступают: сила культуры, сила политики, сила общества и сила дипломатии. Культура является фундаментальным связующим и всепроникающим компонентом, определяя культуроцентричность мягкой силы Китая. По объекту воздействия китайский вариант концепции обнаруживает дуалистичный (интровертный и экстравертный) характер реализации. Наиболее значимой является гармонизация внутреннего социокультурного пространства, применение механизмов мягкой силы во внешней среде нацелено на расширение культурного присутствия Китая в мире.

3. Китайский научный дискурс «мягкой силы» и «силы культуры» породил гибридизированную теоретическую конструкцию – концепцию мягкой силы культуры. Структурными компонентами мягкой силы культуры являются идеи традиционной культуры, ценностные императивы новейших культурно-идеологических концепций развития КНР и элементы глобализированной культуры. Подобная синергия культурно-ценностных императивов позволяет КНР гибко проецировать мягкую силу культуры внутри государства и вовне. Выделенные в результате анализа уровни проецирования мягкой силы культуры Китая представлены в виде системы: человек – общество – международная среда.

4. Реализация мягкой силы культуры Китая представлена диверсифицированной системой внутренних и внешних практик, имеющих универсальный и специфический национальный характер. Специфические внутренние практики КНР включают: возрождение традиционных китайских академий – Шюань, создание сети «мозговых центров нового типа с китайской спецификой», развитие «культурных экозащитных зон», формирование и продвижение культурных брендов регионов КНР.

5. Внешние практики мягкой силы культуры КНР дифференцированы по странам и регионам мира в зависимости от культурно-цивилизационной специфики объекта воздействия. К ним отнесены: международные научно-образовательные и культурно-языковые проекты, издательская деятельность, теле-радио проекты и развитие международных брендов культурных индустрий КНР. Трансляция мягкой силы культуры Китая на Россию опосредуется всем набором практик и обнаруживает трансформирующий характер.

Теоретическая и практическая значимость работы.

Полученные теоретические результаты развивают и дополняют отечественные исследования в области философии и теории культуры, межкультурного взаимодействия. Автором получены новые данные о содержании теории мягкой силы Китая, построении концепции мягкой силы культуры Китая; охарактеризованы внутренние и внешние практики её реализации. Проведенный лингвокультурологический анализ позволил уточнить понятия «культура», «мягкая сила», «мягкая сила культуры», «практика мягкой силы культуры», являющиеся частью современного научного дискурса КНР.

Выделенные особенности реализации мягкой силы культуры Китая как новой коммуникативной стратегии межкультурного взаимодействия представляют особую значимость для России. Результаты сравнительного анализа культурных стратегий мягкой силы Китая и России могут быть полезны для выстраивания межкультурного взаимодействия с КНР.

Материалы диссертации могут быть рекомендованы для внедрения в образовательный процесс и составить основу лекционных курсов и практикумов по

философским, культурологическим дисциплинам, спецкурсам направления подготовки «Зарубежное регионоведение», «Международные отношения», «Востоковедение и африканистика», использоваться при разработке методических рекомендаций и учебных пособий.

Степень достоверности и апробация результатов. Диссертационное исследование обсуждалось на расширенном заседании кафедры востоковедения Забайкальского государственного университета и рекомендовано к защите по специальности 09.00.13 – Философская антропология и философия культуры.

Основные положения диссертации представлены автором в виде докладов на международных научно-практических конференциях, среди которых: X международная научно-практическая конференция «Китай: история и современность» (г. Екатеринбург 2016 г.), Международная научная конференция «Управление культурными проектами и креативная индустрия» (г. Киев, 2016 г.), VIII, IX Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы развития КНР в процессе её регионализации и глобализации» (г. Чита, 2016-2017 гг.), интернет-конференция Алтайской школы политических исследований (Алтайский государственный университет) «Имидж страны как фактор «мягкой силы» в международных отношениях: история и современность» (2017 г.), VII Международная научно-практическая конференция «Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества» (Благовещенск-Хэйхэ, 2017 г.).

Основные положения диссертации изложены в 13 публикациях автора по теме исследования, среди которых статьи в научных журналах и сборниках научных трудов, в том числе 3 статьи – в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из Введения, двух глав, каждая из которых включает по три параграфа, Заключения, Библиографического списка и Приложения.

Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования мягкой силы культуры Китая: философско-культурологическое измерение

1.1. Эволюция осмысления мягкой силы в работах западных и отечественных ученых

Процессы развития, расцвета и исчезновения культур всегда были предметом дискуссий философов (О. Шпенглер, А. Тойнби, Н.Я. Данилевский¹ и др.). При этом угасание или исчезновение какой-либо культуры часто связывалось с инокультурным влиянием. Однако влияние чуждой культуры не может рассматриваться исключительно как негативный процесс. По словам В.С. Стёпина, «великие достижения цивилизации часто возникали при взаимодействии различных культурных традиций»². Поэтому определение форм и механизмов взаимодействия культур значимо для определения сущности процессов развития культур.

Межкультурное взаимодействие в ходе цивилизационного развития осуществлялось в разных формах. Осмысление зарубежного и отечественного опыта исследования форм межкультурного взаимодействия (аккультурация, диффузия, диалог) с позиции философии культуры, социальной антропологии и культурологии, представлено в работе Т.В. Бернюкевич³. Преобладание тех или иных форм межкультурного взаимодействия на каком-либо историческом этапе мирового развития обусловлено типом развития того или иного государства (традиционалистский или техногенный⁴) и общими тенденциями определённого момента цивилизационного развития.

Доминантой современного мирового развития является глобализация, оказывающая значимое влияние на процессы развития культур. Однако, как справед-

¹ Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Образ и действительность / Пер. с нем. Н.Ф. Гарелин. Мн.: ООО «Попурри», 1998. 688 с.; Тойнби А. Исследование истории. Т. 1. Возникновение, рост и распад цивилизаций / Пер. с англ. К.Я. Кожурина. М.: АСТ, 2009. 863 с.; Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Состав. Н. Саркитова; Коммент. В Климанова, Н. Саркитова. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2008. 704 с.

² Стёпин В.С. Глобализация и диалог культур: проблема ценностей // Век глобализации. 2011. № 2. С. 8.

³ Бернюкевич Т.В. Взаимодействие культур: формы и механизмы: учеб. пособие. Чита: ЗабГУ, 2015. 140 с.

⁴ Стёпин В.С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. 408 с.

ливо отмечает В.М. Межуев, глобализации подлежит не сама культура, а лишь способы ее трансляции и распространения в обществе¹. Философская рефлексия обозначенных процессов содержится в работе американского учёного А. Аппадурай². Исследователь осмысливает современные трансформационные процессы под воздействием глобализации и предлагает свою теорию трансформации, стержнем которой является повседневная культурная практика³. В современных условиях, по убеждению автора теории, формируются новые способы воспроизводства культурной групповой идентичности.

Отечественный философ А.С. Колесников, в свою очередь, также рассматривает трансформацию форм межкультурного взаимодействия под влиянием глобализационных процессов. Исследователь отмечает, что «современный этап мирового развития характеризуется формированием «культурного гиперпространства», т.к. глобализация способствует постоянному кросскультурному диалогу-полилогу. Всепроникающее разноуровневое глобализационное воздействие, – рассуждает учёный, – характеризуется, главным образом, интенсификацией коммуникативных практик и интернационализацией мирового информационного пространства, что обеспечивает возможность перманентного межкультурного взаимодействия»⁴. Отметим, что особую актуальность и богатый эвристический потенциал исследования межкультурного взаимодействия в современных условиях обретает компартивистский анализ Колесникова.

Межкультурное взаимодействие предполагает инокультурное влияние, что в отдельных случаях представляет собой вызов национальной культурной идентичности. Это формирует справедливые опасения у ряда развивающихся стран и стимулирует их на создание и реализацию коммуникативных стратегий и практик, отвечающих требованию обезопасить национальное культурное пространство и увеличить привлекательность и значимость своей культуры в мире. В по-

¹ Межуев В.М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2006. С. 369.

² Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis, 1996. 229 p.

³ Фурс В.Н. Арджун Аппадурай. «Современность» на просторе: культурные измерения глобализации // Социологическое обозрение. 2003. № 4. Т. 3. С. 57-66.

⁴ Колесников А.С. Кросскультурное взаимодействие в современном мире и диалог // Россия – Запад – Восток: компаритивные проблемы современной философии. 2004. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/kolesnikov/krosskulturnoe-vzaimodeystvie-v-sovremennom-mire-i-dialog#n7#n7> (дата обращения: 19.11.2016).

добных условиях актуализируется проблематика «выживания» локально-региональных культур и продуцирования коммуникативных стратегий и практик межкультурного взаимодействия инновационного типа. Формируются инновационные коммуникативные инструменты¹, одним из таких инструментов является мягкая сила.

Понятие «мягкая сила» в конце XX в. ввёл американский учёный Дж. Най, однако концептуальные идеи «мягкого воздействия» содержатся в более ранних работах западных учёных (Н. Макиавелли, Т. Гоббса, М. Вебера, А.Т. Мэхэн, А. Грамши и др.). Детальный анализ становления идей «мягкого воздействия» в западной науке проделан в работе Г.Ю. Филимонова. В рамках настоящего исследования отдельно стоит отметить работы по философии культуры А. Грамши. Идеи «мягкого воздействия» содержатся в той части трудов итальянского философа, где он даёт своё определение «гегемонии». «Гегемония по Грамши, в отличие от диктатуры, основывается исключительно на авторитете духовно-нравственных ценностей, признаваемом добровольно»². При этом «государство является гегемонией, облеченной в броню принуждения»³. Согласно убеждениям философа, власть господствующего класса обеспечивается не только насилием, но и согласием. Руководству страны недостаточно овладеть только экономической основой власти, т.к. этим не гарантируется господство собственников, равно как не обеспечивается и стабильность власти. Грамши отмечает: «Государство рассматривается ... как механизм, принадлежащий определенной социальной группе и предназначенный создать благоприятные условия для ее максимального развития и для максимального распространения её влияния»⁴. Гегемония Грамши опирается на систему культурных ценностей социума: пока стабильна эта система, стабильно общество. Основой стабильности государства у Грамши является власть, которая основана на гегемонии и согласии, где «согласие» – это добро-

¹ Soft power: теория, ресурсы, курс / Под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2015. 376 с.

² Грамши А. Искусство и политика: в 2-х т. Т. 1 / Пер. с итал. М.: Искусство, 1991. С. 10.

³ Грамши А. Избранные произведения в трёх томах. Том третий. Тюремные тетради / Пер. с итал. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. С. 247.

⁴ Там же, с. 169.

вольное принятие обществом системы культурных ценностей, отвечающей интересам правящей социальной группы. И.И. Кранк отмечает, что «расширенное понимание гегемонии позволяет А. Грамши делать вывод о том, что революция в форме вооруженного восстания осталась в прошлом, а в XX веке стратегия революции может быть направлена только на «захват культуры», на борьбу за умы, как условия устойчивого культурного движения в борьбе за новое общество»¹. Это направление философских работ Грамши определено в диссертационном труде И.И. Кранк как культурфилософская концепция «гегемонии культуры». Исследователь отмечает, что «основополагающей идеей концепции культуры А. Грамши является обоснование интеллектуальной и социальной силы культуры»².

В рамках данного исследования можно выделить британского учёного Т. Гоббса как одного из тех, кто в своей теории власти также рассматривал идеи «мягкого воздействия». Ярче всего это проявилось в его известной работе «Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского», которую многие исследователи называют «прототипом» теории мягкой силы. Таким образом, концептуальное содержание мягкой силы находит отражение в ранних работах западных теоретиков. Анализ технологий «мягкого воздействия» содержится и в работах современников Ная: Г. Шиллера³, Г. Киссинджера⁴, Зб. Бжезинского⁵ и др.

Относительно новое понятие «мягкая сила» не имеет устоявшегося категориального статуса, что обуславливает целесообразность уточнения составляющих его лексических единиц. Так, на наш взгляд, отсутствие в современной отечественной науке универсального определения «мягкая сила» отчасти связано с трудностями оперирования «силой» как философской категорией. Понятие «сила» появилось в философских трудах в эпоху античности, однако в современной научной мысли когнитивные границы концепта не обозначены: интерпретация

¹ Кранк И.И. Культурфилософская концепция Антонио Грамши: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2012. С. 4.

² Там же, с. 5.

³ Шиллер Г. Манипуляторы сознанием / Пер. с англ.; Науч. ред. Я.Н. Засурский. М.: Мысль, 1980. 326 с.

⁴ Киссинджер Г. Мировой порядок / Пер. В. Желнинов, А. Милуков. М.: АСТ, 2015. 512 с.

⁵ Бжезинский З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы / Пер. с англ. М.: Междунар. отношения, 1998. 330 с.

варьируется в зависимости от сферы применения и целеполагания конкретного исследователя. Наполнение содержанием и импликация понятия «сила» происходит по большей части в рамках философии политики, политологии, геополитики, теории международных отношений. По мнению Н.В. Юдина, «...понятие «сила» относится к ключевым, но и наиболее дискуссионным в теории международных отношений»¹, т.к. единого понимания данного концепта нет. Единственной общей характеристикой, по мнению А.В. Гукасова, является то, что, интерпретируя данное понятие, большинство исследователей отмечали одну общую составляющую – оказание воздействия с целью управления другими². Таким образом, в теории международных отношений наиболее распространено понимание «силы» как меры взаимодействия субъектов.

Исходя из такого понимания силы современный американский учёный Р. Клайн в 1975 г. предложил известное уравнение по расчёту «подтверждённой» национальной мощи, которое ряд зарубежных исследователей относят к первой попытке вычислить комплексную мощь государства: $P = (C+E+M) * (S+W)$, где P – мощь государства, C – население и территория, E – экономические возможности, M – военная мощь, S – коэффициент национальной стратегии, W – воля по достижению целей национальной стратегии³. Отечественный ученый В.А. Абрамов отмечает, что данная формула делит показатели государственной мощи на материальные и духовные⁴. В своих работах Клайн развивает эти мысли, рассуждая следующим образом. Правительство какой-либо страны может заставить руководство другой предпринять то, что это оно никогда не сделало бы добровольно, это может быть осуществлено посредством убеждения, принуждения или прямого применения военной силы⁵. Формула национальной мощи Клайна послужила основой для научных изысканий американского политолога, профессора

¹ Юдин Н.В. Системное прочтение мягкой силы // Международные процессы. 2015. № 2 (41). Том 13. С. 96-105.

² Гукасов А.В. Современная внешняя политика США в персидском заливе: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Пятигорск, 2013. С. 19.

³ Балахонцев Н., Кондратьев А. Зарубежные методы оценки потенциала стран // Зарубежное воен. обозрение. 2010. № 11. С. 101-104.

⁴ Абрамов В.А. Глобализирующийся Китай: грани социокультурного измерения. М.: Восточная книга, 2010. С. 132.

⁵ Балахонцев Н., Кондратьев А. Зарубежные методы оценки потенциала стран // Зарубежное воен. обозрение. 2010. № 11. С. 102.

Гарвардского университета Дж. Ная¹, который предложил разделить «силу» (англ. «power») на «мягкую» (англ. «soft») и «твёрдую» (англ. «hard»).

Идеи «мягкого воздействия» впервые нашли отражение в ранней совместной работе Дж. Ная и Р. Кохейна «Власть и взаимозависимость» (англ. «Power and Interdependence»²), опубликованной в 1977 г. Ключевым понятием концепции власти стала комплексная взаимозависимость (экономическое взаимопроникновение в международной торговле). Исследователи предложили «уравнять государство с международными организациями, церквями, неправительственными организациями, транснациональными корпорациями, революционными движениями и др. При этом особо подчёркивалось, что разнообразные и сложные связи и взаимозависимости между государствами и обществами растут, в то время как фактор военной силы во властном балансе большинства стран снижается, уступая место культурной дипломатии. Отдельный акцент делался на том, что этот инструмент будет только укреплять сотрудничество между народами, снижая вероятность крупномасштабных военных столкновений в будущем»³.

Сам термин «soft power» впервые использован Дж. Наем в 1989 г. в монографии «Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской силы» (англ. «Bound to Lead: The Changing Nature of American Power»⁴), книга вышла в 1990 г. Исследователь разделил мощь государства на две составляющих, «при этом под твёрдой силой подразумевалась совокупная политическая, экономическая и финансовая мощь, а мягкая сила, в основном, характеризовалась политической идеологией, ценностями и культурой»⁵. Другими словами, материальные элементы совокупной мощи государства – твёрдая сила, а духовные элементы государственной мощи – мягкая сила. Этот труд стал отправной точкой научных изысканий Дж. Ная.

¹ Джозеф Най - выпускник Принстонского университета; практикующий политик (занимал ведущие посты в Пентагоне и Госдепартаменте США, Национальном совете по разведке и Комитете ООН по проблемам разоружения).

² Keohane R., Nye J.S. Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston, MA: Little, Brown and Co., 1977.

³ Филимонов Г.Ю. Роль «мягкой силы» во внешней политике США: автореф. ... д-ра полит. наук. Москва, 2013. С. 27.

⁴ Nye J., Jr. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1991. 366 p.

⁵ Филимонов Г.Ю. Роль «мягкой силы» во внешней политике США. С. 14.

В 2004 г., основываясь на опыте практикующего политика и собственных научных исследованиях, Дж. Най представил новую работу «Мягкая сила» (англ. «Soft Power»), где развил собственную теорию силы. Согласно содержанию этой статьи, мягкая сила – это способность убеждать других желать того же, чего хочешь ты, или вовлекающий (англ. «co-optive») метод осуществления власти. Это не только влияние (англ. «influence»), но и привлекательность (англ. «attractive power»). Среди ресурсов мягкой силы исследователь выделил всевозможные составляющие жизнедеятельности того или иного общества (государства), которые «вдохновляют и привлекают» к источнику воздействия, позволяя тому, кто стремится его контролировать, добиться желаемого результата. В качестве основы вовлекающей власти автор выделил привлекательность идей нематериальной этиологии: идеологии, институтов и культуры.

Важно отметить, что теория мягкой силы была положена в основу внешнеполитической стратегии США, но, несмотря на это, одноимённый концепт не имеет точного определения. В этом отношении интересны исследовательские работы Фань Ина и П.Б. Паршина. Последний обращает внимание на то, что в своей статье¹ 1990 г., Най назвал мягкой силой способность «заставлять другого хотеть того же, чего хочешь ты»². В статье³ 2012 г. он использовал иную формулировку: мягкая сила – это «способность достигать результатов через убеждение и притягательность, а не через принуждение или плату»⁴. П.Б. Паршин приводит в своей работе результаты исследования учёного лондонского Брунелевского университета Фань Ина.

Фань Ин выделил пять существенно различающихся формулировок в книге Дж. Ная «Мягкая сила: ключ к успеху в мировой политике» (англ. «Soft Power: The Means to Success in World Politics»⁵), что и позволило ему «задаться вопросом

¹ Nye J., Jr. Soft power // Foreign Policy. 1990. № 80. p. 167.

² Паршин П.Б. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России // Аналитические доклады ИМИ МГИМО (У) МИД России. 2013. Вып. 1 (63). С. 18.

³ Nye J., Jr. Why China is weak on soft power // New York Times. 2012. January 17. URL: http://www.nytimes.com/2012/01/18/opinion/why-china-is-weak-on-soft-power.html?_r=0 (дата обращения: 16.01.2016).

⁴ Паршин П.Б. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России. С. 19.

⁵ Nye J., Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs Group, 2004; рус. пер.: Най Дж. Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике. М.: Тренд, 2006.

в своей статье¹ о том, с чем мягкая сила ассоциируется в большей степени – с притягательностью или сумбуром. Исследователь заключает, что «мягкая сила» как теоретический концепт должна быть чётко сформулирована, только после этого она становится привлекательным инструментом исследований². Данная статья была опубликована в 2008 г., но и сегодня нельзя говорить о понятийном единстве.

Тем не менее, анализ теоретических наработок Ная позволяет заключить, что мягкая сила диалектически связана с твёрдой. С одной стороны, мягкая и твёрдая сила имеют явные отличия. В самом поверхностном приближении разница между этими явлениями состоит в духовном и физическом начале соответственно. Роль твёрдой силы – удовлетворять потребность общества в природных ресурсах и другом материальном обеспечении. Результаты применения твёрдой силы быстрые и очевидные. В большинстве случаев применение твёрдой силы подразумевает военное вмешательство или экономические санкции. В истории достаточно примеров, когда сильные военные державы покоряли другие страны посредством военных действий. Мягкая сила опирается, главным образом, на эффекты привлекательности своей страны (политического режима, экономического строя, идеологии и т.п.) в других странах. Такая сила играет определенную роль в обществе, но распространение её влияния относительно медленное; результаты применения отодвинуты во времени.

С другой стороны, рассматриваемые феномены являются взаимосвязанными и неделимыми. Любая из сил является условием существования другой. Твёрдая сила является важным условием для повышения мягкой силы, но вторая является важной предпосылкой для первой. Однако наращивание твёрдой и мягкой силы происходит разными темпами, что подтверждается как историческими примерами, так и событиями современности. Например, после Пунической войны (218 – 201 до н. э.) Римская империя вступила в период расцвета. Но, несмотря на

¹ Fan Ying. Soft power: power of attraction or confusion? // Place Branding and Public Diplomacy. 2008. № 2 (vol. 4). P. 148.

² Паршин П.Б. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России. С. 19.

то, что после войны с Карфагеном Рим завладел значительными территориями противника, страна продолжила совершать военные походы. Потому, несмотря на рост общего благосостояния государства, уже при императоре Гай Юлий Цезарь Октавиане (63 г. до н. э. – 14 г. н. э.) Римская империя вступила в период упадка. Тем не менее, общепринято мнение, что именно в эту эпоху Римская империя была наиболее просвещённой. В то же время, иногда ценой наращивания твёрдых сил становится упадок мягких. Ярким современным примером является попытка американской администрации Дж. Буша превосходством своей твердой силы упреждающим образом восстановить мировой порядок. Действия американского правительства в 2003 г. значительно скомпрометировали мягкую силу страны. Многие традиционные союзники Соединенных Штатов открыто выражали недовольство их действиями. Таким образом, твердая и мягкая сила обнаруживают тесные диалектические связи: с одной стороны, они принципиально противоположны, с другой – взаимообусловлены, но не взаимозаменяемы.

Отдельные положения теории мягкой силы получили критические замечания современных американских исследователей. Остановимся подробнее на некоторых из них. Одной из составляющих мягкой силы Ная является привлекательность культуры какого-либо государства. По мнению исследователя, если культура страны содержит универсальные общечеловеческие ценности, а проводимая страной политика не идёт вразрез с этими ценностями и интересами страны, создана связь силы привлекательности с чувством ответственности, то возможность успеха страны возрастает. Такое определение «мягкой силы» выявляет важное значение привлекательности культуры. Дж. Най особо подчёркивает, что такая «привлекательность» имеет большую степень автономии, и поэтому любому государству, которое заинтересовано в повышении своей мягкой силы, необходимо содействовать продвижению своих культурных, политических идей, внешней политики, тогда как увеличение мягкой силы принуждением обречено на провал.

Вторым важным моментом теории является то, что, рассуждая о привлекательности культуры, Дж. Най под «культурой» подразумевал массовую (потребительскую) культуру и отдельно подчёркивал её крайнюю полезность как источни-

ка власти. Исследователь настаивал на том, что, воплощаясь в продукции и общении, американская массовая культура обладает огромной привлекательной силой. Так, в статье 1990 г. учёный приводил конкретные примеры эффективности массовой культуры как инструмента мягкой силы. Одновременно признавая, что массовая культура достаточно поверхностна и всегда находится в состоянии «погони за модой», но благодаря тому, что каналов распространения массовой культуры много, то и влияние её достаточно сильное. Именно поэтому она является источником мягкой силы. В более позднем труде Най, развивая свою теорию, отмечал, что в самом широком смысле культура делится на высокую и потребительскую. И та, и другая – источники мягкой силы, однако вторая в процессе распространения информации о США, их системы ценностей охватывает более широкие массы, следовательно, более эффективна.

Эти тезисы оспариваются в работах С. Хантингтона и З. Бжезинского. Экспомощник по вопросам национальной безопасности США Бжезинский, развивая теорию глобального «культурного доминирования» США в книге «Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы»¹, отмечал, что «культурное доминирование» – это вопрос глобального американского влияния. Однако социальный эффект, который оказывает на американское общество потребительская культура, по его мнению, вызывает опасения. Бжезинский обвинил её в распространении идеологии гедонизма и эпикурейства с одновременным вытеснением религии как базовой системы ценностей западного общества.

В другой монографии «Потеря управления: глобальная смута накануне XXI века»² особо выделено крайне негативное влияние на общество американской массовой культуры. Бжезинский подчёркивал, что страны запада за счёт сильной экономики и могущества могут достаточно быстро урегулировать проблемы экономического роста, тогда как нравственный упадок, культурное самоуничтожение

¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы / Пер. с англ. М.: Междунар. отношения, 1998. 330 с.

² Brzezinski Zb. Out of control. Global Turmoil on the Eve of the XXI-st Century. N.Y., 1993.

и политический раскол – более важные проблемы, на решение которых потребуется значительно больше финансовых и временных затрат.

В свою очередь С. Хантингтон в монографии «Столкновение цивилизаций и новый миропорядок» предпринял попытку разъяснить новую парадигму мироустройства. Серьёзное внимание в данном труде уделено анализу условий привлекательности культуры и идеологии. Исследователь рассуждает следующим образом. Если культура и идеология рассматриваются в качестве материализованных побед и влияния, они обладают силой привлекательности. Только мягкая власть, созданная на основе твёрдой власти, становится властью над другими. Прирост твёрдой экономической и военной мощи может повысить уверенность в себе, самодовольство, уверенность в превосходстве, увеличивает силу привлекательности этой культуры и идеологии перед другими народами¹. Культура, по мнению Хантингтона, всегда следует за властью: расширению и усилению власти всегда сопутствует расцвет культуры, т.е., с точки зрения международной политики, культура не имеет самостоятельности и независимости. Анализируя роль массовой культуры, исследователь приводит контраргументы положениям, изложенным в теории Дж. Ная: распространение американской массовой культуры по всему миру не способствует повышению интереса молодёжи к американской культуре в классическом её понимании, а, следовательно, и усилению мягкой силы культуры США. Этот процесс, по мнению исследователя, связан с общечеловеческим интересом к любви, сексу, насилию, мистическим явлениям, героизму и богатству. Успех американской массовой культуры как отрасли производства связан с тем, что американские компании используют общечеловеческие интересы (о которых говорилось выше) для достижения своих целей, ими двигает интерес получения прибыли, а не повышения силы американской культуры; а самое главное, – массовая культура США распространяет идеологию потребления и гедонизма. Таким образом, культурный компонент мягкой силы является самым дискуссионным в американской теории силы.

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 17-18.

Несмотря на критические оценки, идеи «мягкого воздействия», сформулированные в теории мягкой силы Ная, вызвали общественный и научный резонанс в мире. В целом, к настоящему моменту проблематика мягкой силы получила распространение в дискурсе разных областей отечественной науки, таких как публичная дипломатия, политология, образовательный менеджмент, теория связей с общественностью, философские науки, политическая публицистика. Такое широкое распространение «эффектного выражения», по мнению П.Б. Паршина, «стало одной из причин того, что его содержание тоже стало варьировать в широких пределах, так что в настоящее время говорить о едином понимании выражения «мягкая сила» в отечественной науке не приходится»¹.

Множественность интерпретаций понятия «мягкая сила» в отечественной науке обусловлена его англоязычным происхождением и отсутствием чёткой формулировки у самого Ная. Этим, на наш взгляд, объясняется наличие большого количества вариантов перевода «soft power» в публикациях на русском языке. Лексическое значение каждого из компонентов словосочетания как на русском, так и на английском языках, варьируется. В русском языке слово «сила» – это и физическая возможность совершения какого-либо действия, и, метафорически, – источник воздействия на реципиента (ресурс), и способность изменять какой-л. объект (т.е. влияние на какой-л. объект, инструмент). Англ. «power» синонимично по содержанию. Значение слова «мягкий» как в русском, так и в английском языках содержит описательный смысл отсутствия жёсткости, навязчивости, применения грубой силы, а также обозначает наличие у описательного слова таких характеристик как гибкость, изменяемость. Следуя логике семантического значения каждого из слов, нельзя не согласиться с утверждением П.Б. Паршина о «метафоричности понятия «soft power»².

В ходе настоящего исследования мы выделили следующие, наиболее часто встречающиеся переводы английского словосочетания «soft power»: *«мягкая си-*

¹ Паршин П.Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия // Международные отношения. 2014. Т. № 2 (35). С. 15.

² Паршин П.Б. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России. С. 36.

ла» (В.В. Кутенёв, Ф.С. Фролов, Г.Ю. Филимонов, Т.Н. Кучинская, В.А. Абрамов, Н.А. Абрамова, В.М. Феокистов, А.В. Будаев, С.Ю. Распертова, А.В. Михалёв, О.Д. Фёдоров, П.Б. Паршин, А.В. Торкунов, С.К. Песцов, А.М. Бобыло, М.М. Лебедева, Ж. Фор, Ю.П. Давыдов, А.А. Казанцев, В.Н. Меркушев, С.В. Михневич, Ю.А. Никитина, Д.Б. Регзенова, М.Л. Титаренко, О.И. Завьялова, О.Н. Борох, А.В. Ломанов, М.В. Харкевич, О.Г. Леонова, А.В. Гукасов, О.И. Бодрова, Е.Н. Матюхина, О.Б. Скородумова¹ и др.), «мягкое влияние» (И.А. Зевелёв, М.А. Троицкий, И.Г. Дежина и др.²), «мягкая власть» (Е.П. Панова, О.Ф. Русако-

¹ Кутенёв В.В. Институты евразийской интеграции как инструменты «мягкой силы» России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Бишкек, 2012. 24 с.; Фролов Ф.С. Культурно-лингвистическая экспансия как угроза национальной безопасности России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2014. 34 с.; Филимонов Г.Ю. Роль «мягкой силы» во внешней политике США: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Москва, 2013. 50 с.; Кучинская Т.Н. Архитектоника социокультурного пространства Китая в условиях транснационального межкультурного взаимодействия РФ и КНР: дис. ... д-ра филос. наук. Чита, 2013. 413 с.; Абрамов В.А., Абрамова Н.А. Ценностный потенциал китайского «могущественного культурного государства» в проекциях глобального развития. М.: Восточная книга, 2014. 256 с.; Феокистов В.М. Культурно-цивилизационные ценности концепции национальной безопасности КНР в условиях глобализации: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Чита, 2007. 23 с.; Будаев А.В. Роль «мягкой силы» во внешней политике России (на примере российско-бразильских отношений): автореф. дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2014. 24 с.; Распертова С.Ю. Современные культурные стратегии Китайской Народной Республики в практике международного взаимодействия: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Москва, 2011. 27 с.; Михалёв А.В. Монголия в новой большой игре: роль неформальных институтов мягкой силы: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Улан-Удэ, 2013. 47 с.; Фёдоров О.Д. Международные образовательные программы в инструментарии политики государства // Академический вестник Института педагогического образования и образования взрослых РАО. Человек и образование. 2014. № 2 (39). С. 126-129; Паршин П.Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия // Международные отношения. 2014. № 2 (35). С. 14-21; Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Российское государство в системе международных отношений. Вестник МГИМО Университета. 2012. № 4 (25). С. 85-93; Песцов С.К., Бобыло А.М. «Мягкая сила» в мировой политике: проблема операционализации теоретического концепта // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 2 (34). С. 108-114; Лебедева М.М., Ж. Фор Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России // Вестник МГИМО Университета. 2009. № 6. С. 1-6; Лебедева М.М. «Мягкая сила» в отношении Центральной Азии: участники и их действия // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 5. С. 47-55; Давыдов Ю.П. «Жёсткая» и «мягкая» сила в международных отношениях // США и Канада: экономика, политика, культура. 2007. № 1. С. 3-24; Казанцев А.А., Меркушев В.Н. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» // Полис. 2008. № 2. С. 122-135; Михневич С.В. Мудрец помогает Поднебесной: развитие сети Институтов Конфуция как инструмент реализации политики «мягкой силы» КНР в Большой Восточной Азии // Вестник международных организаций. 2015. Т.10. № 1. С. 80-117; Никитина Ю.А. Российский подход к продвижению «мягкой силы» в сфере внешней политики // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 2 (35). С. 30-35; Регзенова Д.Б. Исторический опыт стратегичности и принцип «мягкой силы» в социально-экономических реформах Китая: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2012. 22 с.; Титаренко М.Л. Китай и Россия в современном мире. СПб.: СПбГУП, 2013. 88 с.; Завьялова О.И. Большой мир китайского языка. 2-е изд. М.: Восточная книга, 2014. 320 с.; Борох О.Н., Ломанов А.В. Скромное обаяние Китая // Pro et Contra. 2007. Ноябрь-декабрь. С. 41-60; Харкевич М.В. «Мягкая сила»: политическое использование научной концепции // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 2 (35). С. 22-29; Леонова О.Г. Мягкая сила – ресурс внешней политики государства // Обозреватель. 2013. № 4. С. 27-40; Гукасов А.В. «Жёсткая» и «мягкая» сила как инструменты внешней политики США // Вестник Института стратегических исследований ПГЛУ: Сб. науч. трудов. Выпуск I: Конфликты – безопасность – геополитика: стратегический анализ современного мирового развития. Ставрополь: Ставролит, 2011. С. 15-17; Бодрова О.И. Гуманитарная экспансия Китайской Народной Республики в период с 1978 по 2012 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2013. 22 с.; Матюхина Е.Н. Сочетание жёсткой и мягкой силы // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2015. № 1. С. 98-102; Скородумова О.Б. Стратегия «мягкой силы» и ее значение в современную эпоху // Научный вестник МГТУ ГА. 2015. № 215 (5) М., С. 52-58.

² Зевелёв И.А., Троицкий М.А. Сила и влияние в американо-российских отношениях: семиотический анализ. Очерки текущей политики. Выпуск 2. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2006. 72 с.;

ва и др.¹), «*мягкая мощь*» (А.А. Байков²) и «*мягкое могущество*» (С.И. Косенко³). Необходимо отметить, что ряд учёных, ввиду семантической размытости термина, использует в своих работах аутентичную формулировку англ. «soft power», не прибегая к переводу.

П.Б. Паршин отмечает: «...у метафоры «мягкой силы» обнаруживается когнитивно-лингвистическая основа, на которой в силу уже совсем не лингвистических причин выстраиваются два сугубо различных понимания «мягкой силы»⁴. Исследователь подчёркивает, что Дж. Най ввёл в науку о международных отношениях выражение «soft power» – языковую форму, «...ибо насколько эта форма терминологична, стоит ли за ней единое понятие, оригинально ли содержание этого выражения – всё это вопросы с далеко не очевидными ответами»⁵. Обозначенные когнитивно-лингвистические трудности познания мягкой силы, необходимость использования в контексте настоящего исследования значительного количества англо- и китаеязычной литературы по теме, анализ инокультурных понятий и явлений требует широкого применения лингво-культурологического подхода.

В контексте исследования становления понятия «мягкая сила» интерес представляют работы отечественные учёных П.Б. Паршина и Н.В. Юдина⁶, которые полагают, что причина онтологической несостоятельности понятия «мягкая сила» заключается в противопоставленных теоретических подходах к формулированию системного определения. Юдин анализирует становление крупных исследовательских направления познания «мягкой силы» в западной науке: «ресурсо-ориентированный» (атрибутивный) и «контексто-ориентированный» (поведенче-

Дежина И.Г. Российская наука как фактор «мягкого влияния» [официальный сайт РСДМ] URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=495#top-content (дата обращения: 13.08.2016).

¹ Панова Е.П. «Мягкая власть» как способ воздействия в мировой политике: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2012 г. 22 с.; Русакова О.Ф. Дискурс soft power во внешней политике // Вестник ЮУрГУ. Серия Социально-гуманитарные науки. 2012. № 32 (291). С. 118-121.

² Байков А.А. «Мягкая мощь» европейского союза в глобальном силовом равновесии: евро-российский трек // Вестник МГИМО Университета. Международные отношения. 2014. № 2 (35). С. 36-46.

³ Косенко С.И. Культурная политика как атрибут «мягкого могущества» Франции // Власть. 2012. № 2. С. 22-27.

⁴ Паршин П.Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия // Международные отношения. 2014. Том № 2 (35). С. 19.

⁵ Там же, с. 14.

⁶ Там же, с. 19.

ский). Первый подход рассматривает силу государства в международной среде в качестве «... совокупности сравнительно легко измеряемых, преимущественно материальных факторов (площади территории, численности населения и армии, экономического потенциала, природных ресурсов) ... Главной отличительной особенностью ресурсо-ориентированного подхода остается представление о том, что каждый субъект обладает силой безотносительно к взаимодействию с другими. Второй подход подчеркивает несводимость силы субъекта к его ресурсам и, как следствие, отрицает её самостоятельный субстанциальный статус: вне взаимодействия игроков «силы» не существует. Она не является неотъемлемым атрибутом субъекта, действующего в международной среде, а возникает только в процессе конкретного взаимодействия, и только его и характеризует»¹. Данные подходы понимания «силы» применяются и для раскрытия сущности «мягкой силы». В заключении исследователь отмечает, что контексто-ориентированный подход наделен бóльшим эпистемологическим потенциалом.

П.Б Паршин полагает, что дифференциация понимания мягкой силы в отечественной науке возникла по причине использования разных подходов к пониманию мягкой силы. Паршин выделяет технологический (инструментальный) и ресурсный подходы. В первом случае исследователи рассматривают «мягкую силу» как совокупность инструментов и сформировавшихся практик, которые потенциально применимы для достижения той или иной цели государства; во втором – понятие интерпретируется с точки зрения ресурса, «которым можно обладать лишь постольку, поскольку его наличие признаётся другими акторами и обеспечивает его обладателю притягательность»². Сам исследователь определяет «мягкую силу» «как важнейший элемент позиционирования государства на международной арене»³. И подчёркивает, «что «мягкая сила» не может быть эффективно реализована в отрыве от совокупности факторов (внешних и внутренних),

¹ Юдин Н.В. Системное прочтение мягкой силы // Международные процессы. 2015. № 2 (41). Том 13. С. 96-105.

² Паршин П.Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия. С. 14-21.

³ Там же, с. 17.

определяющих имидж государства и его восприятие мировым сообществом, которое может быть позитивным, нейтральным или негативным»¹.

Анализ значительного количества работ российских учёных позволяет нам сделать вывод, что значительное количество исследований мягкой силы посвящено рассмотрению понятия как ресурса/инструмента внешней политики государства в системе международных отношений. Так, О.Ф. Русакова рассуждает о содержании понятия следующим образом. «Soft power» как дискурс используется в качестве инструмента влияния и пропаганды в глобальном информационном пространстве и внешней политике. Исследователь отмечает, что «в эпоху глобализации «мягкая» мощь возрастает по сравнению с «жесткими» инструментами влияния...»².

Е.П. Панова, например, рассматривает концепт «soft power» с точки зрения проблематики международных отношений и предлагает перевод «мягкая власть», подчёркивая, что «именно словосочетание «мягкая власть» наилучшим образом соответствует описываемому явлению, т.к. речь идет о способности изменять поведение других акторов, заставляя их опосредованно делать то, что они в ином случае не сделали бы, т.е. это категория именно власти, а не силы или мощи»³. Исследователь формулирует понятие «soft power» следующим образом: «... [это] способность влиять на формирование интерпретаций политических вопросов, попадающих в глобальную информационную сферу таким образом, чтобы они отражали интересы отдельного государства или группы государств, или других акторов»⁴. Такое определение «soft power», на наш взгляд, сужает понятие «soft power» до рамок публичной дипломатии.

О.Д. Фёдоров также интерпретирует «мягкую силу» с точки зрения контексто-ориентированного подхода как «важнейший инструмент обеспечения безопасности государства». Исследователь противопоставляет «мягкую силу» «жест-

¹ Паршин П.Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия. С. 20.

² Русакова О.Ф. Дискурс soft power во внешней политике // Вестник ЮУрГУ. Социально-гуманитарные науки, 2012. № 32 (291). С. 119.

³ Панова Е.П. «Мягкая власть» как способ воздействия в мировой политике: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2012. С. 4.

⁴ Там же, с. 10.

кой силе» ... «Привлекательность и позитивное представление о системе государства, симпатия к нему», – рассуждает учёный, – «являются основой для дальнейшего функционирования разнообразного дипломатического инструментария. «Мягкая сила» государства есть следствие и продукт его позитивного имиджа, сформированного им в других государствах, результат политики формирования такого образа. Это означает, что политика по созданию имиджа в иностранных государствах является необходимостью для дальнейшего использования «мягкой силы», которая, в свою очередь, снижает риски и издержки при использовании «жесткой силы». «Мягкая сила» невозможна без предварительно сформированного позитивного отношения к государству за его пределами»¹.

Как инструмент внешнеполитической концепции мягкая сила представлена в диссертационном исследовании В.В. Кутенёва: «Мягкая сила» – это способность государства достигать поставленных внешнеполитических целей без использования военной мощи и жёстких экономических санкций»². Исследователь интерпретирует концепт «мягкая сила» как ресурс, который на практике реализуется при помощи набора инструментов.

А.В. Торкунов в работе «Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России» обращается к исследованию потенциала привлекательности высшего образования России в качестве инструмента долгосрочного политического влияния на международной арене, автор определяет «мягкую силу» как «новый ресурс лидерства в современном мире»³. Общим для всех вышеперечисленных определений является то, что исследователи рассматривают «мягкую силу» в качестве эффективного внешнеполитического инструмента.

Отдельно выделим исследования О.Ф. Русаковой, посвященные анализу содержания понятия «soft power»/«мягкая сила» и его концептуализации в рамках

¹Фёдоров О.Д. Международные образовательные программы в инструментарии политики государства // Академический вестник Института педагогического образования и образования взрослых РАО Человек и образование. 2014. № 2 (39). С. 128.

²Кутенёв В.В. Институты евразийской интеграции как инструменты «мягкой силы» России: автореф. дис. канд. полит. наук. Бишкек, 2012. С. 4.

³Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Российское государство в системе международных отношений. Вестник МГИМО Университета. 2012. № 4 (25). С. 85.

политической философии¹. Профессор обосновывает понимание «soft power»/«мягкой силы» как «аналитического концепта, специфического дискурса, нового инструмента коммуникативной стратегии (межэтнических, межгосударственных, государственных)»². Подобное новое видение значительно расширяет отечественные научные представления о феномене, переводя современные исследования мягкой силы в плоскость философского дискурса.

Также необходимо отметить, что значительное количество работ в отечественной науке отражает скептическое или откровенно негативное отношение к феномену «soft power». Авторы³ подобных работ считают практику реализации «soft power» основной методикой проведения цветных революций и, следовательно, искусственно спровоцированных государственных переворотов или экспансионистской политикой со скрытыми агрессивными намерениями, отдельно подчёркивая, что основоположник «soft power» Дж. Най прямо указывал на то, что мягкая сила может быть как «оружием» распространения положительного образа, так и оказаться «оружием в руках злодея», приводя в пример такие исторические личности как А. Гитлер.

В рассматриваемом плане интересна точка зрения Г.Ю. Филимонова относительно «мягкой силы» США: «... в XXI в. американская «мягкая сила» становится своего рода «оружием массового поражения», которое, в отличие, к примеру, от атомной бомбы, применяется постоянно, без временных пространственных ограничений. В результате складывается имперская система координат, в которой только Белый дом может без ограничений руководствоваться собственными

¹ Русакова О.Ф. Концепт «мягкой силы» (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2010. № 10. С. 173-192.

² Soft power: теория, ресурсы, дискурс / Под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2015. 376 с.

³ Конюхевич Ю. «Мягкая сила» во внешней политике Соединённых Штатов Америки (в годы президентства Дж. Буша младшего). URL: http://www.mgimo.ru/files/172217/konuhevich_USA-Bush.pdf (дата обращения: 24.03.2016); Фролов Ф.С. Культурно-лингвистическая экспансия как угроза национальной безопасности России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2014. 36 с.; Пшеничников И.Б. Мягкая сила России: духовное измерение // Выступление советника Директора РИСИ И.Б. Пшеничникова на Международной научной конференции «Влияние России в Сербии – исторический обзор и перспективы мягкой силы». 2014 г. URL: <http://riss.ru/analytics/6830/> (дата обращения: 18.11.2015); Шилов В.Н. Московский майдан августа 1991 года: предпосылки и последствия // Научные ведомости. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2014. № 15 (186). С. 183-189; Фролов Ф.С. Культурно-лингвистическая экспансия: геополитический аспект // Армия и общество. 2014. № 4 (41). С. 17-22.

национальными интересами... Парадокс состоит в том, что, с одной стороны, «мягкая сила» – косвенная форма реализации «национального интереса», а с другой – «Троянский конь», разрушающий классическое национальное государство, его духовную основу, культурное ядро, и предлагающий взамен транснациональную культуру потребления, стандартизирующую традиционные общества по подобию США»¹. Этот тезис обстоятельно доказывается автором в рамках диссертационного исследования на примере событий «арабской весны».

Несмотря на то, что в отечественной науке термин «soft power» семантически размыт, содержание и категориальная принадлежность далеки от единства, в подавляющем большинстве работ он рассматривается как инструмент/ресурс международных отношений/политик, а наиболее часто встречающаяся формулировка – «мягкая сила».

М.В. Юдин выделяет несколько наиболее общих интерпретаций «soft power», встречающихся в работах отечественных исследований. «Soft power» – это ресурс внешней политики; тип власти, который основывается на применении нематериальных ресурсов; «совокупность внешних и внутренних факторов государства; впечатление, мотивирующее действие и побуждающее к действию; феномен, который возникает в процессе политического и социокультурного взаимодействия стран; совокупность процесса трансляции гуманитарных ресурсов страны, его результата и их следствия в их диалектическом взаимодействии и единстве; сложную многоуровневую систему, которая позволяет государству решать свои тактические и стратегические задачи на международной арене на официальном и неофициальном направлениях; синоним понятиям «национальный (страновой) брендинг», «национальная репутация», «национальный имидж»².

Ряд учёных полагает, что говорить о научной концепции мягкой силы в отечественной науке преждевременно, поскольку отсутствует чёткое определение основного понятия, что стало причиной множественности представлений о его

¹ Филимонов Г.Ю. Роль «мягкой силы» во внешней политике США: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Москва, 2013. С. 28.

² Юдин Н.В. Системное прочтение мягкой силы // Международные процессы. 2015. № 2 (41). Том 13. С. 102-105.

содержании. Анализ значительного количества работ российских ученых показал, что чаще всего понятием «мягкая сила» обозначаются следующие явления и феномены: позитивный имидж государства¹; привлекательность модели государства, культурная притягательность страны, интеллектуально-научный потенциал, стиль жизни²; экономическая привлекательность, человеческий капитал страны, культурный капитал, дипломатические и политические инструменты «мягкой» силы³; публичная дипломатия⁴ и др.

В настоящем исследовании под «мягкой силой» автор понимает набор материальных и нематериальных ресурсов государства (культурные ценности (материальные и духовные), привлекательность политической идеологии, экономической модели развития и т.д.), который используется для решения задач национального развития.

Выделенные в контексте исследования аспекты рассмотрения феномена ограничиваются исключительно ресурсо-ориентированными и инструментальными характеристиками мягкой силы. Значимо более широкая онтологическая сущность самого явления и разнообразие его проявления в регионально-страновом измерении требует дальнейшего уточнения его концептуально-содержательных компонентов и выявления культурно-цивилизационной специфики в привязке к пространственно-региональным аспектам. Решение подобных задач становится возможным в рамках философско-культурологического анализа, предпринимаемого в данной работе впервые. Предмет данного исследования требует более внимательного отношения к выбору теоретических и методологических оснований. Несмотря на наличие значительного количества работ, посвященных мягкой силе Китая, мягкая сила китайской культуры и подобный ракурс рассмотрения не имеет предшественников.

¹ Кутенёв В.В. Институты евразийской интеграции как инструменты «мягкой силы» России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Бишкек, 2012. 24 с.

² Петровский В. «Мягкая сила» по-русски в поисках точки опоры // Международная жизнь. 2013. № 7. С. 72-84.

³ Русакова О.Ф. Дискурс soft power во внешней политике // Вестник ЮУрГУ. Социально-гуманитарные науки. 2012. № 32 (291). С. 119.

⁴ Будаев А.В. Роль «мягкой силы» во внешней политике России (на примере российско-бразильских отношений): автореф. дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2014. 24 с.

Анализ источников по теме исследования позволяет сделать вывод о том, что феномен «мягкая сила» исследуется учёными разных направлений (международных отношений и внешней политики, филологии и журналистики, социологии и т.д.), содержание концепций мягкой силы и набор практик её реализации варьируются в зависимости от культурно-цивилизационных особенностей государства её практикующего. Так, в Китае значительное число работ посвящено исследованию мягкой силы культуры КНР и форм ее практической реализации. Сложность и инокультурный характер предмета исследования требует использования расширенного комплекса методов и подходов.

Исследуя вопросы мягкой силы, начиная с 2010-х гг. российские учёные особое внимание проявляют к растущему влиянию мягкой силы КНР. При этом отмечается, что её постепенное наращивание оказывает влияние на систему международных отношений, особенно в региональном измерении. Так, Д.В. Мосяков¹, С.И. Мишина² занимаются исследованием специфики реализации мягкой силы Китая в регионе Юго-Восточной Азии (ЮВА). Влияние мягкой силы КНР в Центрально-азиатском регионе анализируют отечественные учёные Е.А. Мальцев³, Е.В. Журавлёва⁴, казахский учёный А.С. Каукенов⁵.

Мягкая сила Китая как инструмент внешнеполитической и социально-экономической стратегий КНР исследуется в диссертационных работах А.В. Бояркиной⁶, Д.Б. Регзеновой⁷. Роль образования в построении стратегии мягкой си-

¹ Мосяков Д.В. «Мягкая сила» в политике Китая Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2014. Т. 14. С. 5-22.

² Мишина С.И. «Говори мягко...» // Азия и Африка сегодня. 2011. № 3. С. 19-24.

³ Мальцев А.Е. Особенности политики КНР в Центральной Азии в оценках российских и западных учёных // Сравнительная политика. 2012. № 4 (10). С. 17-31.

⁴ Журавлева Е.В. Политика «мягкой силы» КНР в отношении стран центральной Азии. На примере Казахстана и Монголии (2007-2015 гг.): дис. ... канд. истор. наук. Москва, 2016. 193 с.

⁵ Каукенов А.С. Особенности китайской дипломатии в Центральной Азии: взгляд из Казахстана // Центральная Азия – Китай: состояние и перспективы сотрудничества. Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, 2008. URL: <http://www.easttime.ru/analytic/3/8/476.html>. (дата обращения: 23.04.2015).

⁶ Бояркина А.В. «Мягкая сила» как политический инструмент реализации внешней политики КНР на рубеже XX-XXI вв.: дис. ... канд. полит. наук. Владивосток, 2015. 234 с.

⁷ Регзенова Д.Б. Исторический опыт стратегемности и принципа «мягкой силы» в социально-экономических реформах Китая: автореф. дис. ...канд. истор. наук. Улан-Удэ, 2012. 22 с.

лы Китая исследуется учеными Н.В. Кухаренко, С.В. Кухаренко¹, С.В. Михневич², О.И. Завьяловой, Т.А. Шаренковой³ и др.

Значительное количество отечественных учёных акцентирует внимание на значении культурного компонента мягкой силы Китая. Так, исследователи И.И. Горлова и О.И. Бычкова, рассматривая особенности использования мягкой силы зарубежными странами, отмечают, что современные государства по-разному определяют приоритеты в концептуальных подходах к мягкой силе. Для Великобритании они базируются на продвижении англо-саксонских политических ценностей, для Германии – на продвижении немецкого языка и культуры, для Италии – на продвижении культурно-исторических ценностей, для Евросоюза – на пропаганде европейских социальных и культурных ценностей, для Китая – на развитии инструментов несилового влияния и защите национальной культурной безопасности от конкурирующих с китайской национальной культурой других международных субъектов мягкой силы⁴.

Культурный компонент мягкой силы Китая также стал предметом рассмотрения отечественных синологов О.Н. Борох⁵ и А.В. Ломанова. Авторы отмечают, что «Китай сознательно делает ставку на культуру, вследствие чего их «мягкие силы» [Китай и США] оказываются в разных интеллектуальных измерениях»⁶. А.В. Будаев отмечает, что «... общую направленность мягкой силы КНР можно считать культуроцентричной, в то время как американские и западные модели мягкой силы ориентированы, главным образом, на продвижение своих политиче-

¹ Кухаренко Н.В., Кухаренко С.В. Образование как инструмент «мягкой силы» Китая в отношении России // Современный Китай в системе международных отношений. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С.

² Михневич С.В. Мудрец помогает Поднебесной: развитие сети Институтов Конфуция как инструмент реализации политики «мягкой силы» КНР в Большой Восточной Азии // Вестник международных организаций. 2015. Т. 10. №1. С. 80-117.

³ Завьялова О.И. Большой мир китайского языка. 2-е изд. М.: Восточная книга, 2014. 320 с.

⁴ Горлова И.И., Бычкова О.И. Культура как мягкая сила: инструменты и точки приложения // Теория и практика общественного развития. 2015. № 18. С. 269.

⁵ Борох О.Н. Роль культуры в наращивании потенциала «мягкой силы» КНР // «Мягкая сила» в отношениях Китая с внешним миром. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 62-111; Ломанов А.В. Современная китайская концепция «мягкой силы» // «Мягкая сила» в отношениях Китая с внешним миром. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 13-61.

⁶ Борох О.Н., Ломанов А.В. От мягкой силы к «культурному могуществу» // Россия в глобальной политике. 2012. №4. URL: <http://globalaffairs.ru/number/Ot-myagkoi-sily-k-kulturnomu-moguschestvu-15643> (дата обращения: 17.11.2015).

ских, демократических и правозащитных ценностей»¹. Л.Е. Янгутов рассматривает учения даосизма, конфуцианства и буддизма как философско-мировоззренческие истоки формирования принципов концепции мягкой силы КНР². М.Н. Фомина исследует культурные ресурсы мягкой силы Китая и России³. О.И. Бодрова акцентирует внимание на такой составляющей мягкой силы КНР как культурная дипломатия⁴.

Значимый вклад в осмысление концептуального содержания и социокультурных практик мягкой силы КНР внесли работы международного научного коллектива «Школы интерпретаций региональных практик современного Китая» Забайкальского государственного университета. В.А. Абрамов рассматривает базисные ценности культуры китайской цивилизации как мягкую силу и основу современного возрастающего регионального и глобального позиционирования Китая⁵. В совместной монографии В.А. Абрамова и Н.А. Абрамовой ценностный потенциал культуры Китая представлен как основа мягкой силы – инновационной управленческой стратегии КНР⁶. В диссертационном исследовании Т.Н. Кучинской рассмотрены ценностные ресурсы и принципы наращивания мягкой силы китайской культуры⁷. В работах В.С. Морозовой, Т.В. Колпаковой, Т.А. Шаренковой, Янь Шуфан, Ли Пин, Чжоу Юй, Цуй Хунхая и др. исследуются отдельные механизмы и практики мягкой силы Китая.

Следуя методологической традиции, разработанной в рамках «Школы интерпретаций региональных практик современного Китая» ЗабГУ, считаем целесообразным применение комплекса методов и подходов, значимых для исследова-

¹ Будаев А.В. Светлые и тёмные стороны мягкой силы Китая // Государственное управление. Электронный вестник. 2016. № 54. С. 125.

² Янгутов Л.Е. Духовные истоки политической стратегии «мягкой силы» Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 4. С. 159-167.

³ Фомина М.Н. Стратегия культурного ресурса российского и китайского вариантов «мягкой силы» // Вестник Забайкальского государственного университета. 2014. № 12. С. 106-112.

⁴ Бодрова О.И. Культурная дипломатия как инструмент «мягкой силы» КНР // Приволжский научный журнал. 2013. № 4 (28). С. 207-212.

⁵ Абрамов В.А. Императивный потенциал «мягкой силы» в стратегиях внутреннего и внешнего развития КНР // Вестник ЧитГУ. 2010. № 3 (60). С. 10.

⁶ Абрамов В.А., Абрамова Н.А. Ценностный потенциал китайского «могущественного культурного государства» в проекциях глобального развития. М.: Восточная книга, 2014. 256 с.

⁷ Кучинская Т.Н. Архитектоника социокультурного пространства Китая в условиях транснационального межкультурного взаимодействия РФ и КНР: дис. ... д-ра филос. наук. Чита, 2013. 413 с.

ния мягкой силы культуры как нового коммуникативного инструмента межкультурного взаимодействия. Прежде всего, обращение к инокультурным явлениям и понятиям обуславливает необходимость применения лингво-культурологического подхода, который позволит раскрыть этимологическую сущность ключевых понятий исследования в китайской науке; интерпретировать оригинальные китайские и англоязычные источники по проблематике мягкой силы культуры КНР. Для философской рефлексии культурно-цивилизационных особенностей концептуального наполнения и практик реализации мягкой силы культуры Китая значимым, на наш взгляд, является социокультурный подход, позволяющий выявить единство культурных и социальных факторов в построении китайской концепции мягкой силы культуры. Философско-антропологический подход позволит выявить культурную специфику формирования концепции мягкой силы культуры Китая в её антропологическом измерении. Компаративистский подход, в свою очередь, необходим с целью выявления национальной специфики и философско-культурологической рефлексии содержания концепции мягкой силы культуры КНР.

Поводя итог, отметим, что в работах российских учёных концепт «мягкая сила» не имеет общепринятого научного определения. Отечественные исследователи интерпретируют «мягкую силу» как ресурс/инструмент внешней политики, не затрагивая при этом концептуально-содержательные и культурно-цивилизационные аспекты рассмотрения феномена. Философско-культурологический анализ специфики китайской мягкой силы в рамках диссертационного исследования в отечественной науке предпринимается впервые. Исследование мягкой силы культуры как новой формы коммуникативной стратегии в условиях межкультурного взаимодействия требует применения комплекса научных подходов, среди которых нами выделены основные: социокультурный, философско-антропологический, лингво-культурологический и компаративистский, значимые для исследования сложного инокультурного феномена – мягкой силы культуры Китая.

1.2. Становление теории мягкой силы в китайской науке

Интерес к теории мягкой силы, её сущностному содержанию и применению на практике резко возрос в КНР в конце XX – начале XXI вв. В выступлениях высшего руководства КНР появились призывы использовать мягкую силу для достижения целей внутреннего и внешнего национального развития. Понятие «мягкая сила» становится неотъемлемым элементом текстов новейших стратегий КНР на средне- и долгосрочную перспективу.

Несмотря на то, что вербализация феномена «мягкая сила» в мировой науке произошла сравнительно недавно, по словам профессора А. Хантера (США) «Китай – одно из древнейших государств, которое инструментально практикует эту мягкую власть во внутренней и внешней политике»¹. Ментальные конструкции как элементы мягкой силы, сформированные на разных исторических этапах развития Китая, обнаруживаются в трактатах школ философской мысли начиная с VII-VI вв. до н.э. Древние китайские мыслители Лао Дань (Лао-цзы), Конфуций (Кун-цзы), Сунь Бин (Сунь-цзы) разрабатывали «мягкие» методы воздействия на оппонента, которые применялись в Китае более двух тысяч лет в области военной практики, управления государством и выстраивания отношений с соседними народами.

В древнекитайском памятнике «Канон Пути и Совершенства» («Даодэцзин»), приписываемом основателю даосизма Лао-цзы (конец VII – начало VI в. до н. э.) раскрывается китайская суть мягкой силы: «В целом мире нет ничего мягче и слабее воды, но вода лучше всего побеждает то, что прочно и твёрдо... То, что слабое одолевает сильное, а мягкое – твёрдое, знает весь мир...»². В свою очередь Конфуций, рассуждая об образе великого правителя Поднебесной, наставлял: «Тот, кто хочет снискать расположение людей, не должен применять к ним насилие»³.

¹ Абрамов В.А. Глобализирующийся Китай: грани социокультурного измерения. М.: Восточная книга, 2010. С. 136.

² Китайская военная стратегия / Сост., пер. В.В. Малявин. – М.: ООО «Издательство Астрель», 2002. С. 37.

³ Там же, с. 16.

В глубокой древности предки современных китайцев размышляли над тем, как использовать инструменты мягкой силы для победы в конфликте «жестких сил». В трактате Сунь-цзы (VI – нач. V в. до н. э.) «Искусство войны» содержатся следующие ее стратагемы: 以弱克刚 («и жуо кэ ган» – «мягким можно победить твёрдое»), 避实击虚 («би ши цзи сюй» – «избегай сильных сторон противника, наноси удары в слабые места»), 偷梁换柱 («тоу лян хуань чжу» – «воевать с противником руками другого противника») и т.д.

Сунь-цзы возвел «мягкое», т.е. «нематериальное», психологическое воздействие на одно из первых мест в военном противоборстве¹. Он считал, что «... тот, кто умеет вести войну, покоряет чужую армию, не сражаясь...»². Сунь-цзы отмечал далее, что «война – это путь обмана»³ и «сто раз сразиться и сто раз победить – это не лучшее из лучшего; лучшее из лучшего – покорить чужую армию, не сражаясь», поэтому «самая лучшая война – разрушить планы противника, на следующем месте – расстроить его союзы» лишь затем «разгромить его войска...»⁴.

Рекомендации Сунь-цзы при выборе стратегии действий предстают в военном трактате специфическими, например: «Заманивай его выгодой» (предлагается заманить противника какой-либо незначительной выгодой и тем самым добиться больших выгод для себя); «Приведи его в расстройство и бери его» (этот приём выражается в широких мероприятиях по внесению расстройства в лагерь противника: посеять разлад среди союзников и тем самым обессилить их; поднять внутренние волнения в стане противника)⁵; «Приняв смиренный вид, вызови в нём сомнение» (суть этой рекомендации заключается в том, что необходимо своим смирением и поступками добиться, чтобы противник проникся излишним сомнением и стал беспечным; тогда этим можно воспользоваться и напасть на него)⁶ и др.

¹ Абрамов В.А. Глобализирующийся Китай: грани социокультурного измерения. С. 137.

² Сунь-цзы. Трактаты о военном искусстве / Сунь-цзы, У-цзы; Пер. с кит., предисл. и коммент. Н.И. Конрада. М.: ООО «Издательство АСТ»; Спб «Terra Fantastica», 2002. С. 41.

³ Там же, с. 36.

⁴ Там же, с. 40.

⁵ Там же, с. 92-93.

⁶ Там же, с. 95.

Подобные идеи предпочтения ненасильственных методов «покорения» оппонента содержатся и в трактате У-цзы, военный стратег древнего Китая, рассуждая о мудрости управления страной, предостерегал: «Мало таких, кто овладел Поднебесной частыми победами, но много таких, кто от этих побед погибал». Суть этой стратагемы в том, что «умный правитель воюет мало, тем самым сберегая силы своего государства, а самого большого достигает тот, кто идёт на войну только тогда, когда это абсолютно неизбежно»¹.

Древнекитайская философская школа «Бин Цзя», разработавшая учение о военном искусстве, в том числе о «мягкой» и «жесткой» силе как основах социокультурной регуляции, синтезировала для этого идеи «конфуцианства», «легизма», «даосизма», «иньян цзя» и «мо цзя». Идеологической основой учения служили конфуцианские принципы отношения к военному делу, изложенные в «Хуан Фане», «Лунь юе», «Си Цы чжуани». Наиболее важные сочинения этой школы «Сунь-цзы» и «У-цзы», вместе с пятью другими трактатами в конце II в., были объединены в «Семикнижие военного канона» (кит. «武经七书» – «У цзин ци шу»), ставшего основой всех традиционных военно-политических и военно-дипломатических доктрин не только Китая, но и Японии, Кореи, Вьетнама².

Мировоззрение социокультурных идей, изложенных в «Семикнижии военного канона», основывалось на представлении о циклическом характере всех космических процессов, являющихся переходом противоположности друг в друга по законам взаимопревращения сил «инь» (кит. «阴») и «ян» (кит. «阳») и циркуляции «пяти элементов» (кит. «五行» – «у син»). Этот общий ход вещей и есть путь «обращения к корню и возвращения к началу», т. е. к «дао». Поэтому в социальной жизни также действуют противоположности, в ней взаимообусловлены «культура» («文» – «вэнь») и оппозиционная ей «воинственность» («武» – «у»), т. е. «мягкое» и «твёрдое»³.

¹ Сунь-цзы. Трактаты о военном искусстве. С. 508.

² Абрамов В.А. Глобализирующийся Китай: грани социокультурного измерения. С. 137-138.

³ Китайская философия: Энциклопедический словарь / РАН, Институт Дальнего Востока: гл. ред. М.Л. Титаренко. М., 1994. С. 23.

Таким образом, ментальные конструкции, содержащие элементы современной теории мягкой силы, проявлялись на разных исторических этапах развития Китая, воплощаясь в трактатах различных школ философской мысли Поднебесной. Древние китайские философы считали, что основой государственных отношений являются нормы этики, права и сотрудничества, а применение различных невоенных стратегий как инструментов влияния на противника – основа древней военной культуры Китая.

Идеи мягкой силы в новой интерпретации зазвучали в китайском обществоведении и публицистике в начале 1990-х гг. В тот период традиционные военные представления, трансформировавшиеся в идеологию военной философии Нового времени Дэн Сяопина, также нашли форму своего выражения в «мягкой силе»¹. В 1993 г. была опубликована статья профессора Университета Фудань (Шанхай, КНР) Ван Хунина (王沪宁) – «Культура как государственная мощь: мягкая власть»², где традиционные ценности культуры были представлены именно в виде мягкой силы. Автор отмечал, что международные изменения сделали мягкую силу основной силой внешних связей страны. Если твёрдая сила может распространяться только в определённой политической обстановке, то мягкая сила, опираясь на существующую систему социокультурных ценностей, поддерживается и распространяется международным сообществом постоянно, представляя собой потенциальную энергию мировой культуры³.

Статья Ван Хунина положила начало введению нового понятия в обществоведение КНР и его исследованию. С середины 90-х гг. XX в., «по словам профессора Мэнь Хунхуа, тема мягкой силы и её значение для Китая стала одной из самых обсуждаемых в научных и политических кругах. К такому заключению китайский учёный пришёл на основе анализа результатов обзора научных публика-

¹ Абрамов В.А., Янь Шуфан. Культурные индустрии как механизм реализации ценностного потенциала «мягкой силы» Китая // Вестник Забайкальского государственного университета. 2011. № 7. С. 15.

² Ван Хунин. Цзовэй гоцзя шилидэ вэньхуа: жуань цюаньли = Культура как государственная мощь: мягкая власть // Фудань дасюэ сюэбао. 1993. № 3. С. 23-28.

³ Абрамов В.А., Абрамова Н.А. Ценностный потенциал китайского «могущественного культурного государства» в проекциях глобального развития. С. 140-141.

ций Китайской научной базы данных (Чжунго чживан)¹. Его запрос показал наличие 518 работ, опубликованных с 1997 по 2007 гг., в названии которых присутствовало ключевое слово «мягкая сила»². Исследование продолжено в диссертационной работе Т. Н. Кучинской: за пять следующих лет этот показатель достиг более 2000 публикаций (2008 – 151; 2009 – 227, 2010 – 303, 2011 – 337; 2012 – 424)³.

Мы продолжаем статистику: за последние четыре года было опубликовано 1656 статей (2013 – 485, 2014 – 456, 2015 – 399, 2016 – 316)⁴. На сайте Чжунго чживан приводится график динамики подобных исследований. Согласно графику (см. Приложение 1), с 2000 по 2012 гг. количество академических работ по теме ежегодно возрастало, затем количество исследований начало уменьшаться. На наш взгляд, это связано с тем, что исследования в области мягкой силы стали более детализированными.

Китайские учёные пытаются проследить историю формирования концепта посредством тщательного анализа зарубежных трудов. На китайский язык переведены и проанализированы такие монографии, как: «Столкновение цивилизаций и строительство нового мирового порядка» С. Хантингтона⁵, «Мягкая сила» Дж. Ная⁶, «Великая шахматная доска: господство Америки и его геополитические императивы» З. Бжезинского⁷, «Социальные теории международной политики» А. Вендта⁸ и др. Эти и другие труды подверглись тщательному анализу и критической оценке.

¹ Электронная база научных данных Китая (кит. «中国知网», англ. «China Knowledge Resource Integrated Database») (далее по тексту: «Чжунго чживан») – это наиболее широко используемая академическая база данных в КНР. Она включает в себя наибольшее количество оцифрованных научных журналов, диссертаций, газет, книг, материалов конференций, ежегодников, ссылок; предоставляет тезисы материалов на английском языке.

² Кучинская Т.Н. Архитектоника социокультурного пространства Китая в условиях транснационального межкультурного взаимодействия РФ и КНР: дис. ... д-ра филос. наук. Чита, 2013. С. 211.

³ Кучинская Т.Н. Архитектоника социокультурного пространства Китая в условиях транснационального межкультурного взаимодействия РФ и КНР: дис. ... д-ра филос. наук. Чита, 2013. С. 211.

⁴ Чжунго чживан. URL: http://epub.cnki.net/kns/brief/default_result.aspx (дата обращения 24.08.2015, 04.01. 2017).

⁵ Саймоуэр Хэтиндунь. Вэньминдэ чунду юй шицзе чжисюдэ чунцзянь = Столкновение цивилизаций и создание нового мирового порядка / Пер. Чжоу Ци и др. Синьхуа чубаньшэ, 1998.

⁶ Юссэфу Най. Жуань шили = Мягкая сила / Пер. Цзюань Ии. Бэйцзин: Чжунсинчу чубаньшэ, 2013.

⁷ Цзыбигэню Бужэцзиньсыцзы. Даци цзюй – мэйгодэ шоуяо дивэй цзици диюань чжаньлюе = Столкновение цивилизаций и строительство нового мирового порядка / Пер. Чжунго гоцзи вэньти яньцзю. Шанхай: Шанхай чубаньшэ, 2007.

⁸ Ялишанда Вэньтэ. Гоцзи чжэнчжидэ шэхуэйлиунь = Социальная теория международной политики / Пер. Цинь Яцин. Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 2000.

Так профессор Дань Шилянью выступает с критикой теории мягкой силы Дж. Ная, отмечая, что Най предложил не обоснованное понятие «soft power» и не аргументированную теорию, а самое главное – теория не выдерживает критики с точки зрения принципа историзма и не объясняется с точки зрения практической власти. А основное противоречие «столкновения цивилизаций» Хантингтона, по мнению исследователя, в том, что теория акцентирует внимание на различиях и конфликтах цивилизаций, но не рассматривает внутренние конфликты цивилизаций; развивает мысль о том, что цивилизации могут провоцировать международные конфликты, но уделяет мало внимания конструктивной ценности мирного урегулирования международных конфликтов; теория анализирует культуру как основную признанную ценность, но не соотносит её с определённым народом, территорией, финансовым состоянием, ресурсами и другими явлениями¹. Кроме того, Хантингтон не разделяет понятия «государство» и «цивилизация», подменяя одно другим.

Работы других исследователей также содержат критические оценки теорий западных коллег. Например, Ли Минцзянь отмечает, что дискурс мягкой силы в Китае в значительной степени соответствует концептуальной основе, предложенной Дж. Наем, но не ограничивается её рамками, значительно расширяя представление о феномене².

Профессор Го Цземинь, в свою очередь, подчёркивает, что теория Ная, с точки зрения научности, слишком незрелая и поверхностная, содержит внутренние противоречия. Исследователь объясняет это тем, что основная идея Дж. Ная заключалась в попытке предоставить правительству США дипломатические консультации в области внешнеполитической стратегии. Этим, по словам учёного, объясняется отсутствие чёткой теоретической конструкции труда и размытость основных понятий³.

¹ Дань Шилянью. «Жуань шили» лунышу чжундэ люсин вэньхуа = Анализ массовой культуры как части «мягкой силы» // Вэньхуа яньцзю, 2015. № 4. С. 18. С. 19.

² Кучинская Т.Н. Архитектоника социокультурного пространства Китая в условиях транснационального межкультурного взаимодействия РФ и КНР. С. 212.

³ Го Цземинь. Дантянь вого жуань лилян яньцзю чжун чжоугань нандянь вэньти цзици сыкао = Некоторые мысли о трудностях исследования «мягкой силы» в Китае // Вэньхуа жуаньшили лань пишу. Чжунго вэньхуа жуаньшили яньцзю баогао, 2010. URL: http://news.china.com.cn/2011-06/02/content_22700389.htm (дата обращения: 17.07.2016).

Необходимо отметить, что в научных публикациях КНР, как и в российских, термин «soft power» имел несколько переводов: «мягкая сила» (кит. «软实力» – «жуань шили»), «мягкое влияние» (кит. «软势力» – «жуань шили»), «мягкая мощь» (кит. «软力量» – «жуань лилян»), «мягкая власть» (кит. «软权力» – «жуань цюаньли»), «мягкая сила государства» (кит. «软国力» – «жуань голи»). В последние годы в подавляющем количестве работ используется первый из них.

Рассуждая о множественности переводов понятия «soft power» на китайский язык, Го Цземинь отмечает, что в процессе исследования концепта и применения КНР на практике различных инструментов мягкой силы становится очевидным и разное содержание переводных словосочетаний. Исследователь полагает, что если учитывать сущностное содержание теории, предложенной Дж. Наем, то становится совершенно очевидно, что вариант перевода Ван Хунина – «мягкая власть» (кит. «软权力») – наиболее подходящий (наиболее близким ему по семантическому значению является перевод «мягкое влияние» (кит. «软权势»), который тоже встречается в китайских публикациях 90-х гг.). Однако благодаря углубленным исследованиям, проведённым китайскими учёными, особое внимание стали уделять созданию собственной теории мягкой силы, при этом если говорить о «мягких показателях», которые учитываются при оценке совокупной мощи государства, то наиболее подходящим будет перевод «мягкая сила государства» (кит. «软国力») или «мягкая сила» (кит. «软实力»).

Последний вариант перевода впервые был использован в официальных выступлениях руководства КНР в 2007 г.¹ Использование этой формулировки, на наш взгляд, становится понятно из содержания китайской теории мягкой силы.

Американский учёный китайского происхождения Ван Хун'ин, анализируя публикации на китайском языке, посвящённые исследованию мягкой силы, отметил, что китайская теория мягкой силы шире, чем предложенная Дж. Наем. Авторская теория предлагает решения для различных ситуаций в области междуна-

¹ «Гаоцзю Чжунго тэсэ шэжуэйчжуи вэйда цичжи вэй дощой цюаньмянь цзяньчэн сяокан шэжуэй синь шэнли эр фэньдоу» = «Высоко держа великое знамя социализма с китайской спецификой бороться за построение общества сяокан» (Доклад Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК) / Чжунго гунчаньдан ди шици цы цуаньго дайбяодахуэй вэньцзянь хуэйбянь = Сборник документов XVII съезда КПК. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2007. С. 32.

родных отношений, тогда как китайские учёные рассматривают её, прежде всего, в качестве эффективной стратегии внутреннего развития китайского региона. Помимо этого, американская «soft power» обеспечивается, в основном, привлекательностью поп-культуры и политической модели, тогда как обсуждение содержания китайской концепции мягкой силы сосредоточено вокруг понятий «традиционная культура», «экономическая модель развития», «национальное единство», «социальная справедливость», «политическая реформа», «моральные нормы», «антикоррупционная борьба» и т.п.¹

По мере «китаизации» понятия «soft power», обнаружилась тенденция «расширения его содержания», продиктованная необходимостью его адаптации к реалиям китайского социума. В условиях категориальной размытости китайской теории мягкой силы на начальном этапе потребовалось разграничение понятий «мягкая власть» (кит. «软权力») и «мягкая сила» (кит. «软实力»). Так, сущностное содержание первого, – рассуждает исследователь Го Цземинь, – в большей мере соответствует предложенной Наем концепции, и ориентировано на внешнеполитическую деятельность КНР. Однако, с точки зрения комплексной национальной стратегии государства, для обозначения его культурной составляющей наиболее подходит вторая формулировка, т.к. сила – одна из характеристик государства, а культура – один из важных источников национального единства и творческих сил, поэтому становится одним из важных составляющих комплексной мощи государства. Конечно, – рассуждает дальше учёный, – оба понятия взаимосвязаны и взаимозависимы, но не следует подменять одно другим. Дифференциация этих понятий способствует глубокому пониманию содержания китайской теории «мягкой силы», стратегических целей КНР. Теория Дж. Ная содержит конкретный набор инструментов реализации «мягкого» господства США, поэтому направленность его теории утилитарная, прагматическая².

¹ Вэньхуа жуаньшили лань пишу: чжунго вэньхуа жуаньшили яньцзю баогао (2010) = Синяя книга мягкой силы культуры: доклад об исследованиях мягкой силы культуры в Китае. 2010. URL: http://news.china.com.cn/2011-06/02/content_22700389.htm (дата обращения: 16.04.2016).

² Го Цземинь. Дантянь вого жуаньшили яньцзю чжун чжоугань наньдянь вэньти цзици сыкао = Некоторые мысли о трудностях исследования «мягкой силы» в Китае. URL: http://news.china.com.cn/2011-06/02/content_22700389.htm (дата обращения: 18.02.2016).

Однако в китайском дискурсе теория Ная была дополнена традиционными идеями «всестороннего гармоничного развития» в целях укрепления национального единства и достижения международного порядка на основе согласия и соразвития. Вследствие чего содержание китайского понятия «мягкая власть» (кит. «软权力») выходит за рамки, предложенные Дж. Наем, обладает своей культурно-цивилизационной спецификой, а потому наиболее подходящий вариант перевода – «мягкая сила» (кит. «软实力»).

Таким образом, китайские учёные проводят философский анализ содержания понятия «мягкая сила», но наиболее важным предметом исследований стало компонентное содержание теории мягкой силы, определение взаимосвязи твёрдой и мягкой силы. В китайских работах отмечается, что они взаимообусловлены и диалектически едины; взаимно разграничены, взаимосвязаны, взаимно конверсионные, и взаимопроникающие. Мягкая сила противопоставлена твёрдой силе, однако если нет первой, нет и второй. Твёрдая сила является материальной основой мягкой силы, обеспечивает её научно-технической платформой, средствами распространения; мягкая, в свою очередь, обеспечивает твёрдую идеологическими знаниями, духовными движущими силами, развивает стратегии. «В условиях отсутствия передового вооружения», – объясняет диалектическое единство двух сил Чжан Гоцзо, – и недостатка денежных средств, материально-технического обеспечения; с опорой только на духовность, знания и идеологию, т.е. только на мягкую силу, чрезвычайно сложно превзойти сильного оппонента. Напротив, имея передовое вооружение и достаточное материально-техническое обеспечение, но не имея преданных управленческих и рядовых кадров, научных достижений, строгой дисциплины и высокого боевого духа, можно потерпеть поражение даже в поединке со слабым противником. В таких условиях самое передовое вооружение и материально-техническое обеспечение может стать грудой металлолома и ненужного хлама¹.

¹ Чжан Гоцзо. Чжунго вэньхуа жуаньшили яньцзю луньган = Тезисы исследований мягкой силы культуры КНР. Пекин: Шэхуэй кэсюе вэньсянь чубаньшэ, 2015. С. 63-64.

Китайские учёные, основываясь на идейном содержании теории Дж. Ная, выделяют следующие компоненты теории мягкой силы: политическую силу, культурную силу, силу дипломатии и силу общества. При этом ядром в данной системе является культурный компонент. Отметим, что Най выделял привлекательность культуры, привлекательность идеологии и политических ценностей и внешнюю политику (при условии её законности и авторитета). Все компоненты в американской теории равнозначны.

Наибольшую полемику вызывает вопрос о роли силы культуры или силы политики в построении компонентов мягкой силы КНР. Го Цземинь полагает, что теоретическая несостоятельность понятия «мягкая сила» в США объясняется, прежде всего, тем, что новый термин появился в развитой стране. Мягкая сила США достигла апогея к концу XX в., а потому не было необходимости разбираться в сущностном содержании теории, которая многократно подтвердила свою эффективность на практике. Нет необходимости выявления ядра мягкой силы, Белый Дом просто использует все возможные инструменты мягкой силы для реализации интересов нации. Китай – развивающаяся страна, а потому выявить сущностное содержание теории мягкой силы – жизненная необходимость¹.

В научном дискурсе КНР точки зрения на этот вопрос также разнятся: выделяются два основных направления. Одна часть исследователей в качестве основного элемента мягкой силы государства рассматривает политическую власть. Согласно этой точке зрения, именно политическая сила играет решающую роль в формировании мягкой силы государства. Сторонник этой точки зрения исследователь Янь Сюетун считает, что политические силы государства в состоянии решить какого рода мягкую силу создавать и на какой культурной основе². Цзя Личжэн, анализируя бурное экономическое и социальное развитие Китая в поисках механизмов «экономического чуда», которое Китай совершил за 30 лет, при-

¹ Го Цземинь. Дантянь вого жуаньлилян яньцзю чжун чжоугань наньдянь вэньти цзици сыкао = Некоторые мысли о трудностях исследования «мягкой силы» в Китае. URL: http://news.china.com.cn/2011-06/02/content_22700389.htm (дата обращения: 20.09.2015).

² Янь Сюетун. Вэньхуа циюань сюяо чжэньчжи юньюн – дуй «жуаньшилидэ хэсинь ши чжэньчжи шили» таолунь-чжун моусе вэньтидэ цзешу = Культурному источнику необходимо политическое применение – разъяснение некоторых вопросов дискуссии «Ядро мягкой силы – политическая власть» // Хуаньцзю шибао. 8.02.2007.

шёл к выводу, что укрепление экономической мощи невозможно без политической мягкой силы¹. Оба исследователя едины во мнении, что укрепление национальной мягкой силы необходимо начать с политических реформ.

Иную точку зрения отстаивают представители «культурного направления», подчёркивающие, что ядро мягкой силы – культура, т.к. культура – это колыбель истории, душа нации, она пронизывает все сферы общественной жизни, является движущей силой социального прогресса. Например, Гао Чжаньсян подчёркивает, что именно сила культуры стимулирует гармоничное развитие экономики и политики, а потому для возрождения нации необходимо сначала культурное возрождение. После 30-летних исследований в 2007 г. он опубликовал книгу «Сила культуры»². Работая над монографией, учёный пришёл к выводу, что ядром национальной мягкой силы является культура. В интервью 2010 г. он ещё раз подчеркнул, что именно культура является основой возрождения нации и построения гармоничного общества³.

Чжан Цзы и Сан Хун также акцентируют внимание на особой роли культуры. По мнению учёных, культура стала специфическим видом «мягкой власти» в международной политике и имеет тесную связь с национальной мощью, национальными интересами и национальной стратегией⁴.

Подобной точки зрения придерживается и Юй Синьтянь, отмечая, что ядром мягкой силы является культура, причём самое главное – ценностное ядро культуры⁵. Первый китайский исследователь феномена мягкой силы Ван Хунин также полагал, что «твёрдая власть» может применяться и распространяться в определённом политическом сообществе, тогда как «мягкая власть» в большей степени зависит от знакомства мирового сообщества с определёнными культур-

¹ Цзя Личжэн. Цун чжэнчжи жуаньшили кань чжунгодэ тяншэн = Политическая мягкая сила: возрождение Китая // Жэньминь луньтань. 2008. № 2.

² Гао Чжаньсян. Вэньхуа ли = Сила культуры. Бэйцзин чубаньшэ, 2007. 318 с.

³ Гао Чжаньсян. Гао Чжаньсян юй Читяньдацзо сяньшэндэ дуйхуа – Сяньдай шэхуэй ин чунсинь жэньши «вэньхуа ли» = Диалог Гао Чжаньсян с господином Читяньдацзо – Современное общество должно обновить знания о «силе культуры» // Чжунго вэньхуа ли яньцзю чжунсинь = Исследовательский центр культурной силы Китая. URL: <http://www.cprc.bnu.edu.cn/bencandy.php?fid=4&id=695> (дата обращения: 06.01.2016).

⁴ Чжан Цзы, Сан Хун. Вэньхуа: годи чжэнчжи чжундэ «жуаньцюаньли» = Культура – мягкая власть международной политики // Шэхуэй чжуи яньцзиу. 1999. № 3.

⁵ Юй Синьтянь. Жуаньшили цзяньшэ юй чжунго дуйвай чжаньлюе = Создание мягкой силы и внешнеполитическая стратегия Китая // Гоцзи вэньти яньцзиу. 2008. № 2.

ными ценностями, от международного одобрения определённой системы, а также от тенденций всемирной культуры и ценностей¹.

В рамках данной проблематики интересны результаты работы исследовательской группы Пекинского университета, цель которой заключалась в определении составных элементов мягкой силы. В ходе исследования учёные выделили структурные элементы мягкой силы, которые Дж. Най называл в разные годы. Согласно его работе 1990 г., мягкая сила состоит из пяти элементов, а именно: культура, образ жизни, идеология, притягательная сила нации и международные механизмы. В 1999 г. базовые структурные элементы мягкой силы определены так: привлекательность национальной культуры и идеологии. В 2004 году Най определил три составных элемента мягкой силы, а именно: культура, политические ценности и внешняя политика. В некоторых интервью и публикациях Най указывал, что мягкая сила – это влияние культуры, авторитет идеологии, влияние системы и дипломатии. Таким образом, во всех наевских определениях есть общий элемент – культура². Что также косвенно указывает на важность культуры как элемента мягкой силы.

С исторической точки зрения, любая страна в мире в определённые отрезки времени поддерживала свой мировой статус и мощь за счёт таких факторов, как политика, экономика, культура и т.д. Одним из существенных факторов являлось то, насколько сильную национальную культуру имеет страна, и насколько сильное влияние она имеет на другие страны. Например, в период китайской династии Тан Китай был одной из самых сильных держав мира. Так называемый «расцвет величия династии Тан» – это не только отражение его сильной экономической мощи, но и отражение распространения влияния её культуры. Даже сегодня районы по всему миру, где компактно проживают выходцы из КНР, называются «чайнатаун», а сами эмигранты называют их «танские улицы» (с кит. «唐人街»).

¹ Ван Хунин. Цзовэй гоцзя шилидэ вэньхуа: жуань цюаньли = Культура как государственная мощь: мягкая власть. С. 23-28.

² Жуаншили цзай Чжунгодэ шисянь чжи – жуаншили гайнянь = Практика мягкой силы в Китае – концепция мягкой силы. [офиц. сайт]. URL: <http://theory.people.com.cn/GB/49157/49165/6957188.html> (дата обращения: 19.01.2016).

Что показывает, насколько велико было культурное влияние Китая танской эпохи. Культурный компонент мягкой силы является ключевым: такие функции мягкой силы как убеждение, проникновение и привлечение, в основном, «лежат в поле ответственности» культуры.

Научная полемика по этому вопросу стала возможной, поскольку «сила политики», равно как и «сила культуры», – нематериальные «активы» мягкой силы. Поле их взаимодействия – абстрактное. В поисках ответа на этот вопрос китайские учёные столкнулись с необходимостью уточнения содержания понятий «сила культуры» и «сила политики». В китайской науке понятие «культура», например, имеет узкий и широкий смысл, различают духовную и материальную культуру, насчитывается более двухсот определений понятия «культура». Поэтому вполне закономерно, что китайские учёные и в понятия «сила культуры» и «сила политики» вкладывают разное содержание. Исследователь Янь Сюетун, например, полагает, что «сила политики» – это функциональная сила, тогда как «сила культуры» – это ресурсная сила. Он понимает культуру как статическую силу уровня знаний¹. Юй Синьтянь, как и ряд других учёных, отстаивает иную точку зрения, и отмечает, что культурные ценности определяют наше отношение и представление о всех явлениях мира, культура в этом случае понимается как идеологическая сила, которая определяет все наши действия.

Именно эти понятийные различия определили полемику вокруг внутреннего содержания китайской мягкой силы: что имеет первостепенное значение – политика или культура. По мнению отечественного исследователя А.В. Бояркиной, на начальном этапе исследований взгляды китайских ученых разделились, образуя два самостоятельных научных направления исследования мягкой силы Китая – «политическое» и «культурное»².

Последнее было поддержано политической элитой КНР, что во многом определило ход дальнейших исследований, которые сосредоточились на содержа-

¹ Янь Сюетун. Вэньхуа цзиюань сюяо чжэньчжи юньюн – дуй «жуаньшилидэ хэсинь ши чжэньчжи шили» таолунчжун моусе вэньтидэ цзеши = Культурному источнику необходимо политическое применение – разъяснение некоторых вопросов дискуссии «Ядро мягкой силы – политическая власть». 8.02.2007.

² Бояркина А.В. «Мягкая сила» как политический инструмент реализации внешней политики КНР на рубеже XX-XXI вв.: дисс. ... канд. полит. наук. Владивосток, 2015. С. 55.

нии культуры как детерминирующего компонента и её взаимосвязи с другими компонентами мягкой силы. Существенным отличием китаизированной теории стало и содержание компонентов мягкой силы. В первую очередь, китайские исследователи оспаривают утверждение Дж. Ная, который под «культурой» как компонентом мягкой силы подразумевал «массовую культуру» (Го Цземинь отмечает, что это самое слабое место теории Ная¹). В исследованиях внимание акцентируется на том, что сила культуры, помимо материальной культуры человеческого бытия, включает также нематериальные элементы культуры, выражающиеся в духовной силе и силе знаний, включая привлекательность культуры, силу языкового убеждения, силу вдохновения идеала, силу морального воодушевления, творческую силу знаний, притягательную силу нравственности, руководящую силу теории, притягательную силу общественного мнения и силу сформированных имидж-образов.

Один из ведущих учёных Китая, профессор, директор Исследовательского центра мягкой силы культуры Чжан Гоцзо подчёркивает, что культура – это «дух» и «координаты» китайской мягкой силы (кит. «灵魂» 和 «经纬»). Так называемый «дух» (или культурные ценностные ориентации, кит. «文化的价值取向»), уточняет учёный, определяет направление развития культуры, развитие руководящей идеи и развитие идеологии. А так называемые «координаты», это культурные факторы, пронизывающие горизонтально и вертикально все стороны, звенья и логические цепочки общественного развития². По мнению авторов китайской коллективной монографии «Мягкая сила культуры: путь могущественного государства в условиях глобализации»³, сила культуры стала рассматриваться как проявление связующей силы китайской нации, которая заключается в признании системы ценностей обществом КНР.

¹ Го Цземинь. Дантянь вого жуань лилян яньцзю чжун чжоугань наньдянь вэньти цзици сыкао = Некоторые мысли о трудностях исследования «мягкой силы» в Китае. URL: http://news.china.com.cn/2011-06/02/content_22700389.htm (дата обращения: 30.03.2016).

² Чжан Гоцзо. Чжунго вэньхуа жуаньшили яньцзю луньган = Тезисы исследований мягкой силы культуры КНР. С. 67.

³ Вэньхуа жуаньшили цуаньцюхуа бэйцзинся дэ цянго чжидо = Мягкая сила культуры: путь могущественного государства в условиях глобализации / Хуа Цзянь [и др.]. Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 2013. С. 30.

Анализируя практический опыт зарубежных стран и западные научные труды, китайские учёные пришли к выводу, что, во-первых, массовая культура само по себе очень сложное явление: имеет большое количество форм (каждая из которых требует отдельного детального исследования), обширную сферу распространения и взаимосвязей. Во-вторых, массовая культура какого-либо государства по причине коммерческой ориентации, коммерческого характера и постоянной погони за модными тенденциями, не может оказывать серьёзного влияния на систему культурных ценностей государства или изменить ментальность другого государства. Она не является самым очевидным способом, выражающим и передающим систему ценностей какого-либо государства, а потому китайские исследователи отвергают возможность рассмотрения массовой культуры в качестве основы мягкой силы Китая, однако она является её составляющей. При этом учёные подчёркивают, что необходима целенаправленная работа по созданию массовой культуры, наполненной содержанием и смыслом.

Серьёзную полемику обозначила необходимость установления связи между силой политики и силой культуры как компонентов мягкой силы. Политика и культура как отрасли знания – самостоятельны, параллельны друг другу. Однако, когда они выступают в роли компонентов мягкой силы и обозначаются как «мягкая сила культуры» и «мягкая сила политики», они переплетаются, границы каждого из понятий размыты. Сущностное содержание культуры – способы адаптации человечества к естественному образу жизни, её ядро – система ценностей, а её роль заключается в эффектах, которые она производит на человека, это и есть конкретные проявления силы культуры. В свою очередь сила политики включает в себя политические теории, политические системы, политические принципы, политические ценности, национальную стратегию, харизму идейных лидеров, силу влияния и т. д. Образ действий определяется системой ценностей. Будь то массовая культура, идеология или государственная система: всем управляет определённая система ценностей; в основе всего глубокие культурные корни, это и есть основа мягкой силы.

Можно сказать, что в китайской теории сила культуры и сила политики – взаимопроникающие компоненты мягкой силы, в определённой степени представляющие внутреннее и внешнее содержание мягкой силы, т.е. первое – внутреннее ядро, а второе – способы экстернализации первого.

Китайская теория мягкой силы отличается и логикой выстраивания самой структуры компонентов и их взаимосвязей. Дж. Най элементы мягкой силы (культура, политические ценности и идеалы, внешняя политика) размещает параллельно друг другу. Китайские исследователи, напротив, настаивают на том, что самое важное значение в содержательном наполнении теории принадлежит культурному компоненту. Культура проникает во все окружающие системы «по вертикали и горизонтали» (кит. «经纬»), а потому такие составляющие мягкой силы, как привлекательность общественного строя, ценностей, международного влияния, дипломатических отношений и различных государственных стратегий тесно связаны с культурой, более того, они детерминированы её содержанием. Таким образом, китайские учёные подчёркивают фундаментальное значение духовной культуры: она является связующим, всепроникающим и определяющим компонентом китайской концепции мягкой силы.

Следующим отличием китайской теории мягкой силы является тезис о возможности воспроизводства мягкой силы. Китайские исследователи развивают мысль о том, что мягкую силу можно создать, укрепить и повысить, причём на уровне государственной стратегии, политики. Эта точка зрения находит отражение и в официальной позиции государства, воплощаясь в различных призывах построить/укрепить/повысить мягкую силу КНР. Отметим, что Дж. Най придерживается противоположной точки зрения, настаивая на том, что ценности культуры являются мягкой силой, если они привлекательны сами по себе, равно как и мягкая сила возникает сама по себе, её нельзя создать.

Рассмотрение мягкой силы лишь с точки зрения международной стратегии и внешней политики (Дж. Най) имеет инструментальный оттенок. Следуя такой логике, культура – всего лишь одно из средств и инструментов международных стратегий и внешней политики.

В китайском научном дискурсе сила культуры рассматривается как важная составляющая комплексной мощи государства (кит. «综合国力»¹). Китайские учёные интерпретируют комплексную мощь государства (КМГ) как систему, состоящую из взаимосвязанных элементов, а именно: потенциал материальных ресурсов, производительные силы экономики, силы ударного вооружения, мобилизационные силы политики, привлекательная сила культуры, сила научно-технических инноваций и сила единства национальностей. Первые три составляющие относят к материальным твёрдым силам, последние четыре – к мягкой силе. Исследователи отмечают при этом, что повышение ядерной мощи разных стран и быстрое развитие интернета постепенно ограничивает применение ударных сил вооружения. Тогда как пресса и общественное мнение оказывают всё большее влияние на политическую обстановку и умонастроения социумов, что стало причиной снижения места и влияния материальных твёрдых сил в составе КМГ.

Профессор Чжан Гоцзо рассуждает следующим образом. Современный мир – время интенсивного развития и реформ, где ежедневная конкуренция между странами становится всё более ожесточённой. А роль культуры в процессе конкуренции государств по показателям КМГ становится всё более очевидной, одновременно усложняется задача охраны государственной культурной безопасности². Т.е. китайские учёные особо подчёркивают, что сила или слабость мягкой силы культуры отражается на силе единства и сплочённости всех национальностей, долговременном порядке и долгосрочной стабильности государства, таким образом, мягкая сила культуры интерпретируется как важнейшая составная часть комплексной мощи Китая.

Другими словами, учёные КНР интерпретируют культуру не через призму инструментально-рационального подхода, но через призму ценностно-рационалистического подхода. Такой подход и определяет доминантную роль

¹ Понятие «комплексная мощь государства» (КМГ) в западной научной литературе преимущественно используется в политических исследованиях, и в самой общей интерпретации подразумевает совокупность всех материальных и духовных ресурсов нации, имеющих значение для национальных интересов страны в международной среде, для расширения ее влияния и присутствия в мире с тем, чтобы получить в результате всевозможные выгоды.

² Чжан Гоцзо. Чжунго вэньхуа жуаньшили яньцзю луньган = Тезисы исследований мягкой силы культуры КНР. С. 64.

культуры в мягкой силе. Таким образом, китайская теория мягкой силы обнаруживает выраженную культуроцентричность. Китайские теоретики отстаивают возможности воспроизводства мягкой силы, что находит отражение в официальной позиции КНР.

Официальным Пекином понятие «мягкая сила» впервые было озвучено в ноябре 2006 г. на восьмой Всекитайской конференции представителей литературы, когда председатель КНР Ху Цзиньтао призвал «увеличить международную конкурентоспособность культуры страны и повышать мягкую силу государства»¹. С 2007 г. стратегия мягкой силы стала частью партийной идеологии, когда 15 октября на XVII съезде КПК в докладе Ху Цзиньтао прозвучал призыв повышать «мягкую силу культуры» государства в создании гармоничного общества внутри Китая и гармоничного мира за его пределами². 8 ноября 2012 г. на XVIII всекитайском съезде КПК в своём отчётном докладе генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цзиньтао среди «задач полного построения среднезажиточного общества и всестороннего углубления реформ и открытости» отдельно выделил задачу «усиления роли культуры как мягкой силы государства». В докладе подчёркивалась необходимость укоренения в сознании людей основных ценностей социализма, повышения культурного уровня граждан и цивилизованности общества. Отмечалась необходимость активного содействия распространению китайской культуры за рубежом. «Всё это, по мнению Ху Цзиньтао, позволит заложить прочный фундамент для создания социалистической культурной державы»³. По мнению исследователя Ли Минцзяна, именно политической элитой был сгенерирован интерес к мягкой силе⁴, которая демонстрирует уверенность, что ценностным ядром мягкой силы КНР является её национальная культура.

¹ Лю Цзайци. «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // Полис. 2009. № 4. С. 149.

² Ху Цзиньтао. Гао цзюй Чжунго тэсэ шэхуэй чжуи вэйда цичжи, вэй доцюй цюаньмянь цзяньшэ сяокан шэхуэй синь шэнли эр фэньдоу. Цзай Чжунго гунчаньдан ди шици цы цюаньго дайбяо дахуэйшандэ баогао (2007 нянь, 10 юе, 15 жи) = Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, бороться за новую победу в деле полного построения среднезажиточного общества. Доклад на Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 15 октября 2007 г. // Информационное агентство Синьхуа. 24.10.2007.

³ XVIII съезд Коммунистической партии Китая // Экспресс-информация ИДВ РАН. 2012. № 7. С. 38.

⁴ Кучинская Т.Н. Архитектоника социокультурного пространства Китая в условиях транснационального межкультурного взаимодействия РФ и КНР. С. 21.

Интерес к культурной мягкой силе косвенно подтверждается и увеличением общего числа научных работ, в которых одним из ключевых словосочетаний значится «мягкая сила культуры». Так, согласно данным научной базы Чжунго чживан, в 2006 г. была опубликована 1 подобная публикация, в 2007 – 9, 2008 – 181, 2009 – 202, 2010 – 260, 2011 – 282, 2012 – 356, 2013 – 353, 2014 – 354, в 2015 – 335 и в 2016 – 275 публикаций¹. Согласно статистике, последние десять лет научный интерес к культурному компоненту мягкой силы убедительно возрастает (динамика публикаций отображена схематически: см. Приложение 2).

Исследование мягкой силы в КНР выделилось в отдельное научное направление, подтверждением чему служит создание новых исследовательских институтов. Так 27 июля 2012 г. в г. Гуанчжоу состоялась церемония открытия Гуандунского Южного исследовательского института мягкой силы (кит. «广东南方软实力研究院»). Сотрудники института, согласно сферам научных интересов, работают по разным направлениям: «Мягкая сила культуры», «Мягкая сила предприятий», «Мягкая сила города», «Мягкая сила общества», «Мягкая сила закона», «Мягкая сила финансов», «Мягкая сила образования», «Мягкая сила личности» и др. На сегодняшний день институт активно сотрудничает с АОН КНР и ведущими вузами страны.

В 2013 г. на базе Уханьского университета создан Государственный инновационный центр совместных исследований мягкой силы культуры Китая (кит. «国家文化软实力协同创新中心»). Основные теоретические разработки сотрудников Центра публикуются в ежегодном печатном издании «Доклад о развитии мягкой силы культуры Китая» (кит. «中国文化软实力发展报告»). В марте 2016 г. при поддержке Министерства образования КНР инициировано издание журнала «Мягкая сила культуры» (кит. «文化软实力»), выступающего важным средством популяризации научно-теоретических разработок в данной области.

С 2014 г. при Пекинском университете в Институте международных отношений функционирует Государственный центр исследований мягкой силы куль-

¹ Чжунго чживан = Китайская научная база данных. URL: http://epub.cnki.net/kns/brief/default_result.aspx (дата обращения: 04.01. 2017).

туры Китая (кит. «国家文化软实力研究中心»). Основная задача работы Центра – разработка культурных стратегий наращивания мягкой силы Китая.

Необходимо отметить, что процесс институционализации исследований мягкой силы в КНР свидетельствует о масштабах и системности проводимых исследований и о крайней заинтересованности руководства страны в развитии теории и практики мягкой силы.

Китайская концепция мягкой силы специфична и выбором объектов влияния. Развивая официальную точку зрения, учёные КНР подчеркивают, что Китай является развивающейся страной, разные сферы общественной жизни все еще находятся в процессе становления, и по многим позициям, по-прежнему, существует отставание от показателей развитых стран. Именно поэтому в КНР научные изыскания в области теории мягкой силы сосредоточены не только на её международном влиянии, но, прежде всего, на потенциале мягкой силы как эффективном инструменте решения вопросов внутреннего развития КНР. Китайские учёные выражают уверенность в том, что только путем содействия здоровому развитию внутренних регионов страны и содействия всестороннему развитию граждан можно укрепить собственную мягкую силу, повысив тем самым привлекательность КНР в других странах.

Таким образом, теоретические исследования КНР в области мягкой силы сосредоточены не только на её эффектах в международной среде, но, прежде всего, на её потенциале как эффективной коммуникативной стратегии решения вопросов внутреннего развития Китая. Китайский вариант концепции обнаруживает дуалистичный (интровертный и экстравертный) характер реализации.

В целом мягкая сила в Китае реализуется сегодня на государственном уровне как внутри страны, так и на международной арене. Китайские исследователи разрабатывают национальную теорию мягкой силы и наполняют её содержанием, отвечающим требованиям внутренней и внешней политики КНР. В выступлениях высшего руководства страны и научных трудах учёных просматривается уверенность, что ядром теории мягкой силы КНР является система культурных

ценностей Китая – основа консолидации китайского социума, способная структурировать и гармонизировать такое гетерогенное общество как Китай.

На основе компаративистского подхода выявлено, что существенным отличием китаизированной теории мягкой силы стало внутреннее содержание, логика выстраивания её структурных компонентов, их взаимосвязей. Традиционная культура Китая, характеризующаяся длительностью и непрерывностью развития, инкорпорирована в национальную теорию мягкой силы, обладая высокой внутренней устойчивостью, она является её аксиологической основой и определяет культуросоцентричность китайской теории.

1.3. Содержание концепции мягкой силы культуры Китая

Культуросоцентричный характер мягкой силы КНР predetermined новое направление развития теории, объединяющее потенциал теории силы культуры и мягкой силы. По мнению китайских авторов коллективной монографии «Стратегия великой державы: мягкая сила на пути к могуществу», Китай целенаправленно стал использовать культуру в качестве инструмента внешней политики¹, с этой точкой зрения солидарны и российские китаеведы Н.А. Абрамова, А.В. Ломанов, О.Н. Борох и А.В. Будаев: «...Культурное истолкование «мягкой силы» – сознательный выбор. Пока Америка несёт в мир свои политические ценности, Китай делает ставку на культуру, вследствие чего их «мягкие силы» оказываются в разных интеллектуальных измерениях»². «... Общую направленность «мягкой» дипломатии КНР можно считать культуросоцентричной (основанной на экспансии в мире китайских культурных достижений), в то время как американские и западные модели «мягкой силы» ориентированы, главным образом, на продвижение своих политических, демократических и правозащитных ценностей»³. Значимость

¹ Даго цэ: тунсян даго чжи лудэ жуаньшили = Стратегия великой державы: мягкая сила на пути к могуществу / Под ред. Мэнлян. Бэйцзин: Жэньминь жибао чубаньшэ, 2008. 345 с.

² Борох О.Н., Ломанов А.В. От мягкой силы к «культурному могуществу». URL: <http://globalaffairs.ru/number/Ot-myagkoi-sily-k-kulturnomu-moguschestvu-15643> (дата обращения: 24.10.2015).

³ Будаев А.В. Светлые и тёмные стороны мягкой силы Китая // Государственное управление. Электронный вестник. 2016. № 54. С. 125.

культурного компонента мягкой силы КНР подчёркивается как отечественными, так и западными исследователями.

Кроме того, роль культурного компонента мягкой силы как ключевого закреплена в официальных заявлениях КПК и правительства КНР. Призыв к «наращиванию мягкой силы культуры государства» (кит. «提高国家文化软实力») впервые прозвучал в документах партийного форума XVII съезда КПК (октябрь 2007 г.). Было заявлено, что культура становится всё более важным элементом совокупной государственной мощи, при этом дальнейшее развитие культуры Китая должно сопровождаться ростом её международного влияния¹. Новое направление официальной стратегии отражено и в докладе Председателя КНР Ху Цзиньтао, в котором было раскрыто концептуальное содержание стратегии «построения гармоничного мира», представленное пятью основными принципами. Одним из которых стал культурный: создание условий для увеличения культурных обменов, уважение культурного разнообразия. В докладе также содержится призыв китайского лидера обратиться к своему культурному прошлому: к мудрости предков².

Анализ работ китайских ученых по теме показал, что к 2010 г. выделилось самостоятельное научное направление: исследования мягкой силы культуры (кит. «文化软实力研究»). Косвенным подтверждением чему является последовательный процесс институционализации подобных исследований посредством создания новых научных структур, занимающихся разработкой концепции мягкой силы культуры КНР.

Исследования мягкой силы культуры в Китае носят фундаментальный характер: обнаруживается наличие определенной структуры, принципов и критериев наполнения концепции. Первоначально становление концепции в китайской науке было связано с уточнением родственных понятий: «культура», «сила культуры» и «мягкая сила».

¹ Ломанов А.В. «Мягкое побеждает жёсткое»: создание современного образа Китая // Раздвигая горизонты науки: к 90-летию академика С.Л. Тихвинского. М.: Памятники исторической мысли, 2008. С. 740.

² Е Цзян. Цюаньцю чжили юй чжунгодэ даго чжаньлюе чжуаньсин = Глобальное управление и трансформация стратегии Китая в отношениях с великими державами. Пекин: Шиши чубаньшэ, 2010. С. 224.

Так, китайские ученые апеллируют к истории эволюции термина «культура» (от лат. «cultura») в западной науке, делая вывод о том, что понятие в западной его интерпретации имеет два ключевых значения. Первое указывает на способы обработки земли человеком. Второе соотносится с уровнем психологического и нравственного воспитания человека.

В рамках настоящей работы представляет интерес исследование этимологического значения современного концепта «культура» (кит. «文化») в китайском языке, выполненное профессором Шэнь Хун'юй. В древнекитайском языке, пишет профессор Шэнь, иероглифы «文» и «化» содержали разные смыслы. Морфема «вэнь» (кит. «文»), обозначала, как правило, узор или изображение, образно отражающее сложность предметов и явлений внешнего мира. В качестве примеров исследователь приводит толкования к гексаграммам «Ицзин» («Книга перемен»), в которых содержится следующее объяснение: «Сложность положения (состояния) вещей в древности называлась «вэнь» (кит. «物相杂, 故曰文»).

Далее исследователь отмечает, что устаревшее написание иероглифа «化» (вторая морфема современного слова «культура») – это идеограмма (ассоциативный иероглиф), который в записях на костяных дощечках состоял из вертикально стоящего человека и перевернутого человека, стоящего на руках. «Человек, перевернутый с ног на голову» – это метафорическое обозначение «изменения, перемен». Таким образом, современный иероглиф «化» имеет смысл изменения, модификации. В первой главе Чжуан-цзы («Свободное плавание», кит. «逍遥游»), – приводит пример учёный, – есть такие строки: «...превратился в птицу, а называли её гигантская птица Пэн» (кит. «...化而为鸟, 其名曰鹏»).

Затем профессор Шэнь описывает первый зафиксированный в литературном источнике случай одновременного использования иероглифов «文» и «化». В конфуцианских комментариях к «Ицзин» конца эпохи «Воюющих царств» (250-221 гг. до н. э.) это слово трактуется как сложно-сплетение мужского и женского начала, небесных тел и явлений, включая просвещение и человеческую культуру. Комментарии содержат пояснения, что «созерцая небесные тела и явления, можно наблюдать за течением времени, а наблюдая за человеческой культурой, можно

изменить Поднебесную». Здесь «человеческая культура» и «преобразования Поднебесной» имеют очень тесную связь, очевиден смысл перевоспитания посредством культуры. Таким образом, делает вывод учёный, в китайской языковой системе основное предназначение культуры – формирование характера человека, его нравственное воспитание¹.

Сравнительный лингво-культурологический анализ показал, что «культура» в западной интерпретации объединяет материальный и духовный уровни. В китайском языке при истолковании культуры бóльшее внимание уделяется духовной компоненте, что отражено в иероглифической письменности. Однако западное и китайское понимание «культуры» имеют значимую общность: оба подчёркивают человеческий характер культуры.

В современном китайском научном дискурсе более 200 определений понятия «культура». Отдельные учёные интерпретировали данное понятие согласно условий, которые диктовала специфика конкретной научной работы и область академических изысканий. Поэтому вопрос универсального понятия «культура» остаётся открытым. Вследствие чего исследователи мягкой силы культуры предпринимают попытки выработать определение культуры как элемента мягкой силы.

Важно отметить, что в научном дискурсе КНР распространено понимание культуры с точки зрения китаизированного марксизма и концепции материальной и духовной цивилизации Дэн Сяопина. Согласно марксистской идеологии, политика, экономика и культура – фундаментальные компоненты организации человеческого общества. Поскольку культура структурно отделяется от политической и экономической составляющих, она обозначает исключительно духовную сферу. Т.е. в рамках теории мягкой силы культуры более разумно придерживаться узкой интерпретации понятия «культура», которое подразумевает систему ценностей, способов мышления, идеалов и убеждений, символически-знаковую систему и

¹ Шэнь Хун'юй. Дандай чжунго вэньхуа жуаньшили яньцзиу = Исследование вопросов мягкой силы культуры современного Китая: дис. ...д-ра наук. Пекин, 2013. С. 12.

другие духовные ориентиры, которыми руководствуется человек в определённом обществе. Суть данного определения – система ценностей и образ мышления¹.

В монографии директора Государственного инновационного центра совместных исследований мягкой силы культуры Китая Чжан Гоцзо отмечается, что в рамках исследования мягкой силы культуры понятие «культура» подразумевает духовное наследие китайской цивилизации². Таким образом, интерпретируя «культуру» как мягкую силу, китайские исследователи подчёркивают фундаментальное значение духовного наследия китайской нации и силу его воздействия на общество и человека.

В этой связи, в современном научном дискурсе КНР широкое применение находит понятие «сила культуры» (кит. «文化力»). Разработка содержания теории силы культуры инициирована в работах китайских общественных деятелей и военных стратегов на раннем этапе провозглашения Китайской Республики (после Синьхайской революции 1911 г.). Определённые исторические периоды развития республики определяли и специфику понимания «силы культуры». После образования Китайской Республики Лян Цичао выдвинул концепцию «силы культуры», где рассуждая о значении государства и культуры, он отмечал, что государство создаёт условия объединения, наследования и преумножения культурной силы своего народа. Поэтому строительство государства – это своеобразное средство человеческой эволюции. Культурная сила выступает одним из видов государственной власти, является важным воплощением силы в процессе национального развития. Известный военный стратег Китайской Республики Ян Цзе в своём труде «Новая теория национальной обороны» (кит. «国防新论») упоминал о концепции силы культуры, подчёркивая важную роль, которую она играет в современных войнах. Он отмечал, что победу можно одержать военной силой, но, чтобы удержать её, необходимо использовать силу культуры. Культурные силы способны сделать осязаемую победу невидимой, а временную победу обернуть постоян-

¹ Шэнь Хун'юй. Дандай чжунго вэньхуа жуаньшили яньцзиу = Исследование вопросов мягкой силы культуры современного Китая. С. 12.

² Чжан Гоцзо. Чжунго вэньхуа жуаньшили яньцзиу луньган = Тезисы исследований мягкой силы культуры КНР. С. 58.

ной¹. Общим для двух теорий является то, что оба автора понимали «силу культуры» как силу миротворческого рода.

Тем не менее, формирование теории силы культуры началось лишь после того, как в научных публикациях КНР впервые нашла отражение теория мягкой силы. Профессор Ван Хунин, руководствуясь теорией Дж. Ная в статье 1993 г., указывал, что культура является силой; частью власти; и частью национальной мощи. Эта публикация положила начало академическим исследованиям теории силы культуры в Китае.

Китайские исследователи рассматривают понятие «сила культуры» в рамках экономического и социологического подходов. С точки зрения экономики, «сила культуры» интерпретируется как сила культурных факторов, стимулирующих развитие производительных сил, или как сила преобразования и покорения природы человеком². С социологической точки зрения понимание «силы культуры» не однозначное. Культурную силу определяют как «производительные силы культуры» или как «мощь культуры», однако подавляющее большинство ученых придерживаются позиции, что концепт «сила культуры» подразумевает «силу познания и преобразования человека». Гао Чжаньсян в монографии «Сила культуры» подчёркивает, что данное понятие указывает на культуру, в которой заключена огромная сила. Эта «сила» не эквивалентна пониманию «силы» в физике, поэтому её название «мягкая сила» – образное. В сущности, «физическая сила» используется человеком для преобразования природы, а «сила культуры» используется человеком для самосовершенствования³. Аналогичной точки зрения придерживается, и профессор Шэнь Хун'юй, полагая, что так называемая «сила культуры» указывает на содержащиеся в самой культуре активные и пассивные силы познания и самосовершенствования человека⁴. Множественность интерпретаций

¹ Ян Цзе. Новая теория национальной обороны. Пекин: Чжунхуа шувэнь, 1943. С. 330. Цит. по: Шэнь Хун'юй Исследование вопросов мягкой силы культуры современного Китая. С. 14.

² Гу Чуньфэн. Сила культуры. Пекин: Жэньмин чубаньшэ, 1995. С. 4.

³ Гао Чжаньсян. Сила культуры. Пекин: Бэйцзин дасюе чубаньшэ, 2007. С. 2.

⁴ Шэнь Хун'юй. Дандай чжунго вэньхуа жуаньшили яньцизу = Исследование вопросов мягкой силы культуры современного Китая. С. 19.

рассматриваемого понятия китайские учёные объясняют комплексностью и размытостью содержания термина «культура».

Исследователи КНР отмечают, что, хотя сила культуры – это не единственная движущая сила общественного развития, но она играет важную роль в социальном развитии страны. Рассуждения строятся следующим образом. Культурная, экономическая и политическая силы взаимосвязаны. Экономика, достигшая определённого уровня и ставшая основой развития какого-либо общества, может в значительной степени ограничить развитие политических и культурных сил страны. Тогда как определённого рода общественно-политические силы могут оказывать влияние на силу культуры. С другой стороны, сила культуры может оказывать влияние на развитие экономической и политической силы. *Сила культуры – это форма морального (духовного, психологического) воздействия на духовную жизнь народа.* Поэтому отдельный гражданин, подвергающийся влиянию или ограничениям силы культуры, в состоянии играть существенную роль в продвижении или ограничении социально-экономического и политического развития страны.

Таким образом, китайская теория силы культуры как порождение научного и общественно-политического дискурса КНР содержит мощные антропологические и социетальные ресурсы: посредством культурных ресурсов человек стремится познать самого себя, самосовершенствуется и гармонизирует свой социум.

Рассмотренный ранее дискурс «мягкая сила» и «сила культуры» породил гибридизированное понятие «мягкая сила культуры», которое стало неотъемлемой частью современной общественной мысли и философской рефлексии КНР.

Под влиянием многозначности концепта «культура» в китайском научном дискурсе можно выделить два понимания мягкой силы культуры. Первое подразумевает, что культурные ценности, идеология, социальный строй и культурные модели той или иной страны обладают привлекательностью, влиятельностью и конкурентоспособностью на международной арене. Такая мягкая сила культуры противопоставлена экономическим силам, военным и другим «твёрдым силам». С этой точки зрения, мягкая сила культуры включает в себя влияние творческих сил

нации, авторитет идеологии, притягательность культуры и идеологии, а также силу распространения культурных продуктов.

Согласно альтернативной точке зрения, мягкая силы культуры включает в себя дух национального единства, признание ключевых ценностных представлений, наследование и инновации национальной культуры и т.д. Основное содержание такой мягкой силы культуры – идеи, концепции и принципы, т.е. система ценностей. Трансляторы этой системы ценностей – культурная продукция, мероприятия культурных обменов, культурное образование и средства массовой информации. Такая мягкая сила культуры противопоставлена политической и дипломатической мягкой силе. Сфера её влияния, привлекательность и потенциал национального сплочения ограничены рамками национального пространства.

Общим для исследований является то, что мягкую силу культуры рассматривают как *инструмент внутренней гармонизации общества* и эффективный инструмент распространения китайских культурных ценностей в мире.

Разводя родственные понятия «мягкая сила», «сила культуры» и «мягкая сила культуры», китайские учёные определяют субъект каждого, функции и специфические характеристики. Так, Дань Шилян, развивая мысль о «тёмных пятнах» мягкой силы культуры, обращает внимание на необходимость разделения понятий «субъект культуры» и «субъект мягкой силы культуры». Субъектом культуры может быть государство, нация, регион, социальная группа, а также индивид, тогда как субъектом мягкой силы культуры могут быть только лишь участвующие в конкуренции и стремящиеся повлиять друг на друга государства, нации и другие коллективные субъекты. Если говорить о противниках культуры, то ими могут быть любые организации и отдельные люди, тогда как противниками мягкой силы культуры являются, в основном, внешние организации и коллективы.

Различны и функции культуры и мягкой силы культуры. Функции первой нацелены на удовлетворение различных требований общественности, а функции мягкой силы культуры: ассимилировать, привлекать, объединять конкурирующих противников. Кроме того, культура созидает, обладает способностью распростра-

няться, тогда как мягкая сила культуры – это определённое действие культуры в условиях конкуренции государств, наций или цивилизационных моделей»¹. Солидаризируясь с Дань Шилянём мы подчёркиваем, что понятия «культура» и «мягкая сила культуры» не эквивалентны друг другу.

Анализируя новое понятие «мягкая сила культуры», китайские исследователи выделяют уникальные признаки, которые отличают её от других элементов мягкой силы: «классовость и универсальность» (кит. «阶级性与普世性»), «зависимость и независимость» (кит. «依赖性与独立性»), «долговечность и историческая обусловленность» (кит. «持久性与社会历史性»), «обладание силой проницаемости» (кит. «渗透性»), а также отмечают, что рассматриваемое явление существует «вне формы» (кит. «无形性»).

Рассмотрим их подробнее. Раскрывая суть первого признака, китайские учёные акцентируют внимание на тезисе марксизма о том, что общественное бытие определяет общественное сознание, общественное сознание отражает общественное бытие, содействуя или препятствуя общественному развитию. Таким образом, мягкая сила культуры становится продуктом практической деятельности людей, сформированным в конкретных социальных условиях. Мягкая сила культуры решает задачи правящего класса определённого общества. С этой точки зрения, мягкая сила культуры всегда отражает определённый *классовый* характер. Помимо так называемой классовости, мягкая сила культуры обладает «универсальностью». Она является продуктом практической деятельности человека, а, следовательно, своеобразным отражением взаимоотношений человека и природы. Родственные взгляды на взаимоотношения и соразвитие человека и природы могут быть использованы для пропаганды национальных ценностей в странах с иной идеологией.

С точки зрения отдельной личности и с точки зрения государства, развитие мягкой силы культуры зависит от экономической мощи страны. В связи с этим можно назвать исторические примеры развития США, Китая, Индии, Японии и

¹ Дань Шилян. «Жуаньшили» луньшу чжундэ люсин вэньхуа = Анализ массовой культуры как части «мягкой силы» // Вэньхуа яньцзю, 2015. № 4. С. 18.

т.д. Пример наращивания мощи мягкой силы культуры в этих странах обнаруживает прямую *зависимость* от уровня экономического развития. Однако достаточно и примеров отсутствия корреляции развития мягкой силы культуры и экономики. В качестве примера можно привести Корею 50-х и 60-х гг. прошлого века, повышение привлекательности Японии в начале 2000-х гг. (несмотря на экономический спад¹), культурную привлекательность Ватикана (католический центр) и т.д. Исторические примеры этих стран обнаруживают *независимость* мягкой силы культуры от экономического развития.

«*Долговечность*» мягкой силы культуры проявляется в важной её составляющей – передающихся из поколения в поколение культурных традициях. Эта характеристика имеет две формы: внутреннюю и внешнюю. Уникальность и самобытность какой-либо нации играет сильную консолидирующую роль, оказывая длительное влияние на отдельных членов общества и социум в целом. В то же время мягкая сила культуры одного государства может оказать сильное глубокое и длительное влияние на другие страны. Признак «*историческая обусловленность*» показывает, что мягкая сила культуры формируется в определённых социально-исторических условиях и непрерывно развивается. Конкретное её содержание может меняться вслед за сменой эпох.

Суть признака «*обладание силой проницаемости*» заключается в том, что мягкая сила культуры может оказывать влияние как на отдельного человека, так и на разные стороны коммуникативного процесса. Влияние на человека осуществляется посредством использования различных форм духовной продукции. Например, литературных и художественных произведений, которые оказывают влияние на способы мышления, с тем, чтобы изменить восприятие людьми тех или иных понятий, а затем изменить мышление и поведение людей. На уровне общества влияние мягкой силы культуры, главным образом, выражается в том, что она выступает объединяющим компонентом в системе развития экономических, политических и социальных процессов. Так, за счет воздействия на способы экономиче-

¹ Наумов А.О. «Мягкая сила» Страны восходящего солнца // Международные отношения. 2016. № 2. С. 190. URL: 10.7256/2305-560X.2016.2.16470 (дата обращения: 14.01.2016).

ского воспроизводства, а также активного содействия развитию экономики знаний, мягкая сила культуры способна повысить производительность культурной отрасли и стать мощной движущей силой экономического развития. В политической сфере мягкая сила культуры, оказывая влияние на систему ценностей и моральные устои правящего класса, которые, в свою очередь, влияют на развитие и функционирование различных политических систем, в результате оказывает значительное влияние на политическое развитие страны. Оказывая влияние на общество и его ценности, мягкая сила культуры способна трансформировать важнейшие элементы социальной структуры – семейный уклад, культуру города и деревни, национально-этническую структуру и др. Таким образом, у мягкой силы культуры, по сравнению с другими компонентами мягкой силы, более широкая и глубокая сфера проникновения.

И, наконец, рассматриваемое явление не обладает конкретной материальной формой выражения, т.е. находится, по мнению китайских ученых, «вне формы». Культура, будучи противопоставлена политике и экономике, подразумевает духовную сферу развития общества, следовательно, мягкой силе культуры соответствуют нематериальные формы существования, что неизбежно ведет к тому, что мягкая сила культуры не может быть определена количественно. Влияние мягкой силы культуры, в основном, измеряется посредством качественных характеристик. Таким образом, китайские исследователи выделяют признаки мягкой силы культуры, отражающие, на наш взгляд, специфичное содержание концепции.

В процессе наполнения концепции мягкой силы культуры перед китайскими учеными также встал вопрос о содержании самой культуры как мягкой силы. Подавляющее большинство учёных КНР настаивает на определяющей роли *традиционной культуры*, важнейшее содержание которой (конфуцианство, буддизм и даосизм) представлено такими памятниками мысли, как «Четверокнижие», «Пятикнижие», «Ли-цзы». Сердцевинные ценности традиционной культуры Китая находят отражение и в других культурных формах: стихотворениях, художественном слове, стихотворной прозе, сехоуэй, музыке, этнической музыке, этническом театре, театральном искусстве малых форм, национальной живописи го-

хуа, каллиграфии, парных надписях, загадках и ребусах, одежде и украшениях, орудиях труда и т.д. Традиционная культура Китая во всём её разнообразии содержит в себе систему ценностей китайской нации, философские умозрения, созидательную мудрость китайского народа, духовные устремления, характер идеологии, эстетические вкусы, обычаи, традиции и т.д.

Разнообразные формы традиционной культуры сформировали специфические культурные элементы: «корни» (кит. «根»), «артерии» (кит. «脉») и «сердце» (кит. «魂») китайской культуры. Профессор Чжан Гоцзо подчёркивает, что современная культура Китая берёт начало в традиционной культуре Китая, и, хотя в процессе развития и реформ воспринимает элементы других культур, но её «корни», «артерии» и «сердце» связаны с традиционной культурой Китая¹.

Традиционной культуре отводится роль мощного фундамента мягкой силы культуры Китая. Квинтэссенция традиционной культуры включает в себя фундаментальные элементы – универсальные ценности, которые перешагнули через время, выстояв под влиянием различных политических режимов. Это «гены» культурного организма Китая, отражающие ценностное содержание мягкой силы культуры Китая, поэтому чтобы понять содержание мягкой силы культуры Китая, в первую очередь необходимо реконструировать систему традиционных ценностей, составляющих этос китайской культуры. Остановимся на них подробнее.

Одной из традиционных ценностей, значимых по сей день, является «гуманность» (кит. «仁爱»). Этот культурный императив выступает одним из основных личностных характеристик конфуцианского «благородного мужа» (кит. «君子»). Согласно конфуцианству, обладающая такой характеристикой личность наделена великодушием, милосердием и добротой; умением сочувствовать и сопереживать; отличается бережным отношением к ближнему². Эта ценностная идея воплощается в современном принципе социокультурного развития Китая – «человек в основе». По мнению китайских философов, «гуманность» относится к фундаменталь-

¹ Чжан Гоцзо. Чжунго вэньхуа жуаньшили яньцзю луьган = Исследование мягкой силы культуры Китая. С. 65.

² Лю Дэдин. Дандай чжунго вэньхуа жуаньшили яньцзю = Современные исследования мягкой силы культуры Китая. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2013. С. 32.

ным принципам не только китайской нации, но всего человечества, это основа морального воспитания. Они подчёркивают, что твёрдое следование принципу «гуманности», помогает не только выстраиванию доброжелательных отношений между людьми и между отдельным человеком и обществом, но и достижению взаимопонимания, взаимоуважения и мирного сосуществования в международной среде.

Следующий ценностный императив – «гармония» (кит. «中和») – фундаментальный принцип конфуцианской «золотой середины» и «согласия», воплощается в непрерывном следовании принципу «излишек так же плох, как и недостаток» (кит. «过犹不及»). Её созидательный смысл для современного общества заключается в «лёгком понимании и лёгком примирении», в отрицании экстремизма, что благоприятствует взаимопониманию, общению, толерантности. Ценностная идея «гармонии» пронизывает все сферы жизнедеятельности современного китайского общества и проецируется вовне: от поиска «гармонии личности» и «гармонии в делах» до «социальной гармонии» и «гармонии мирного сосуществования государств друг с другом».

Современное значение ценностной идеи «искренность» отражает традиционные представления о взаимоотношениях между людьми и основные принципы внутригосударственных связей; имеет большое значение для устранения межличностных барьеров, повышения престижа правды и нравственности, усиления взаимодоверия, усиления нравственного воспитания, создания положительных межличностных отношений. Это основной принцип эпохи мира и порядка, основа формирования и развития гармоничного общества и гармоничного мира.

Ценностная идея «мудрость и мужество» (кит. «智勇») – это важная составная часть «трёх превосходных качеств» конфуцианства (кит. «三达德», «мудрость, гуманность, мужество»)¹. Согласно современной интерпретации, ценностная идея «мудрость и мужество» ставит в пример личность, обладающую всеми

¹ Ван И, Ван Чэн. Чуантун чжиюн сысян цзи ци дандай цзячжилунь = Традиционная идея «мудрость и мужество» и теория современной ценности // Вестник Шаньдунского педагогического университета: издание общественно-гуманитарных наук. 2000. № 5. С. 108.

перечисленными качествами; личность, которая может действовать смело и решительно, стимулируя социальный прогресс в области научных открытий, художественного творчества и справедливой конкуренции.

По мнению китайских исследователей, в основе ценностной идеи «патриотизма» (кит. «心怀天下、坚守信仰的爱国精神», досл.: «бороться за правое дело Поднебесной, твёрдо придерживаться идеалов патриотизма») – необходимость всеобщего осознания признанных образцов древней китайской мудрости. Например, «Ответственность за расцвет и угасание империи лежит на каждом отдельном человеке» (кит. «天下兴亡，匹夫有责»), написанной известным философом-конфуцианцем Гу Янью в XVII в., или известное изречение государственного деятеля и писателя эпохи Сун Фань Чжуньяня: «Раньше всех горевать над горем Поднебесной, и после всех наслаждаться её радостями» (кит. «先天下之忧而忧，后天下之乐而乐») и др. Ценностная идея «патриотизма» содержит призыв к каждому гражданину КНР ставить во главу интересы государства, принимать решения соответственно лозунгам «Придавать большое значение высокой добродетели и принципиальности», «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях» и др.

Ценностная идея «мудрого управления» содержит призыв при реализации государственного курса руководствоваться следующими конфуцианскими принципами: «постижение сути вещей» (кит. «格物»), «искренность» (кит. «诚意»), «доведение знания до конца» (кит. «致知»), «прямота сердца» (кит. «正心»), «самосовершенствование» (кит. «修身»), «соблюдение порядка в семье» (кит. «齐家»), «мудрое управление государством» (кит. «治国»), «гармоничное государство» (кит. «平天下»). Ключевой смысл ценности – беззаветное служение государству.

Реализация гармоничной концепции «Поднебесная есть общественное достояние» (кит. «天下为公») предполагает соблюдение ряда принципов, таких как: «Быть справедливым и бескорыстным», «Выбирать талантливых и способных, доверять и поддерживать дружественные отношения между людьми», «У земледельца должно быть поле», «Образование для всех» и др. Эта концепция отражает воспитание устремлений к классовому равенству, равенству между бедными и богатыми, одинаковому отношению к «своим и чужим».

Ценностная демократическая идея «*Единство в многообразии*» (кит. «和而不同» 的民主思想) берёт начало в высказываниях Конфуция, записанных в «Лунь Юй»: «Благородный муж живёт в гармонии со всеми, но не обязательно со всеми соглашается, малодушный же, согласен со всеми, но живёт в дисгармонии с окружающими» (кит. «君子和而不同，小人同而不和»). Иначе говоря, эта ценностная идея призывает к гармонии без унификации на всех уровнях человеческого бытия: от уровня межличностных отношений до международного уровня взаимодействий.

Ценностная идея «*Закон Дао – закон естественного [течения вещей]*» (кит. «道法自然») происходит из известной даосской мудрости, суть которой заключается в признании, что законы, которые проецирует Дао – естественны. Другими словами, все явления между небом и землёй подчинены естественному течению, подчинены Дао. Дао подчиняется и космос, и всё сущее на Земле. В современной интерпретации следование этой идеологии предполагает соблюдение ряда принципов: «Единства Неба и человека» (кит. «天人合一»), гармоничного сосуществования природы и человека, «руководства народом одним примером собственных достоинств» (кит. «无为而治»), подчинения высшим небесным принципам, комплексного планирования на основе системного представления о стране, «взаимодополнения противоположностей» (кит. «阴阳互补») и т. д. Другими словами, суть этой ценностной идеи – почтительное отношение к порядку.

Основой государственного управления являются ценностные концепции «*Народ – основа государства*» (кит. «民维邦本»), «*Быть неподкупным при исполнении своих должностных обязанностей*» (кит. «清正廉洁»), «*Гуманное правление*» (кит. «德法并治»). Эти концепции транслируют в современность содержание древней философской мудрости управления государством. Например, изречение Мэн-цзы: «Народ – это первая ценность государства», здесь внимание акцентируется на необходимости внимательного отношения к народу: чиновники могут радоваться только в том случае, если радуется народ. В высказывании содержится призыв бережного и уважительного отношения правительства к своему народу. А такая древняя китайская идиома, как «Вода может держать лодку на плаву, а мо-

жет и опрокинуть её» (кит. «水则载舟，水则覆舟») образно предостерегает от коррумпции. Вода – образ народа, а лодка – образ правительственного аппарата. В случае недобросовестного выполнения правительством своих обязательств, народные массы могут пойти против него. Схожее смысловое значение имеют конфуцианские принципы «Управлять народом милостью и убеждением» (кит. «德治») и «Управление на основе закона» (кит. «法治»).

Рассмотренная система традиционных ценностей представляет собой фундаментальное содержание первого компонента мягкой силы культуры Китая, и обеспечивает длительную жизнеспособность китайской цивилизации. Важно отметить, что, являясь ярким примером стратагемности мышления, перечисленные ценностные установки обладают значительными социетальными ресурсами и призваны обеспечить гармоничное развитие китайского общества.

Следующий компонент мягкой силы культуры Китая – *ценностные императивы новейших культурно-идеологических концепций развития КНР*. Этот инновационный элемент включает в себя идеи новой демократической культуры, идеи строительства духовной цивилизации, идеи передовой культуры, идеи гармоничной культуры, гармоничного общества и императивный ценностный потенциал «китайской мечты».

Идеи построения духовной цивилизации явились ответом на новые духовные и культурные вопросы социально-культурного развития КНР в период открытости. «Конечной целью социалистического культурного строительства, – отмечал Дэн Сяопин, – является улучшение качества жизни людей, достижение всестороннего развития человека, размер потенциала будущего экономического развития все больше и больше зависит от качества рабочей силы, от количества и качества интеллигенции»¹. С этой целью Дэн Сяопин предложил новое содержание определения «социалистический человек». Согласно его идеям, «социалистический человек» – это человек, придерживающийся определённой идеологии, моральных принципов, культуры и законов.

¹ Дэн Сяопин вэньсюань = Избранные произведения Дэн Сяопина» Том 3. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1993. С. 120.

Главной целью и ядром строительства культуры Китая стало всестороннее развитие человека: улучшение идейно-нравственных, научных и культурных качеств всей китайской нации и воспитание «передового гражданина, обладающего четырьмя качествами» (кит. «四有» 新人)¹), а именно: сильной идеологией, строгими моральными качествами, хорошим образованием и сильным чувством дисциплины.

Задачи построения социализма и создания гармоничного общества инкорпорированы в концепцию строительства социалистической гармоничной культуры. В историческом контексте глобализации, в процессе культурной трансформации китайского общества выявились многочисленные культурные конфликты, эти конфликты проявились не только в противостоянии традиционной и современной культуры, но и в соперничестве восточной и западной культур. Строительство гармоничной культуры опирается на принцип сочетания основных направлений: «преемственность и продвижение» (кит. «继承、发扬») и «применение и заимствование» (кит. «利用、借鉴»). Первое предполагает наследование и развитие идеи гармонии традиционной китайской культуры, второе – заимствование выдающихся достижений других цивилизаций с целью внедрения элементов традиционной и западной культуры в строительство культуры социализма с китайской спецификой.

Главной целью строительства социалистической гармоничной культуры является создание системы основных ценностей. В официальном сообщении шестого пленарного заседания XVI съезда ЦК КПК «Решение ЦК КПК по некоторым важным вопросам углубления реформы культурной системы в целях содействия развитию и процветанию социалистической культуры» впервые заявлено, что «система основных ценностей социализма является фундаментом построения гармоничной культуры». Система основных ценностей социализма включает в себя осуществление ряда задач: придерживаться общей идеологии социализма с китайской спецификой, содействовать распространению патриотизма в качестве

¹ Цзян Цземинь взньсюань = Избранные сочинения Цзян Цземина. Том 2. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2006. С 17-18.

основы национального духа, реформированию и инновации как основе духа современности, формирования и претворения в жизнь социалистического понятия чести. По мнению официального Пекина, успех создания системы основных ценностей непосредственно связан с успехом или неудачей строительства социалистической культуры Китая, с продвижением всестороннего развития членов общества, повышения международного влияния Китая. Таким образом, создание системы основных ценностей социализма – фундамент построения гармоничной культуры.

Императивный ценностный потенциал «китайской мечты» объединяет все ценностные установки. Таким образом, происходит постоянное развитие и обновление, что обеспечивает преемственность культурных традиций и инновирование культуры.

Следующий компонент мягкой силы культуры Китая, выделяемый китайскими авторами, объединяет *элементы глобализированной культуры*. Китайские исследователи критически рассматривают многие ценности западной культуры, однако отмечают, что она является важной частью мировой культуры, поэтому определённые ценности могут быть использованы как инновационные элементы. Среди ценностных элементов глобализированной культуры, которые могут быть использованы как обновляющие в построении концепции мягкой силы культуры, китайские учёные называют «демократию и порядок», «равенство и справедливость», законность, благосостояние, «дух договорных отношений», «боевой дух» и др. Ценностные элементы глобализированной культуры интерпретированы отечественными синологами¹, остановимся немного подробнее на последних.

«Дух договорных отношений» и «боевой дух». Суть первого заключается в доверии, уважении свободы и равенства бизнес партнёров. Дух договорных отношений является основой культуры бизнес-сообщества, он является важной гарантией нормальной хозяйственной деятельности различных бизнес-групп. Ки-

¹ См., например: Абрамов В.А., Абрамова Н.А. Ценностный потенциал китайского «могущественного культурного государства» в проекциях глобального развития. 256 с.; Кучинская Т.Н. Архитектоника социокультурного пространства Китая в условиях транснационального межкультурного взаимодействия РФ и КНР. 413 с.

тайские аналитики отмечают, что именно эти ценности создали условия для быстрого экономического развития многих западных стран. Кроме того, в западном обществе особо выделяется так называемый «боевой дух», который строится на западной идеологии бинарного противостояния человека и природы. Китайские исследователи полагают, что такое мировоззрение содействует научным исследованиям в области естественных наук, играющим положительную роль в человеческом и социальном развитии.

Таким образом, концепция мягкой силы культуры может быть представлена системой компонентов. В качестве аксиологического ядра выступают идеи традиционной культуры. Инновационными компонентами являются ценности новейших культурно-идеологических концепций развития КНР и элементы глобализированной культуры. Подобный синтез традиционных и инновационных ценностей, на наш взгляд, позволяет КНР гибко транслировать мягкую силу культуры внутри государства и вовне. Анализ аутентичных источников позволяет сделать вывод, что гибкость механизма трансляции мягкой силы культуры заключается в том, что китайское руководство ясно осознаёт крайне настороженное отношение западного сообщества к идеологии марксизма, маоизма и социализма. Поэтому преобладание гибридизированных ценностей традиционной культуры и социализма во внутренних концепциях развития КНР не проецируется вовне. Мягкая сила культуры во внешних стратегиях развития содержательно представлена инновированными ценностями традиционной культуры (гуманность, искренность, гармония, мудрость, мужественность, ответственность и т.д.). Такое ценностное наполнение концепции мягкой силы культуры обеспечивает ей универсальность, определяя тем самым и её конкурентоспособность на международной арене.

Универсальность, конкурентоспособность и открытость – это, по мнению китайских исследователей, необходимые условия наращивания мягкой силы культуры. Учёные (Дань Шилян, Пан Пяо, Лю Фэйфэй¹ и др.) отмечают, что в про-

¹ Дань Шилян. «Жуань шили» луньшу чжундэ люсин вэньхуа = Анализ массовой культуры как части «мягкой силы» С. 19; Пан Пяо. Цзисю фаян «усы» дэ пипань цзиньшэнь = Усиление критики движения «4 мая» / Собр. соч. Том 3. Шаньдун: Шаньдун дасюе чубаньшэ, 2005. С. 215; Лю Фэйфэй, Дань Шилян. Лунь вэньхуа дуоянсиндэ чжунго хуаюй = Обсуждение многообразия культуры Китая // Тяньцзинь шэ хуэй кэсюе. 2014. № 4. С. 28.

цессе создания мягкой силы культуры важно найти баланс между традиционным национальным духом и современными общественными ценностями. С этой точки зрения нравственные принципы культуры, любая позиция государства, критерии оценки чего-либо становятся источниками мягкой силы, а «универсальность» – основой привлекательной силы культуры. Культура, не содержащая элементов универсальности, не может вызвать интерес других стран. «Универсальность», по мнению Дань Шиляня, подразумевает, что в разных культурах имеется что-то общее, что признаётся всеобщим благом. Однако, это не навязанная отдельным государством или нацией ценность, а та, которую всё человечество постигло эмпирическим путём, и к которой оно стремится сообща.

Другим условием повышения привлекательности китайской культуры в международной среде, по мнению китайских исследователей, является повышение внутренней «культурной открытости». Речь идёт, прежде всего, о недостаточной активности общественности в создании мягкой силы культуры Китая. Дань Шилянй особо подчёркивает, что, исследуя и раскрывая «силу привлекательности» культуры Китая, необходимо увеличивать силу привлекательности национальной культуры внутри страны, поскольку конкуренция, борьба имеет место не только между разными культурами, но и внутри одной культуры. Любая культура развивается изменяясь, движущая сила изменений – внутренняя борьба¹. Внутри единого государства отношения между представителями разных регионов, национальностей, общественных слоёв, людей разных по гендерному признаку, людей, рождённых в смешанных браках и представителями субкультур наполнены разногласиями, соперничеством. Внутренние вызовы – это обязательное условие становления и закалки конкурентоспособности культуры, только в условиях внутренней борьбы выявляются преимущества культуры, способные выдержать внешнюю конкуренцию.

Вместе с тем, исследователи КНР отмечают, что государство – это не первичная организация культуры, но, на современном уровне глобальной конкурен-

¹ Дань Шилянй. «Жуаньшили» луньшу чжундэ люсин вэньхуа = Анализ массовой культуры как части «мягкой силы». С. 19.

ции, одна из основных единиц культурного противостояния. Это не значит, что культурная конкуренция – исключительно официальные правительственные акции. Активное участие общественных и неправительственных организаций, может сделать процесс создания мягкой силы культуры более эффективным, кроме того, такая деятельность формирует положительный имидж государства. Подобная точка зрения отражена в работе Лю Сюе: «...у Китая интересная история и культура, но его политический строй часто ставится под сомнение демократичными и считающими себя свободными представителями западных стран. Правительству, за которым закрепился отрицательный образ, нужно уменьшить активное прямое участие в создании культуры»¹.

Дань Шилянй подчёркивает, что создание государственной культурной мягкой силы – это требование обеспечения конкурентоспособности в эпоху глобализации. Создание же китайской мягкой силы культуры требует расширения внутренней культурной открытости. Это позволит вычленить универсальные элементы национальной культуры. Поэтому повышать силу привлекательности культуры необходимо сначала внутри страны. Открытость – неперемное условие конкуренции культур и внутренней борьбы. В отсутствие культуры организм застывает, любая культура пребывает в изменении, развитии; движущая сила изменений и развития – внутренняя борьба. Давление и вызовы внутри культуры – это условие воспитания и закалки культурной конкурентоспособности, только в условиях внутренней борьбы выявляются достоинства культуры, способные к внешней конкуренции. Культура, опирающаяся только на правительственную защиту, руководство, пропаганду и поддержку организаций, не может быть конкурентоспособной в мире. Таким образом, необходимыми условиями привлекательности культуры как мягкой силы китайские исследователи называют универсальность, конкурентоспособность и открытость.

Помимо фундаментальных исследований в области концепции мягкой силы культуры, китайские учёные проводят прикладные изыскания, выделяя сферы

¹ Ли Сюе. Нэйшэн вайван: жуань шили сюй цун гонэй цзяньшэ = Мягкую силу необходимо сначала создать внутри государства // Жуаньшили юй чжунго мэн / Гл. ред. Ли Сигуан. Фалюй чубаньшэ, 2011. С. 73.

влияния мягкой силы культуры и практики её реализации. Так, Чжан Гоцзо выделяет следующие сферы: «большую внутреннюю среду» (кит. «大内环境») и «большую внешнюю среду» (кит. «大外环境»). Первая в свою очередь состоит из «малой внутренней среды» (кит. «小内环境») и «малой внешней среды» (кит. «小外环境»). Развитие мягкой силы культуры опирается на «малую внутреннюю среду», т.е. на: 1) состояние научной среды, научные идейные течения, научные результаты, научную деятельность, идеологическое управление; 2) товарное планирование культурной индустрии, создание продукции, производственный процесс, организацию и управление, маркетинг; 3) масштабное размещение культурных предприятий, «мелкое» управление, планирование, управление, воспитание талантов и т.д.

«Малая внешняя среда» мягкой силы культуры является своеобразным индикатором, отражающим степень внимания государства на три взаимосвязанные сферы: научная сфера, культурная индустрия, предприятия культуры. Внимание государства проявляется в его законодательной деятельности и обеспечении данной сферы комплексной и рациональной политикой. Каждая область, звено и фактор «малой внешней среды» и «малой внутренней среды» мягкой силы культуры – это комплекс взаимовлияющих элементов, составляющих «большую внутреннюю среду», производимую (создаваемую) мягкой силой культуры.

«Большая внешняя среда» мягкой силы культуры включает влияние развития мягкой силы культуры на уровень развития внутренней экономики, политики и общества, а также включает структуру международной политики, экономическое положение, культурные и идейные течения и др. Таким образом, исследователь, применяя системный подход, рассматривает китайский социум как синергетическую систему, определяя сферы распространения эффектов мягкой силы культуры с целью дальнейших исследований механизмов управления процессом и прогнозирования возможных эффектов.

Анализ субъект-объектных связей и многоуровневой системы компонентов концепции мягкой силы культуры, позволил нам выделить следующие уровни-объекты направленности китайской концепции мягкой силы культуры: человек – общество – международная среда. При этом каждый уровень объективации

наполнен определённым аксиологическим содержанием, преследует конкретные цели, реализуется посредством определённых практик и может быть представлен в виде векторов возвратного действия: «человек \Leftrightarrow мягкая сила культуры», «общество \Leftrightarrow мягкая сила культуры» и «международная среда \Leftrightarrow мягкая сила культуры». Первые два уровня относятся к внутренним региональным практикам, а последний – к внешним.

Китайские исследователи подчёркивают, что оценку и анализ мягкой силы культуры необходимо проводить не только на общественном уровне, но и с позиции отдельного человека. Носителем мягкой силы культуры в конечном итоге является человек. Поэтому культурная мягкая сила общества и государства не может избежать воплощения в личностных качествах и способностях отдельного человека. Поэтому при исследовании мягкой силы культуры Китая необходимо следовать принципу «человек превыше всего» (кит. «人本观»).

С этой точки зрения можно выделить ряд ценностных принципов, наполняющих первый уровень реализации концепции мягкой силы культуры – «человек \Leftrightarrow мягкая сила культуры». В академических исследованиях КНР можно встретить разное количество принципов, в данном исследовании мы попытались выделить основные, описанные в подавляющем количестве работ.

1. Вооружать человека научной теорией. Развивая высказывание Энгельса о том, что любая нация, мечтающая оказаться на мировой «вершине», не может пренебрегать теоретическим мышлением, китайские исследователи отмечают, что научная теория, как правило, обладает системностью, принципиальностью, дальновидностью, инструментальностью. Поэтому та или иная научная теория, завладевшая массами, может обратиться огромными материальными силами способными изменить не только отдельное общество, но мир. С точки зрения китайских учёных, необходимо усиливать позиции научных теорий развития в массах. Усиление «научных теорий» в КНР связано с внедрением фундаментальной теории КПК, включающей систему теорий марксизма-ленинизма, маоизма и социализма с китайской спецификой. Воплощение этого принципа преследует цель воспитания образованных, высококвалифицированных граждан.

2. *Направлять граждан позитивным общественным мнением.* Китайские исследователи подчёркивают, что общественное мнение отражает настоящие чувства народа, его истинное настроение. В КНР в полной мере осознают важность общественного мнения в судьбе государства, что отражено ещё в древней китайской мудрости: «Завоевавший сердце народа, правит Поднебесной, утративший его доверие, утратит и власть» (кит. «得民心者，得天下；失民心者，失天下»). В этой связи отметим, что огромное количество работ китайских авторов посвящено анализу событий, связанных с формированием протестного общественного мнения и «информационными войнами». В подобных работах анализируются исторические примеры, отражающие как события древнего Китая, так и события распада СССР, «цветные революции», события «Арабской весны» и т.п. Таким образом, в научном дискурсе КНР подробно исследуется негативный опыт других стран, каузально связанный с утратой властью общественного доверия, анализируются причины возникновения таких ситуаций. Китайские учёные отдельно подчёркивают, что положительное общественное мнение легитимирует властные решения, создаёт условия для здорового общественного развития и укрепления мягкой силы культуры такого общества.

3. *Формировать достойного гражданина высокой духовностью.* В данном случае речь идёт о расширенной системе ценностей. Китайская социалистическая система ценностей предъявляет к гражданам всех слоёв общества одинаковые моральные требования: патриотизм, преданность работе, добросовестность, дружелюбность. Тогда как система ценностей в рамках концепции мягкой силы культуры предъявляет более высокие требования, будучи дополненной такими возвышенными моральными принципами как «отдавать всего себя на благо Родины» (кит. «精忠报国»), «вносить свой вклад в общее дело бескорыстно» (кит. «无私奉献»), «оставаться честным и верным своему слову» (кит. «诚实守信»), «быть человеком слова» (кит. «一诺千金»), «быть беспристрастным» (кит. «大公无私»), «считать для себя счастьем помогать другим» (кит. «助人为乐») и т.п. Расширенная система ценностей подразумевает *воспитание гражданина высоких моральных качеств, способного личностным примером, воодушевить других.*

4. *Воодушевлять выдающимися произведениями.* Китайские учёные отмечают, что литература и искусство всегда имеют идеологическое содержание, при этом мягкая сила литературы и искусства имеет более глубокие мобилизационные силы, чем научные теории. Кроме того, этот «ресурс» более гибкий, мягкий, обладает большей силой проницаемости, популяризации и более пролонгированным действием, чем научные социально-философские теории. При этом особо отмечается, что повысить мягкую силу культуры Китая на уровне человека, общества и мира можно только произведениям высокого качества.

5. *Вразумлять богатой мудростью.* Под мудростью в данном случае подразумевается умение логически рассуждать, изобретать и создавать. Под богатой мудростью подразумевается интеллектуальное умение подробно анализировать, точно оценивать, умело изобретать, быстро и качественно создавать. Китайские философы подчёркивают, что только члены общества, обладающие «богатой мудростью», в состоянии повысить интеллектуальные качества нации, а от этого напрямую зависит рост мягкой силы культуры государства.

6. *Проявлять искренние чувства заботы о каждом человеке.* В данном случае речь идёт о воспитании у каждого отдельного гражданина и, особенно, у членов КПК всех ступеней чувства личной ответственности за сплочение страны, единство и сохранение идентичности.

7. *Воодушевлять моральным качеством «отважности».* Китайские философы относят «отважность» (кит. «勇敢» – смелость, храбрость, решительность, неустрашимость) к самой ценной характеристике человека. В китайской ментальности это моральное качество ассоциируется и является обязательным условием развития, творчества, успеха, преданности, справедливости и победы. В результате воспитания граждан, обладающих таким моральным качеством, – по мнению китайских исследователей, – повысится целеустремлённость и выносливость нации, что, в свою очередь, способствует увеличению мощи мягкой силы культуры всего государства.

8. *Объединять людей идеей гармонии.* Суть китайского термина «гармония» (кит. «和谐») заключается в описании каких-либо отношений или состояния вза-

имного согласия и взаимопонимания. «Гармония» стала важной идеей китайской политики: внутри государства – создание «гармоничного общества», вовне – построение «гармоничного мира». В китайском научном дискурсе «гармоничное общество» – это такой социум, в котором в качестве стандартов выступают «управление на основе демократических законов», «истинность и справедливость», «добросовестность и дружелюбность», «стабильность и порядок», «гармоничное сосуществование человека и природы». Под «гармоничным миром» подразумевается новая система международных отношений, основными ценностями которой являются мир, развитие, сотрудничество, взаимовыгодность. На наш взгляд, китайская идея «гармонии», нашедшая отражение во внутренних концепциях развития, наполнена общечеловеческими ценностями и устремлениями, а потому действительно обладает духовными ресурсами укрепления мягкой силы культуры КНР как внутри страны, так и в глобальном измерении.

Нельзя не отметить тот факт, что на уровне «человек ↔ мягкая сила культуры» происходит взаимодействие и взаимовлияние. Мягкая сила культуры является действенным инструментом воспитания достойного представителя той или иной культуры, в то же время человек, сформированный влиянием той или иной ценностной системы, становится своеобразным переносчиком и распространителем этой культуры.

Таким образом, уместно сделать вывод о том, что китайская концепция мягкой силы культуры обнаруживает выраженную антропологическую направленность, что вполне обоснованно. Человек, являясь носителем культурных ценностей и культурной идентичности, выступает минимальным субъектом мягкой силы культуры. Именно поэтому лишь мягкая сила культуры, воплотившаяся в каждом отдельном гражданине, может повысить мягкую силу культуры общества и претворить в жизнь стратегическую цель КНР – создание «могущественной культурной державы».

Ценностное содержание следующего уровня «общество ↔ мягкая сила культуры» представлено системой социалистических ценностей, общих идеалов социализма с китайской спецификой, патриотизма (ядро национального духа),

центрального духа современности «реформы и инновации» и социалистических представлений о «почётном и позорном» (кит. «八榮八耻» – досл. «восемь почётных дел и восемь позорных»¹).

Аксиологическое наполнение последнего уровня реализации мягкой силы культуры – «международная среда ⇔ мягкая сила культуры» представлено ценностными императивами таких концепций, как: «научная концепция развития», «построение державы человеческих ресурсов», «становление могущественного культурного государства», построение «гармоничного мира» и достижение «китайской мечты». Таким образом, китайскими теоретиками определена не только структура и содержание концепции мягкой силы культуры, но и уровни/сферы её реализации.

В заключение отметим, что концепция мягкой силы культуры является логичным продолжением работ китайских учёных в области теории мягкой силы и теории силы культуры. Ценностное наполнение концепции представляет собой синергию идей традиционной культуры, ценностных императивов новейших культурно-идеологических концепций развития КНР и элементов глобализированной культуры. Подобное ценностное наполнение концепции мягкой силы культуры Китая обладает значительными социетальными ресурсами консолидации и гармонизации внутреннего пространства КНР на уровнях «человек – мягкая сила культуры» и «общество – мягкая сила культуры». На внешнем уровне «международная среда – мягкая сила культуры» представленное аксиологическое содержание обеспечивает конкурентоспособность мягкой силы культуры Китая в международной среде.

¹ В Китае распространена парная противопоставленная формулировка этих понятий, где первое – почётно, второе – позорно: горячо любить Родину – вредить Родине; служить народу – предавать народ; образованность – невежество; старание и труд – любовь к праздности и безделье; коллективная помощь – личная выгода; верность своему слову – пренебрежение долгом; дисциплинированность – нарушение законов; упорная борьба – несобранность.

Глава 2. Практики реализации мягкой силы культуры Китая

2.1. Практики мягкой силы культуры Китая как инструменты внутренней гармонизации общества

Концепция мягкой силы культуры Китая в современных культурно-исторических условиях глобализирующегося развития определяет формообразующие принципы реализации культурной стратегии КНР в её интровертном и экстравертном выражении. Опираясь на концепцию типов культурных стратегий А.Я. Флиера, под культурной стратегией мы понимаем «государственную культурную политику, проводимую осмысленно и целенаправленно или стихийно на основе сложившейся традиции»¹. Так, отечественный культуролог выделяет три основных типа культурных стратегий: изоляционистский, ассимиляционный и мультикультуралистский, отмечая, что ассимиляционная культурная стратегия является наиболее полезной по своим социальным результатам и наименее опасной по своим негативным последствиям. Кроме того, А.Я. Флиер отмечает, что культурные стратегии могут быть как преимущественно охранительными, так и преимущественно трансформационными (развивающими). При этом «... в каких-то случаях удастся достичь более или менее конструктивного сочетания обеих тенденций в разных аспектах культурной политики»².

Подобное конструктивистское сочетание мы отмечаем, анализируя практическую деятельность по реализации концепции мягкой силы культуры Китая. Представляется, что современная культурная стратегия Китая и её конкретное выражение в практиках мягкой силы культуры выполняет двойственную охранительно-трансформационную функцию. С одной стороны, она направлена на консолидацию внутреннего культурного пространства КНР, гармонизацию межлич-

¹ Флиер А.Я. Три культурные стратегии межнациональных коммуникаций в полиэтническом обществе // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2014. № 4. URL: <file:///C:/Users/user/Desktop/Теория%20культуры/Флиер.%20Три%20культурные%20стратегии.pdf> (дата обращения: 30.11.2016).

² Там же.

ностных, межэтнических и др. отношений, а с другой – на трансформацию современной китайской культуры – её модернизацию, инновирование в условиях глобализационных вызовов, формируемых интенсификацией межкультурного взаимодействия.

Применение мягкой силы культуры на внутригосударственном уровне формирует комплекс внутренних практик, определяющих специфику внутренней культурной стратегии КНР. Познание и осмысление этих практик позволит выявить их особенности и представить более подробную характеристику.

Практика – одна из фундаментальных философских категорий, в самом широком смысле слова, – это целенаправленная деятельность, направленная на преобразование действительности. В диссертационном исследовании А.М. Аттикова представлен анализ эволюции данной категории. Учёный отмечает, что «современное понимание практики связано с эпохой развитого капитализма, когда экономическая и культурная деятельность людей приобрела широкий международный характер. Важной чертой современного понимания практики в связи с этим является осознание её общественно-всеобщего характера. Понимание практики как общественно-всеобщего явления стало охватывать всю материально-преобразовательную деятельность общества в её противоположности идеальной деятельности»¹.

А.С. Озорнина отмечает, что «понимание феномена «практика» некоторыми современными исследователями сводится к общественно-исторической целенаправленной деятельности человека или общества по преобразованию окружающего мира»².

Познание культурных практик осуществляется в рамках деятельностного подхода к пониманию культуры. Значительное внимание пониманию культуры как особого способа человеческой деятельности уделено в работах В.М. Межуева.

¹ Аттиков А.М. Категория «практика» и её соотношение с категориями «чувственное» и «логическое»: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Санкт-Петербург, 1991. С. 9.

² Озорнина А.С. Региональные практики в построении гармоничного китайского общества: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Чита, 2011. С. 13.

Так, в монографии «Идея культуры. Очерки по философии культуры»¹ учёный анализирует взгляды разных исследователей на деятельностные аспекты познания культуры.

По мнению отечественного культуролога В.П. Большакова, занимающегося теоретическими исследованиями форм существования культуры, теории и практики культурной политики, «практика понимается как деятельность или (и) поведение человека по непосредственному освоению действительности (в том числе и самого себя): порождение, реализация, сохранение, и трансляция опыта и навыков разнообразного ее освоения»². Во всём разнообразии форм, видов и способов освоения действительности ученый особо выделяет культурные практики. Исследователь отмечает, «что культурные практики – не обязательно индивидуальны. Чаще всего они совместны и институциализованы. Культурные практики – это деятельность социальных институтов культуры (музеев, библиотек, клубов, домов культуры, школ искусств, вузов культуры и искусств и т. д.). Практики управленческих структур (министерств, ведомств, отделов культуры) культурны в смысле направленности их деятельности на сохранение и функционирование культуры»³.

Таким образом, опираясь на представления о современных «культурных практиках» В.П. Большакова, под практикой мягкой силы культуры мы понимаем управленческую деятельность, реализуемую посредством различных мероприятий, направленную на преобразование социокультурного пространства. Другими словами, практики мягкой силы культуры – это реализация силы культуры в ее непосредственной действенности. Субъектом мягкой силы культуры может выступать человек, социальная структура, институт государства, региональное сообщество и государство.

Следуя методологической традиции «Школы интерпретации региональных практик современного Китая» кафедры востоковедения ЗабГУ, познание пространственно-региональных аспектов реализации концепции мягкой силы культу-

¹ Межуев В.М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 408 с.

² Большаков В.П. Культурные практики в процессах становления культуры // Вестник СПбГУКИ. 2016. № 2 (27). С. 16.

³ Там же, с. 9-10.

ры Китая строится на основе анализа разнообразных региональных практик. Особую ценность в данном плане представляет регионологический подход, позволяющий наиболее комплексно переставить все разнообразие практик реализации мягкой культуры в соотнесении с многоуровневым понятием «регион» и его интерпретацией как многоуровневой социокультурной целостности¹.

Важным субъектом, иницирующим практики мягкой силы культуры в КНР, является государство, которое стремится консолидировать и гармонизировать китайское социокультурное пространство. Это устремление является стратегической целью КНР. Реализация стратегии регулируется на высшем государственном и научном уровне. Так, в начале XX в. были приняты концепции создания «гармоничного общества», построения «могущественного культурного государства» и др. Разработка концепций стала своеобразным ответом государства на формирование новых дисбалансов в китайском социокультурном пространстве. Профессор В.А. Абрамов отмечает, что «... в этих условиях особую значимость приобретает укрепление цементирующих основ китайской цивилизации, ядро которой – культурные ценности, являющиеся регулирующими принципами и императивами современного развития китайского государства»².

Сходные интенции мы обнаруживаем и в исследованиях китайских ученых, «единую точку зрения которых можно выразить следующим образом. В условиях кардинальных изменений, происходящих в обществе и пространстве, возникает необходимость усиления и поддержки первичной национальной идентичности путем возрождения ценностей традиционной культуры»³, с одновременной их инновацией.

Возможность сохранения единства внутренне разнородного китайского социума Чжоу Юй объясняет наличием связующих элементов, которые автор определяет как «скрепы», среди которых исследователь называет инновационные кон-

¹ Абрамов В.А., Абрамова Н.А. Ценностный потенциал китайского «могущественного культурного государства» в проекциях глобального развития. 256 с.; Кучинская Т.Н. Архитектоника социокультурного пространства Китая в условиях транснационального межкультурного взаимодействия РФ и КНР. 413 с.; Озорнина А.С. Региональные практики в построении гармоничного китайского общества. 22 с. и др.

² Абрамов В.А. Глобализирующийся Китай: грани социокультурного измерения. С. 67.

³ Чжоу Юй. Практики развития социокультурного пространства китайского приграничья в условиях межкультурного взаимодействия: дис. ... канд. филос. наук. Чита, 2015. С. 16.

цепции и культурные ценности Китая. Исследователь подчёркивает, что культурные ценности обладают цивилизационной устойчивостью, и, несмотря на многочисленные потрясения, начиная с III века до н.э., обеспечивают стабильность китайской государственности¹.

С этой точки зрения закономерно, что официальный Пекин и академическое сообщество КНР рассматривают мягкую силу культуры, прежде всего, как эффективную культурно-коммуникативную стратегию гармонизации внутреннего пространства страны. Данная стратегия на государственном уровне опосредуется практиками культурного строительства. С середины 1990-х гг. основным направлением культурного строительства в Китае является возрождение и инновирование традиционной культуры Китая. Модернизация культурной сферы в КНР проводится в рамках культурной политики, осуществляемой КПК, которая определяет направленность, темпы и глубину ее реформирования², поэтому данный процесс находит отражение в официальных документах правительства и КПК относительно структурных реформ в области культуры. Содержание документов позволяет определить важность культурного строительства в современных стратегиях развития КНР. Остановимся на некоторых подробнее.

Первые идеологические шаги в сторону культурных реформ были сделаны в 1994 г. 24 января на «Всекитайском рабочем совещании по пропагандистской идеологической работе» Цзян Цзэминь особо отметил, что необходимо «развивать главную тему», «поощрять разнообразие», придерживаться направления «двойного служения» (кит. «二为» – сокр. от «为人民服务, 为社会主义服务»), направления «двойной сотни» (кит. «双百»). Под продвижением главной темы подразумевалось, что реформы в стране необходимо выстраивать согласно теории социализма с китайской спецификой; активно способствовать продвижению духа и идеологии патриотизма, коллективизма и социализма, а также всемерно способствовать распространению духа и идеологии реформ, открытости и модерниза-

¹ Чжоу Юй. Практики развития социокультурного пространства китайского приграничья в условиях межкультурного взаимодействия. С. 17.

² Турушева Н.В. Политика коммунистической партии Китая в области культуры в период реформ (1978-2012): автореф. дис. ... канд. истор. наук. Томск, 2013. С. 13.

ции; активно продвигать идеи национального единства, социального прогресса и народного счастья; решительно выступать за внедрение идеологии честного добросовестного труда за лучшую жизнь»¹. Так называемое «поощрение разнообразия» предполагало продвижение разных научных точек зрения, различных направлений и исследовательских школ, а в сфере искусства и культуры допускалось сосуществование различные форм и стилей.

Первые практические шаги современной реформы культуры были сделаны в ноябре 2002 г. Так, в докладе XVI съезда КПК «О новой ситуации в деле всестороннего строительства общества сяокан и строительстве социализма с китайской спецификой», в 6-м разделе «Культурное строительство и структурная реформа культуры» содержится призыв, «продолжить углубление структурной реформы культуры». Необходимость подобной реформы на данном этапе развития была продиктована особенностями и закономерностями строительства социалистической духовной цивилизации, необходимостью приспособливаться к новым требованиям экономического развития социалистического рынка. Среди конкретных задач достижения этой цели значились такие, как: составление общего плана структурной реформы культуры; стимулирование активности работников культуры; продвижение культурных инноваций; увеличение выпуска товаров культурной индустрии высокого качества; создание жизнеспособной системы управления и механизма функционирования культурной сферы.

В декабре следующего года (2003) Госсовет КНР принял 2 документа: «Постановление о поддержке развития культурной индустрии как экспериментальной точки структурной реформы культуры» и «Постановление о преобразовании бюджетных культурных организаций в коммерческие предприятия в качестве экспериментальной точки структурной реформы культуры». Содержание этих документов – своеобразный прорыв в политике финансирования культурной отрасли КНР: в сфере инвестиционной деятельности в культурную индустрию было простимулировано участие разного основного капитала, и, как следствие, повы-

¹ Цзян Цзэминь. Лунь дандэ цзяньшэ = Цзян Цзэминь. Теория партийного строительства. Пекин: Чжун'ян вэньсянь чубаньшэ, 2001. С. 134.

шение «открытости» культуры.

Дальнейшее развитие реформ в сфере культуры нашло отражение в совместном документе ЦК КПК и Госсовета КНР «Некоторые замечания относительно углубления структурной реформы культуры» (декабрь, 2005 г.). Среди важного, из содержания документа в первую очередь необходимо отметить то, что он впервые представил в законченном виде «фреймворк» культурных реформ КНР. Во-вторых, содержанием документа чётко разграничены понятия «культурной индустрии» и «культурной деятельности».

Под «культурной деятельностью» стали понимать идеологическое и моральное воспитание китайских граждан, научные исследования, социальные культурные услуги, художественное и литературное творчество, сохранение национальной культуры и памятников культуры, международные культурные обмены и т.д. «Культурную индустрию» определили как отрасль экономики, производящую продукцию культуры. Кроме того, документ содержал разрешение на коммерциализацию культурных организаций с частичным участием основного капитала; поправки в систему акционирования, а именно: диверсификацию субъектов инвестирования. Отдельно необходимо отметить, что в тексте документа содержался стратегический план осуществления внешних культурных обменов, что создавало условия для интенсификации межкультурного взаимодействия.

Следующий этап реформ связан с решениями 4-й сессии ВСНП 10-го созыва (март, 2006 г.). В 44-м разделе «Усиление строительства социалистической культуры» («11-й пятилетний план социально-экономического развития КНР») сформулированы установки на продвижение мер реорганизации и совершенствования способов поддержки организаций массовой культуры, стимулирование их деятельности, улучшение качества обслуживания в данной области. Дальнейшая реорганизация культурной сферы определена решением Госсовета КНР (сентябрь, 2009 г.), когда на рабочем совещании был принят «План возрождения культурной индустрии». Среди основных задач плана значились следующие: углублять структурную реформу культуры; постепенно развивать производительные силы культуры; поощрять общество на культурное творчество; повышать

внутренний спрос на продукцию культурной индустрии, увеличивать занятость в отрасли.

Через год на 5-м пленуме ЦК КПК 17-го созыва (октябрь, 2010 г.) было принято «Решение КПК об утверждении 11-го пятилетнего плана социально-экономического развития». Документ содержал план развития реформ культуры на 25 лет. 6-й пленум ЦК КПК (2011 г.) принял дополнительные «Решения КПК по главным вопросам углубления структурных реформ культуры, стимулирования расцвета социалистической культуры». Документ определил ведущую идеологию, основное направление, цели и задачи, конкретные меры развития культурной реформы, а также содержал программные документы.

Конкретизация решений КПК содержится в «25-летнем плане Министерства культуры по увеличению культурной индустрии» (принят в феврале 2012 г.). План предполагает осуществление стратегии дифференцированного регионального развития культурной отрасли; развитие основных культурных предприятий и предоставление поддержки малым и средним культурным предприятиям; расширение системы субсидирования затрат в области культуры; содействие научным инновациям в культурной сфере; усиление правительственного контроля и улучшение функций культуры в сфере социального обслуживания.

Наиболее содержательным, относительно конкретных шагов в области реформы культуры, стал документ 3-го пленума ЦК КПК 18 созыва «Постановление ЦК КПК относительно некоторых важных вопросов всестороннего углубления реформ» от 12 ноября 2013 г. В 11 разделе документа «Продвигать обновление соответствующих систем и механизмов в сфере культуры» рассмотрены механизмы усовершенствования системы контроля в сфере культуры, оздоровления системы современного культурного рынка, создания системы обслуживания в сфере общественной культуры и повышения уровня открытости культуры¹. Кроме того, во вступлении к 11 разделу содержится призыв продолжить углублять реформы в сфере культуры в направлении развития социалистической культуры с целью по-

¹ Документы третьего пленума Центрального Комитета Коммунистической партии Китая 18-го созыва. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2013. С. 63-64.

строения социалистической культурной державы и упрочения мягкой силы государства.

Важность новой стратегии отражена и в тексте ежегодного отчёта, который был представлен Государственным комитетом КНР по делам развития и реформ 4-й сессии ВСНП 12-го созыва (2016 г.), призывающего: «...Укреплять построение социалистической духовной культуры. Ускорять реформу и развитие в области культуры»¹.

Анализ перечисленных документов позволяет сделать вывод о том, что эволюция официальной политики в отношении культурной стратегии прошла долгий путь от повышения внимания правительства к вопросам культуры до осознания важности культурного строительства в процессе гармонизации китайского общества. Официальные документы определяют структуру культурных реформ КНР, одновременно направляя вектор научных исследований. В целом, культурное строительство реализуется посредством практик мягкой силы культуры на внутригосударственном уровне.

Реализация мягкой силы культуры на всех уровнях тесно связана с реформами в области культурных индустрий КНР, что также отражено в содержании официальных документов. Важность реформирования культурных индустрий подчёркивается и китайскими исследователями. Так, Линь Сюн отмечает, что укрепление мягкой силы культуры Китая напрямую зависит от развития культурной индустрии и распространения ею культурных ценностей. С точки зрения учёного, культурная индустрия является материальной основой мягкой силы культуры. Отсутствие культурной индустрии, специфических культурных брендов, отсутствие культурной притягательности, сплоченности, влияния, делает невозможным существование мягкой силы культуры. Учёный приходит к выводу, что для повышения мягкой силы национальной культуры необходимо активно развивать индустрию культуры².

¹ Доклад о выполнении плана экономического и социального развития за 2015 год и проекте плана на 2016 год. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2016-03/22/content_38085968_15.htm (дата обращения: 21.02.2016).

² Линь Сюн. Цюаньмянь тигао вэньхуа жуаньшили сюйяо чулихао вугэ гуаньси = Повышение мягкой силы культуры требует установления пяти связей // Вэньхуа шиэ. 2009. № 22. С. 51-52.

Здесь необходимо отметить, что китайские исследователи определяют двойную принадлежность культурной индустрии: идеологическую и товарную; а, следовательно, и двойной эффект: социокультурный и экономический. При этом в китайской академической науке много внимания уделяется исследованиям идеологической составляющей культурной отрасли, т.е. производимым ею социокультурным эффектам. Рассуждая о взаимосвязи культурной индустрии и мягкой силы культуры, китайские исследователи подчёркивают, что необходимо исходить из двойственности производимых культурой эффектов.

Культурная продукция способна оказывать серьёзное влияние на идеологическое и эстетическое формирование людей, их ценностные устремления, эмоциональное родство или чуждость, истинность или ложность суждений. Т.е., кроме экономического эффекта, продукты культурной индустрии всегда содержат и оказывают какое-либо ценностно-этическое влияние. Если ценностное «содержание» продукции позитивное и достоверное, то и социальный эффект будет позитивным, и наоборот. Можно предположить, что размеры этих эффектов зависят от конкретного идеологического содержания культурной продукции и её экономической эффективности. Увеличение продаж продуктов «подлинной» культуры ведёт к распространению её влияния, росту положительного социального эффекта; и наоборот. Таким образом, экономический эффект культурных продуктов – это своеобразный канал распространения мягкой силы культуры.

С этой точки зрения интерес представляет диссертационное исследование Янь Шуфан, в котором, на основе анализа ряда аутентичных источников, проведён анализ эволюции теории культурных индустрий в Китае. Автор заключает, что в начале 2000-х гг. культурные индустрии, в основном, рассматривались с точки зрения их вклада в экономическое развитие страны. Однако эта тенденция осталась в прошлом. Учёным выделена главная особенность современных китайских культурных индустрий: наличие в их структуре ценностного компонента традиционной культуры Китая, последняя характеризуется преемственностью и длительностью. Другой национальной особенностью исследователь видит инте-

грацию в структуре китайских культурных индустрий традиции и инновации¹.

Сходная интенция прослеживается у исследователя Линь Сюн. Отмечая необходимость активного развития индустрии культуры в деле наращивания мягкой силы культуры государства, он подчёркивает, что этот процесс должен быть основан на духовных и культурных потребностях народа и придерживаться принципа «триединства» (кит. «三贴近» 原则): стремление к сохранению китайской специфики, постоянное наращивание качества культурной продукции, активное содействие культурным инновациям². Отечественный востоковед, профессор Н.А. Абрамова, также отмечает, что культурные инновации способствуют укреплению мягкой силы культуры, превращая Китай «из обладающего ресурсами в глобальную культурную державу»³.

Таким образом, в китайской науке культурные индустрии исследуются не только с точки зрения экономической пользы, но и с точки зрения их аксиологического содержания и социокультурных эффектов. Современные культурные индустрии КНР развиваются в соответствии с общим планом реформы культуры, важным содержанием которого является сохранение национальной идентичности через популяризацию традиционной культуры Китая с одновременным её обновлением посредством инноваций.

В этом контексте культурные индустрии КНР (радиотелевизионная индустрия, киноиндустрия, интернет-индустрия, производство музыкальной продукции, издательское дело, игровые индустрии, различные виды постановочной деятельности, индустрия рекламы, архитектурная индустрия, индустрия моды и др.) выступают практиками, опосредующими мягкую силу культуры на национальном уровне. Остановимся подробнее на некоторых.

Важным инструментом мягкой силы культуры является культурная коммуникация. В связи с быстрым развитием информационных и коммуникационных

¹ Янь Шуфан. Культурные индустрии как механизм реализации ценностных идей китайской культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Чита, 2011. С. 13-14.

² Линь Сюн. Цюаньмянь тигао вэньхуа жуаньшили сюйяо чулихао вугэ гуаньси = Повышение мягкой силы культуры требует установления пяти связей. С. 51-52.

³ Абрамова Н.А. Инновационное развитие современной китайской культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 6 (20): в 2-х ч. Ч. II. С. 11.

технологий, освоение и использование передовых средств связи и способов культурной коммуникации – условие эффективного воздействия мягкой силы культуры. Среди наиболее активно используемых в КНР проводников мягкой силы культуры внутри страны можно выделить радиотелевизионную и интернет-индустрии.

Радио и телевидение, являясь самыми влиятельными из национальных СМИ КНР, представляют собой мощную современную индустрию с широкой сетью вещания, охватывающей 96,2% населения страны¹. В диссертационном исследовании А.В. Шугаева национальное телевидение КНР рассматривается как эффективный инструмент формирования культурной идентичности страны. Исследователь отмечает, что телевидение является самым доступным и распространенным средством культурно-информационного воздействия². Эта точка зрения отражена и в другой работе: «... информационное телевидение ЦТ КНР играет ведущую роль в деле пропаганды курса КПК на построение в КНР социализма с китайской спецификой, в поддержании политической стабильности в обществе и его сплоченности³...»

Другой динамично развивающейся площадкой реализации практик мягкой силы культуры стала интернет-индустрия. Темпы развития Интернета в Китае уникальны. Он стал общедоступным в КНР лишь в мае 1994 г., а уже в июне 2008 г. Китай обогнал США и занял 1-е место в мире по числу интернет-пользователей⁴. Количество сайтов на территории КНР превысило 2 миллиона 878 тысяч. Общая численность зарегистрированных сайтов составляет 16 миллионов⁵. Кроме того, появление Интернета создало условия для развития нового типа печати – новостных информационных сайтов. К самым влиятельным можно отнести people.com.cn, xinhuanet.com, cntv.cn, china.com.cn, микроблоги Sina

¹ У Сюцзюань. Информационное обеспечение политики китайского руководства на рубеже XX-XXI вв.: автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2010. С. 15.

² Шугаев А.В. Формирование культурной идентичности как фактор консолидации глобализирующегося китайского общества (на примере телевидения): автореф. дис. ... канд. филос. наук. Чита, 2011. С. 3.

³ Чжан Сяншэн. Телевидение в общественно-политической жизни КНР: опыт, проблемы и тенденции развития: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Владивосток, 2010. С. 24-25.

⁴ У Сюцзюань. Информационное обеспечение политики китайского руководства на рубеже XX-XXI вв. С. 15.

⁵ Су Юйфан. Интернет-журналистика КНР в контексте глобализации медиасреды: автореф. дис. ... канд. фил. наук. Москва, 2013. С. 4.

Weibo, Tencent Weibo NetEase и Weibo Sohu Weibo, поисковый сайт baidu.com и др.

Радиотелевизионная и интернет-индустрия, обладающие самой многочисленной аудиторией, являются признанными площадками формирования необходимого информационного поля. Набор многочисленных инновационных технологий и методик теле-, радио- и интернет вещания позволяет значительно разнообразить продуцируемые практики мягкой силы культуры.

В данном контексте интерес представляет эмпирическое исследование востоковеда Ю.В. Тавровского. В его статье описаны практические примеры, позволяющие понять, как новая официальная концепция «китайская мечта» стала понятна простым гражданам КНР. Такая ситуация стала возможной благодаря продуманной общественной работе, которая ведётся на государственном уровне и реализуется через различные привлекательные и понятные формы. Эта работа ведётся одновременно по нескольким каналам: разнообразные СМИ, интернет ресурсы и даже лозунги и красочные плакаты на улицах городов, которые в доступной и привлекательной форме напоминают и разъясняют традиционные ценности культуры Китая – основу концепции «китайской мечты». Исследователь приводит несколько убедительных примеров и заключает: «если собрать сюжеты плакатов [с улиц китайских мегаполисов] о «китайской мечте» и попытаться их проанализировать, то станет ясно, что предпринята попытка создания некоего сплава из традиционных китайских ценностей и социалистических идей. Если эта попытка увенчается успехом, то «китайская мечта» станет новой верой для полутора миллиардов китайцев»¹. Проанализированное эмпирическое исследование представляет пример реализации задачи воспитания человека высокой нравственности в рамках концепции мягкой силы культуры.

Обозначенная задача является идейной основой современных реформ КНР в сфере образования, которое также реализует практики мягкой силы культуры Китая. Ци Минянь отмечает, что в условиях информационного общества образова-

¹ Тавровский В.А. «Китайская мечта» в новогоднем наряде // Независимая газета. 20.01.2014. URL: http://www.ng.ru/dipkurer/2014-01-20/9_china.html (дата обращения 25.02.2016).

ние превращается в важнейшую социальную ценность, одной из важнейших функций которого является создание условий для раскрытия природного потенциала человека, его способностей к непрерывному и активному приращению знаний, развитию на этой основе себя как полноценной личности¹. На официальном уровне КНР поставлена цель построения государства инновационного типа к 2020 г. Реализация цели требует наличия высококвалифицированных, всесторонне образованных и компетентных кадров, которые должны быть подготовлены в русле новой образовательной парадигмы².

Наука и образование в КНР традиционно рассматриваются как часть культуры. Другими словами, в современном Китае образование выступает в роли транслятора мягкой силы культуры, который воспроизводит традиционные ценности и национальные идеи. Современные реформы в области образования, как практики мягкой силы культуры, прежде всего, находят отражение в государственных проектах реформ. Отметим наиболее важные. К середине 1990-х гг. сформировалось два направления реформ: углубление реформы управления системой высшего образования и расширение масштабов учебных заведений за счет создания государственных и негосударственных вузов и колледжей – «Программа 211», «Программа 985»³.

«Программа 211» – проект, принятый Министерством образования Китая в 1995 г. Согласно документу, предполагалось создание 100 ведущих вузов страны при серьёзной финансовой поддержке государства (70% всех субсидий в образовании до 2000 г.).

Ключевая цель «Проекта 985» – поднять уровень образования ведущих университетов Китая до международных стандартов образования, что позволило бы КНР войти в число стран-экспортёров знаний и высоких технологий. В программе было задействовано 39 университетов страны, которым государство выделяло финансовые средства на достижение цели. На эти учреждения приходится 80%

¹ Ци Минянь. Становление ценностной парадигмы образования в социокультурном пространстве современного Китая: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Чита, 2011. С. 3.

² Там же, с. 3-4.

³ Томских А.А. Формирование региональных трансграничных научно-образовательных систем в условиях глобализации: автореф. дис. ... д-ра географ. наук. Пермь, 2013. С. 24-25.

докторов наук, 60% аспирантов, 50% иностранных студентов, 96% лабораторий страны¹.

Косвенным подтверждением успешной реализации образовательных проектов может быть рейтинг Мировой образовательной сети Quacquarelli Symonds (QS), согласно которому в 2015 г. КНР вышла на первое место в Азии (обогнав Японию, Республику Корея и Сингапур) и восьмое в мире по качеству высшего образования, по экономической эффективности – на второе в мире. Число университетов материкового Китая, вошедших в пятьсот лучших в мире, возросло с 18 в 2014 г. до 25 в 2015 г., т.е. всего за год рост составил 39%². Таким образом, культурные индустрии и субъекты образования выступают площадками, которые продуцируют и опосредуют различные практики мягкой силы культуры.

Конкретные практики мягкой силы культуры Китая разнообразны и представлены всевозможными культурно-образовательными мероприятиями. Так, по всей стране открываются частные школы, в которых изучается классическое наследие нации, выпускаются серии конфуцианских книг, в том числе для детей. На основе традиционной литературной традиции устраиваются постановочные спектакли. Разрабатываются проекты сохранения уникальной архитектуры традиционного жилья (хутунов)³. Проводятся различные акции пропаганды классического литературного наследия, выставки каллиграфического искусства, фестивали культуры малых народностей, книжные ярмарки. Устраиваются традиционные праздники, в современном ландшафте возводят скульптуры национальных героев древности, открываются тематические парки и др.⁴

Кроме очевидных успехов в сфере государственного образования, для Китая характерна тенденция интенсивного развития частных ВУЗов. Ярким примером стал процесс восстановления традиционных китайских академий «Шуюань» (кит. «书院»), интерес к которым постепенно возрастает с начала 2000-х гг. Обучение в

¹ Томских А.А. Формирование региональных трансграничных научно-образовательных систем в условиях глобализации. С. 25.

² Quacquarelli Symonds опубликовала рейтинг стран с лучшей системой высшего образования 2016 года. URL: <http://news.invest.kz/106804844-quacquarelli-symonds-opublikovala-reyting-stran-s-luchshey-sistemoy-vysshego-obrazovaniya-2016-goda> (дата обращения: 12.01.2017).

³ Абрамова Н.А. Инновационное развитие современной китайской культуры. С. 11.

⁴ Янь Шуфан. Культурные индустрии как механизм реализации ценностных идей китайской культуры. С. 16.

данных учебных заведениях становится всё более востребовано. Академии, с их тысячелетней историей, являются живым воплощением единства материального и духовного культурного наследия Китая, и, в контексте современных тенденций развития страны, они обретают особую значимость и актуальность. Этот факт не мог остаться без внимания академического сообщества КНР. В отдельных китайских публикациях Шуюань рассматриваются как новая площадка трансляции мягкой силы культуры Китая.

В этом отношении интерес представляет статистика научных публикаций на данную тему. Так, согласно данным Чжунго чживан, в 2002 г. было опубликовано 17 статей, в которых одним из ключевых слов значилось «Шуюань». В последующие годы количество таких публикаций только возрастало: в 2003 г. – 22, в 2004 – 48, в 2005 – 57, в 2006 – 72, в 2007 – 71, в 2008 – 71, в 2009 – 78, в 2010 – 82, в 2011 – 74, в 2012 – 73, в 2013 – 99, в 2014 – 93 и в 2015 – 80. За последние 10 лет идея возрождения академий стала главной темой нескольких научных конференций в КНР, особенно востребована она была в 2011 г. Именно тогда исполнилось 110 лет с начала реформирования традиционных академий, с последующим их преобразованием в современные государственные высшие учебные заведения.

В исследованиях, так или иначе связанных с китайскими традиционными академиями, освещаются самые разные вопросы. Условно можно выделить следующие направления изысканий в данной области: реформы института Шуюань; исследования традиционного и современного образования Шуюань (взаимосвязь и различия); религиозное образование в академиях; исследование истории развития отдельных Шуюань; взаимоотношения общества и академий на разных этапах исторического развития страны; рефлексия науки, литературы и Шуюань; история развития Шуюань как книгохранилищ и т.д. Среди учёных, занимающихся многолетними исследованиями в данной области можно назвать Дэн Хунбо, Ли Бинь, Ли Гуаншэн, У Хунчэн¹ и др.

¹ Дэн Хунбо. Вань Цин шуюань гайчжидэ синь гуаньча = Новое исследование реформы шуюань в период Поздней Цин // Хунань дасюе сюебао (шэхуэй кэсюе бань). 2011. №6; Ли Бинь. Пипин юй цзецзянь: минго сюечжэ дуй шуюань гайчжидэ фаньсы = Критика и заимствование: переосмысление учёными реформирования академий. 2011.

Богатое культурное наследие академий вносит весомый вклад в дело преемственности и популяризации традиционной китайской культуры. Так, богатое материальное культурное наследие академий создаёт хорошие условия для развития внутреннего и международного туризма, для укрепления мягкой силы региональных культур. Духовное наследие конфуцианской культуры Шуюань содержит внушительные ресурсы укрепления мягкой силы культуры КНР в мире. Возрождающиеся традиции обучения и воспитания в русле культуры Шуюань являют собой новую практику реализации мягкой силы культуры Китая, направленную на решение задач внутреннего и внешнего развития КНР. В целом, как процесс возрождения Шуюань, так и их культурно-образовательная деятельность представляют собой специфические практики мягкой силы культуры КНР.

Ещё одной, новой для КНР, площадкой разработки практик мягкой силы культуры стали «Мозговые центры» (далее МЦ). Скрупулёзное исследование инновационной для КНР научно-образовательной структуры началось с середины 2000-х гг. С точки зрения китайских учёных, создание подобных центров в КНР имеет важное значение для укрепления мягкой силы культуры государства.

К настоящему времени китайская наука накопила достаточный опыт исследований развития и функционирования МЦ. Китайские научно-исследовательские работы, посвящённые МЦ, ведутся в Китае с конца 1990-х гг. по разным направлениям, однако в 2013 г. они получили новый толчок развития. Таким стимулом послужило выступление главы государства Си Цзиньпина, в ходе которого он особо отметил, что создание отдельной отрасли МЦ, формирование «рынка мыслей» сделает огромный вклад в осуществление «Китайской мечты». Важность новой стратегии отражена и в тексте ежегодного отчёта, который был представлен Государственным комитетом КНР по делам развития и реформ 4-й сессии ВСНП 12-го созыва, призывающего: «...Создавать «мозговые центры нового типа с китайской спецификой» (кит. «中国特色新型智库») ...»¹.

№6; Ли Гуаншэн. Сундай шуюань юй юйлути = Шуюань в эпоху Сун и первые философские трактаты. 2011. №2; У Хунчэн, Лю Юаньюань. Хэбэй шуюань ши = История шуюань в пр. Хэбэй // Хэбэй дасюе чубаньшэ, 2011.

¹ Доклад о выполнении плана экономического и социального развития за 2015 год и проекте плана на 2016 год. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2016-03/22/content_38085968_15.html (дата обращения: 31.03.2016).

По данным исследований Университета штата Пенсильвания (США) в рамках долгосрочной программы «Мозговые центры и гражданские общества» в 2010 г. в КНР функционировало 425 МЦ, причём в последние несколько лет политическая, экономическая и культурная элиты страны уделяют им такое большое внимание, какого не наблюдалось за все 60 лет существования республики¹. Проект создания сети МЦ в КНР стал инновационной формой реализации научной концепции развития Китая. По мнению китайских исследователей, сегодня Китай находится в процессе перехода от «крупного государства к могущественной державе» (кит. «从大国走向强国»), а потому целенаправленное развитие социально-философских наук, при опоре на вновь созданные МЦ, ведёт к повышению национальной мягкой силы культуры.

Председатель правления Китайского центра международного экономического обмена Цзэн Пэйянь на втором заседании совета правления (октябрь, 2014 г.) отметил, что создание «мозговых центров нового типа с китайской спецификой» является миссией века и важной площадкой мягкой силы культуры государства и должно играть все большую роль в процессе стимулирования государственной системы управления и ее модернизации². Председатель КНР Си Цзиньпин также подчеркивал, что «мозговые центры» – важная составная часть национальной мягкой силы культуры Китая, и вслед за тенденциями развития китайского общества их роль будет только возрастать³.

Практика создания МЦ способствовала, в частности, и процессу институционализации исследований в области мягкой силы культуры. За период с 2012 г. по 2016 г. в рамках стратегии в КНР было открыто 3 институциональных структуры, занимающихся исследованиями в области мягкой силы культуры. С 2010 г. в КНР проводится форум на высшем уровне «Исследования мягкой силы культуры Китая». Форум организован совместными усилиями Китайского центра изучения

¹ Комиссина И.Н. Научные и аналитические центры Китая. Справ. М.: РИСИ, 2012. С. 7.

² Цзэн Пэйянь: усердно находить и создавать мозговые центры нового типа. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2014-10/19/content_33803637.htm (дата обращения: 27.12.2015).

³ Чжунго вэньхуа жуаньшили фачжань баогао 2013 = Доклад о развитии мягкой силы культуры Китая 2013 / Гл. ред. Чжан Гоцзо. Пекин: Бэйцзин дасюе чубаньшэ, 2014. С. 4.

мягкой силы культуры, Институтом марксизма КАОН, теоретическими отделами газет «Жэньминь жибао», «Гуанмин жибао» и научного вестника КАОН. Работа пятого форума, проходившего 13 июня 2014 г. в Пекине, была сосредоточена на теме «Мягкая сила культуры и создание мозговых центров нового типа с китайской спецификой». Во время выступления на конференции директор Китайского центра изучения мягкой силы культуры профессор Чжан Гоцзо подчеркнул, что строительство «мозговых центров нового типа с китайской спецификой» имеет огромное значение для успешной реализации государственных стратегий, для осуществления современных реформ, обеспечения внутренней стабильности и для повышения мягкой силы культуры Китая, а, следовательно, будет способствовать достижению «Китайской мечты»¹.

Таким образом, создание «мозговых центров нового типа с китайской спецификой» является практикой мягкой силы культуры Китая. Современная государственная политика по созданию институциональной платформы исследований мягкой силы культуры является гарантом результативных исследований в данной области. Кроме того, МЦ – инновационная площадка эффективного сотрудничества академической мысли и официального Пекина, она позволяет своевременно выявлять и исследовать новые тенденции развития китайского социума.

Так, после начала современных реформ в области культуры прошло полтора десятка лет, есть очевидные достижения, но выявляются и новые вопросы. В частности, в середине 2010-х гг. появились научные работы, основной темой которых стало неравномерное культурное развитие внутренних регионов. Исследуя эту проблему и основываясь на определённом количестве аутентичных источников, мы пришли к выводу, что современное состояние проблемы обусловлено историческими причинами и некоторыми современными социально-экономическими реформами. Так, Сюй Вэйпин и Сюй Хэлян отмечают, что многообразие культур сформировалось на протяжении длительной истории Китая, при этом фундамент, ресурсы и уровень развития региональных культур до «ре-

¹ Чжунго вэньхуа жуаньшили фачжань баогао 2014 = Доклад о развитии мягкой силы культуры Китая 2014 / Гл. ред. Чжан Гоцзо. Пекин: Бэйцзин дасюе чубаньшэ, 2015. С. 79.

форм открытости» имели огромные различия и развивались крайне несбалансированно¹.

В этой связи вполне закономерно повышение научного интереса к данной проблеме, решением которой могут стать исследования по разработке и внедрению программ регионального культурного развития. Это научное направление выделилось в отдельное к середине 2010-х гг. Китайские учёные проводят исследования по выделению и типологизации внутренних культурных регионов. Так, в диссертационном исследовании Т.Н. Кучинской, на основе анализа китайязычных научных источников, приводится классификация внутренних культурных регионов КНР, согласно которой китайские исследователи выделяют до 15 самобытных региональных культур².

Очевидно, что новое направление исследований – «мягкая сила региональной культуры» (кит. «区域文化软实力») является продолжением наработок китайских исследователей в области теории мягкой силы, концепции региональной мягкой силы и мягкой силы культуры. Китайские исследователи Цэн Дэсянь и Хэ Вэйцзюнь интерпретируют мягкую силу региональной культуры как силу проникновения, вдохновения и привлекательности ценностных воззрений региональной культуры, социальной системы и модели развития³. Жэнь Чжунюнь подчёркивает, что мягкая сила региональной культуры – это важная составная часть комплексной мощи региона, которая воплощается в его основных духовных ценностях⁴. Сюй Вэйпин и Сюй Хэлян объясняют это понятие как комплексное воплощение силы привлекательности, проникновения и вдохновения системы ценностей региональной культуры, её социальной системы и модели развития⁵. Ис-

¹ Сюй Вэйпин, Сюй Хэлян. Чжунго туйюй вэньхуа жуаньшили фачжань баогао = Доклад о развитии мягкой силы региональной культуры Китая // Чжунго вэньхуа жуаньшили фачжань баогао 2012 = Доклад о развитии мягкой силы культуры Китая 2012. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2013. С. 109.

² Кучинская Т.Н. Архитектоника социокультурного пространства Китая в условиях транснационального межкультурного взаимодействия РФ и КНР. С. 24.

³ Цэн Дэсянь, Хэ Вэйцзюнь. Вэньхуа жуаньшили: туйюй цзинци фачжаньдэ цянда дунли = Мягкая сила культуры: огромная движущая сила развития региональной экономики // Тяньянь. 2012. № 13 (315). С. 95.

⁴ Жэнь Чжунюнь. Тяньси цюйюй жуаньшили юй цюйюй жуаньшилидэ гайнянь нэйхань цзи ци сяньху гуаньси = Краткий анализ концепций региональной мягкой силы и мягкой силы региональной культуры, их внутреннего содержания и взаимоотношений // Вестник Хубэйского университета заочного обучения. 2015. № 9 (151). С. 82.

⁵ Сюй Вэйпин, Сюй Хэлян. Чжунго туйюй вэньхуа жуаньшили фачжань баогао = Доклад о развитии мягкой силы региональной культуры Китая. С. 109.

следователи отдельно отмечают, что это основа мягкой силы культуры региона и важнейшая составляющая его конкурентоспособности.

Профессор Н.А. Абрамова отмечает, что одной из инновационных форм развития региональной культуры стала практика создания экспериментальных «культурных экозащитных зон» – КЭЗ (кит. «文化生态保护区»). Эта новая форма синтезирует материальное и нематериальное культурное наследие в природной экосистеме¹. КЭЗ – проекты государственного значения, основной целью их создания является сохранение и защита всего разнообразия нематериального культурного наследия Китая в единстве. Создание подобных проектов началось после принятия плана 11-й пятилетки, где значится цель: «сохранение культуры нацменьшинств». Окончательные решения по созданию КЭЗ принимает Министерство культуры КНР. Анализ китаеязычной литературы позволяет сделать вывод о том, что территории, охватываемые КЭЗ, далеко не всегда совпадают с современным административно-территориальным делением, однако часто совпадают с историческими границами проживания национальных меньшинств и ареалом возникновения и развития той или иной региональной культуры.

Пилотным проектом стало учреждение в 2007 г. в провинции Фуцзянь «КЭЗ Миньнань» (кит. «闽南文化生态保护实验区»). В настоящее время на территории КНР действует 12 подобных проектов. Кроме названной экозащитной зоны с 2008 г. открыты и действуют: «КЭЗ Хуэйчжоу» в пр. Аньхой (кит. «徽州»), «КЭЗ Жэгун» в пр. Цинхай, «КЭЗ народности цян» (кит. «羌族») в пр. Сычуань и пр. Шэньси. В 2010 г. создано 6 подобных зон: «КЭЗ Хакка» (кит. «客家») на объединённой территории пр. Гуандун, Фуцзянь и Цзянси, «Горная местность Улин» (кит. «武陵山区») на внутренних территориях пр. Центрального Китая, «КЭЗ Сяншань» (кит. «象山») в пр. Чжэцзян, «КЭЗ Цзиньчжун» (кит. «晋中») в пр. Шаньси, «КЭЗ Вэйшуй» (кит. «潍水») в пр. Шаньдун, «КЭЗ Дицин» (кит. «迪庆民族») на территории Дечен-Тибетского АО в провинции Юньнань. В 2011 г. официальное утверждение Министерства культуры на строительство получила «КЭЗ Дали» (кит. «大理») в пр.

¹ Абрамова Н.А. Инновационное развитие современной китайской культуры. С. 10.

Юньнань, а в 2012 г. – «КЭЗ Шаньбэй» (кит. «陕北») в пр. Шэньси.

Подобные практики одновременной презентации локальной культуры и географической территории эффективно используются на Западе, в российской науке они носят название «кобрендинга». По мнению Н.Н. Литвинова, «с помощью брендов с чертами региональной идентичности можно укреплять финансовое положение и возвращать свои локальные, затем региональные и глобальные компетенции»¹. «Культура всегда привязана к конкретному географическому пространству и социальной структуре, что в совокупности определяет характер производства, стиль жизни и модель развития регионального сообщества»².

Таким образом, специфические культуросцентричные стратегии развития внутренних регионов КНР опосредуются практиками культурного брендинга регионов. «Региональный культурный бренд (РКБ) – это ресурс продвижения региона, который основан на каком-либо историко-культурном событии, памятнике культуры или же связан с конкретной исторической личностью»³. РКБ выступают инновационным инструментом мягкой силы культуры во внутренних стратегиях развития КНР. Культурный бренд внутреннего региона КНР выступает в качестве транслятора его культурных ценностей. Продвижение РКБ внутри страны направлено на стимулирование культурного обмена и сохранение этнического культурного разнообразия КНР. Кроме того, РКБ является символом культурной власти, поскольку создание культурных брендов отдельных регионов направлено не только на стимулирование развития сферы культуры, но и на экономическое, научно-техническое, социальное, инновационное развитие как отдельных внутренних регионов, так и государства.

Анализ китайскими исследователями успешного западного опыта развития отдельных внутренних регионов государства посредством использования техно-

¹ Литвинов Н.Н. Бренд-стратегия территорий. Алгоритм поиска региональной идентичности. URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/2/2f/2010_Nikolai_Litvinov_National_Branding_C2_VM_5.pdf (дата обращения: 12.11.2015).

² Кучинская Т.Н. Культурные бренды в социокультурном пространстве Китая: региональные практики Северо-Восточного региона // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2011. № 10. С. 122-123.

³ Дорожкова С.А., Кучинская Т.Н. Культурные бренды как инструмент «мягкой силы» Китая // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации: сборник статей VIII Междунар. науч.-практич. конференции. 2016. С. 73.

логий культурного брендинга создал предпосылки для исследования, адаптации и внедрения подобных практик на территории КНР, что в свою очередь определило потребность в научной рефлексии брендинга и институционализации исследований.

В 2002 г. при Китайском научно-исследовательском университете менеджмента (кит. «中国管理科学研究院», г. Пекин) создан Исследовательский институт национальных брендов (кит. «国家品牌研究所»). На базе Института при поддержке правительства в 2009 г. создан Сайт национальных брендов (кит. «国家品牌网»). Совместными усилиями Сайта и еженедельника «Жэньминь жибао» – «Жэньминь чжоукань» организовано и проводится народное голосование «Бренд в моём сердце» (кит. «我心中的品牌») и «Торжественная церемония национальных брендов» (кит. «国家品牌盛典»), которые выбираются народным голосованием на сайте. Первая церемония прошла в Пекине в 2013 г., вторая в феврале 2016 г. Интерес представляют названия рубрик, в которых представлены различные бренды. Отдельно назовём такие, как «Бренд-персона» (кит. «品牌人物»), «Бизнес-гений» (кит. «创业英才»), «Талантливый профессиональный бизнесмен» (кит. 杰出儒商), «Выдающийся руководитель» (кит. «高管风采»), «Образец нравственности» (кит. «道德楷模»), «Выдающийся представитель хуацяо» (кит. «华夏名家») и т.д. Этот проект является ярким примером мягкой силы культуры Китая в её действенности. В этой связи отметим, что китайские исследователи, признавая эффективность интернет-индустрии как средства распространения информации, её колоссальный социальный и экономический эффект, не отказываются от развития этой сферы в связи с возможными и настоящими интернет-угрозами, но строго контролируют ценностное наполнение этого пространства, что отчётливо прослеживается при анализе институциональной структуры учреждений, занимающихся деятельностью, так или иначе связанной с культурной сферой.

В 2006 г. на базе Центрального южного университета (г. Чанша, провинция Хунань) создан Центр исследования брендов китайских культурных индустрий

(кит. «中南大学中国文化产业品牌研究中心»)¹. Основными научными направлениями Центра являются: оптимизация стратегий регионального развития, культурная политика, разработка теории культурных индустрий, региональной культуры, культурных брендов, бренд-менеджмент, бренд-культура, методика оценки культурных брендов, разработка проектов по продвижению культурных брендов². С 2006 г. Центр выпускает ежегодные доклады о развитии этого направления в КНР (гл. редакторы Оуян Юцюань и Бай Динго). В 2012 г. усилиями исследователей Центра впервые опубликована Синяя книга «Доклад о развитии культурных брендов Китая (2012)» (кит. 中国文化品牌蓝皮书«中国文化品牌发展报告»), в мае 2016 г. вышел пятый номер ежегодника³. В декабре 2015 г. в Пекине открыт Исследовательский институт национальной бренд-культуры (кит. «中国品牌文化研究院»). Это многовекторный и многофункциональный центр исследований, который тесно сотрудничает с правительственными мозговыми центрами в области культурного строительства. Благодаря результативной работе подобных институтов, накоплен достаточный материал (см. Приложение 3, 4), подтверждающий эффективность технологий брендинга в самых разных сферах, в том числе в реализации мягкой силы региональной культуры. Эта деятельность направлена на гармонизацию китайского общества и преодоление региональной дифференциации. Культурный бренд является инструментом повышения привлекательности региональной культуры.

Таким образом, процесс разработки и внедрения культурных брендов внутренних регионов КНР выступает практикой мягкой силы культуры. Центральная и региональная власть принимает самое непосредственное участие в разработке культурных брендов внутренних регионов КНР, поддерживая процесс институционализации исследований в данной сфере и системно контролируя ценностное наполнение формирующихся культурных брендов. Анализ ряда китайзычных ис-

¹ «Чжунго вэньхуа пиньпай фачжань баогао (2015)» фабу = Выпуск «Доклада о развитии культурных брендов Китая (2015)». URL: <http://www.csu.edu.cn/info/1129/5236.htm> (дата обращения: 30.01.2016).

² Кучинская Т.Н. Культурные бренды в социокультурном пространстве Китая: региональные практики Северо-Восточного региона. С. 122.

³ «Чжунго вэньхуа пиньпай фачжань баогао (2016)» чубань фабу = Выпущен «Доклад о развитии культурных брендов Китая (2016)». URL: <http://news.csu.edu.cn/info/1002/127778.htm> (дата обращения: 23.01.2017).

точников позволяет сделать вывод, что целью мягкой силы региональной культуры КНР является социокультурное развитие каждого внутреннего региона как части единого национального пространства. Деятельностное выражение мягкой силы региональной культуры направлено на сохранение культурного разнообразия и консолидацию китайского общества при соблюдении традиционной ценностной идеи «единства в многообразии».

В заключение отметим, что реализация мягкой силы культуры детерминирована научными концепциями и представляет собой структурированный разнородный процесс. На внутригосударственном уровне практики мягкой силы культуры Китая представлены универсальными и специфичными. Универсальные практики мягкой силы культуры Китая включают: развитие культурных индустрий и научно-образовательные проекты. Специфичные практики мягкой силы культуры включают: формирование и продвижение культурных брендов внутренних регионов КНР; культурно-образовательную деятельность Шуюань, формирование КЭЗ и т.д.

Культурная стратегия КНР на внутригосударственном уровне выполняет двойственную охранительно-трансформационную функцию. С одной стороны, она направлена на консолидацию внутреннего культурно-разнородного пространства КНР, гармонизацию межличностных, межэтнических и др. отношений, а с другой – на трансформацию китайской культуры – её модернизацию, инновирование в условиях глобализационных вызовов, формируемых интенсификацией межкультурного взаимодействия.

2.2. Реализация мягкой силы культуры Китая в контексте диалога культур

Реализация мягкой силы культуры Китая на уровне международной среды также осуществляется в рамках национальной культурной стратегии КНР, специфика которой определяется, в том числе, особенностями взаимодействия культур в условиях глобализации. «В рамках процессов глобализации регионы оказываются связанными между собой по принципу сообщающихся сосудов, что неиз-

бежно приводит к свободному передвижению людей и порождает ситуацию культурного многообразия в качестве нормы общественной жизни»¹.

Становление современного глобального культурного пространства ещё в конце 80-х гг. XX в. прогнозировал выдающийся культуролог В.С. Библер: «... нарастает новый всеобщий социум – социум культуры, – особая, в чем-то близкая к полисной социальность, точнее, форма свободного общения людей в силовом поле культуры, диалога культур. Возможно также предположить, что именно противостояние мегасоциума промышленной цивилизации (какую бы форму она ни принимала) и малых ядер социума культуры будет решающим событием начала XXI века»².

Основные положения понимания культуры Библером, по его собственному мнению, во многом схожи с определением другого отечественного культуролога – М.М. Бахтина³. Необходимо отметить, что существенным отличием концепции культуры Бахтина от других стало введение понятия диалога. «Чужая культура, – пишет философ, – только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже (но не во всей полноте, потому что придут и другие культуры, которые увидят и поймут ещё больше). Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим смыслом... При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет своё единство и целостность, но они взаимно обогащаются»⁴. Именно с именами философов, культурологов М.М. Бахтина и В.С. Библера связано начало становления концепции диалога культур в России.

Исследование диалога культур как формы межкультурного взаимодействия продолжено в работах отечественных философов М. С. Каган, А.В. Ахутина, М.С. Глазмана, Ю.М. Лотмана и др.

¹ Макаров А.П. Диалог культур в условиях глобализации // *Общественные науки и современность*. 2012. № 1. С. 164.

² Библер В.С. Культура. диалог культур. Опыт определения // *Вопросы философии*. 1989. № 6. С. 42.

³ Школа диалога культур: идеи, опыт, проблемы / Под общ. ред. В.С. Библера. Кемерово: «Алеф» Гуманитарный центр, 1993. С. 24.

⁴ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. С. 354.

Современный философ В.С. Стёпин отмечает, что «...в условиях глобализации создаются новые перспективы взаимодействия культур¹». Стёпин выделяет типы развития цивилизаций (традиционалистский и техногенный) и отмечает, что в современном мире взаимодействие культур стран разного цивилизационного типа имеет разную направленность. «В первом случае взаимодействие культур ориентировано на тот тип модернизации, в котором страны, достигшие бóльших успехов в техногенном развитии, предлагают свою версию техногенных ценностей и свой образ жизни как идеалы и образцы, которые должны быть восприняты менее развитыми странами. Во втором случае на смену односторонней трансплантации ценностей приходит диалог культур, предполагающий равноправное партнерство и уважение к культурным традициям. Диалог культур в этом случае предполагает границы взаимовлияния, где особенности каждой культуры должны быть признаны, и к ним необходимо уважительно относиться. Здесь создаются предпосылки взаимопонимания культур, но не просматриваются возможности изменения базисных ценностей, их разделяющих»².

Представляется, что современная культурная стратегия Китая на уровне международной среды реализуется посредством выстраивания диалога культур, предполагающего улучшение взаимопонимания между странами. Одним из инструментов этой стратегии стала мягкая сила культуры Китая, которая как новая коммуникативная стратегия, на наш взгляд, выполняет транслирующе-трансформационную функцию. Транслирующая функция проявляется в стремлении КНР повысить привлекательность ценностей китайской культуры, образа жизни и понимание культуры Китая в мире. Трансформационная направлена на позиционирование имиджа «могущественной культурной державы», распространение ценностей «гармоничного мира» как ресурса цивилизационного развития. Другими словами, современная культурная стратегия КНР на международном уровне выстроена в традиционном прагматическом русле и сводится к стремлению в перспективе расширить культурное присутствие КНР в мире. Во внешних

¹ Стёпин В.С. Глобализация и диалог культур: проблема ценностей // Век глобализации. 2011. № 2. С. 8.

² Стёпин В.С. Глобализация и диалог культур: проблема ценностей. С. 10-11.

практиках реализации мягкой силы культуры КНР выстраивает свою стратегию с позиций мультикультурализма (по А.Я. Флиеру¹) и диалога культур (по В.С. Стёпину).

Однако культурный вектор Китая не всегда был направлен вовне. Осознание масштабности реформирования культурной стратегии КНР, реализующейся во внешних практиках развития, складывается в процессе анализа её эволюции. В первые годы образования КНР основной целью внешней культурной стратегии была потребность признания сформировавшейся республики на международной арене. Основными инструментами достижения этой цели были культурные и образовательные обмены, а также целенаправленная работа с зарубежными синологами с целью формирования лояльного отношения к политическому режиму КНР признания легитимности КПК мировым сообществом.

В середине 50-х гг. XX в. внимание высшего руководства КНР было сосредоточено на экономической и социальной модернизации страны; укреплении власти КПК; нивелировании сепаратистских настроений на отдельных внутренних территориях (Тибетская автономия, СУАР и о. Тайвань). Внешняя концепция Китая во второй половине 50-х - начале 60-х гг. XX в. сводилась к обоснованию сотрудничества с «третьим миром» на «антиамериканской основе». К концу 60-х гг. XX в. внешнеполитическая концепция эволюционировала к концепциям «трех миров» и «единого фронта», обосновывающим отход Китая от СССР и нормализацию отношений с США и другими западными странами.

Однако под руководством Дэн Сяопина произошло качественное обновление внешней концепции КНР: поворот к прагматическому выстраиванию международных связей. Смена курса была закреплена на XII съезде КПК (1982 г.) и предусматривала диверсификацию взаимодействия с другими странами. Содержанием обновлённой концепции стала идея «мира и развития», позволившая рас-

¹ Флиер А.Я. Три культурные стратегии межнациональных коммуникаций в полиэтничестве // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2014. № 4. URL: file:///C:/Users/user/Desktop/Теория%20культуры/Флиер.%20Три%20культурные%20стратегии.pdf (дата обращения: 12.01.2016).

ширить горизонты модернизации Китая и возможности достижения главной цели: превращения КНР в развитое социалистическое государство¹.

В условиях изменения архитектоники международной среды (1990-2000-е гг.) третье поколение руководителей КНР дополнило идеи Дэн Сяопина («независимость» и «невступление в союзы») новой идеологией «совместного развития», произошел постепенный переход к концепции «многополярного мира». С этого момента начинается принципиально новый этап взаимоотношений Китая с миром. Чжоу Юй, исследуя современную структуру китайского региона, отмечает, что культурные концепции и стратегии, которые программируют цивилизационное развитие Китая, отражаются через инновационные социокультурные практики, направленные на гармонизацию и укрепление миропорядка².

По мнению авторов коллективной монографии «Стратегия великой державы: мягкая сила на пути к могуществу», Китай целенаправленно стал использовать культуру в качестве инструмента внешней политики³, с этой точкой зрения солидарны российские китаеведы А.В. Ломанов и О.Н. Борох: «...Культурное истолкование «мягкой силы» – сознательный выбор. Пока Америка несёт в мир свои политические ценности, Китай делает ставку на культуру»⁴, вследствие чего их «мягкие силы» проецируют в мир разные духовные ценности.

На современном этапе развития КНР внешняя культурная стратегия идейно представлена различными концепциями. Концепция «мирного возвышения» (кит. «和平崛起») была сформулирована в выступлении экс-заместителя руководителя отдела пропаганды ЦК КПК Чжэн Бицзяна в ноябре 2003 г., в выступлении председателя КНР Ху Цзиньтао (2003 г.) культура была названа одним из средств

¹ Подолько Е.О. Эволюция внешнеполитических концепций Китайской народной республики: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2006. С. 16-17.

² Чжоу Юй. Практики развития социокультурного пространства китайского приграничья в условиях межкультурного взаимодействия. С. 16.

³ Даго цэ: тунсян даго чжи лудэ жуаньшили = Стратегия великой державы: мягкая сила на пути к могуществу / Под ред. Мэнлянь. Бэйцзин: женьминь жибао чубаньшэ, 2008. 345 с.

⁴ Борох О.Н., Ломанов А.В. От мягкой силы к «культурному могуществу» // Россия в глобальной политике. 2012. №4. URL: <http://globalaffairs.ru/number/Ot-myagkoi-sily-k-kulturnomu-moguschestvu-15643> (дата обращения: 30.02.2016).

мирного возвышения¹. В марте 2004 г. Вэнь Цзябао представил более развёрнутое содержание концепции «мирного возвышения» КНР: страна опирается на собственные силы, на огромный внутренний рынок, на трудовые и финансовые ресурсы, осуществляет взаимовыгодное сотрудничество с внешним миром. Более точное истолкование доктрины и акцент на взаимовыгодном сотрудничестве без угрозы для мирового сообщества вызвали широкий общественный резонанс в разных странах. Однако довольно большое количество иностранных публикаций содержало настроения откровенной паники по поводу «китайской угрозы» («возвышение» трактовалось не как «подъём», но как желание возвыситься над другими, т.е. стремление к гегемонии). Поэтому в середине 2004 г. Ху Цзиньтао заменил термин «возвышение» на термин «развитие» (кит. «和平发展»)², но это не возымело ожидаемого результата.

Обновлённая концепция внешней культурной стратегии Китая – построение «гармоничного мира» (кит. «和谐世界») была представлена председателем КНР в апреле 2005 г. в Джакарте на саммите Азия-Африка, когда Ху Цзиньтао подчеркнул, что необходимо «...содействовать развитию дружеских отношений между цивилизациями, равноправному диалогу, развитию и процветанию, вместе заняться построением «гармоничного мира»³. В июле того же года во время визита Ху Цзиньтао в Россию была опубликована «Совместная российско-китайская декларация о мировом порядке в XXI веке», в которой также содержались идеи построения «гармоничного мира»⁴. А уже в сентябре на встрече глав правительств, посвящённой празднованию 60-летия ООН, Ху Цзиньтао выступил с речью об «усердном построении продолжительного мира, всеобщего развивающегося и процветающего гармоничного мира». В этом выступлении китайский лидер раскрыл суть и содержание новой стратегии развития Китая, важная часть реализации которой – укрепление диалога и обменов между разными культурами, сов-

¹ Даго цэ: тунсян даго чжи лудэ жуаньшили = Стратегия великой державы: мягкая сила на пути к могуществу. С. 50-51.

² Там же.

³ Е Цзян. Цюаньцю чжили юй чжунгодэ даго чжаньлюе чжуаньсин = Глобальное управление и трансформация стратегии Китая в отношениях с великими державами. С. 212.

⁴ Там же, с. 213.

местное создание гармоничного мира, в котором будут сосуществовать разные культуры¹.

Официальное содержание концепции было определено на XVII съезде КПК в октябре 2007 г., причём она не только содержалась в докладе председателя, но и была внесена в устав в качестве призыва к «наращиванию мягкой силы культуры государства» (кит. «提高国家文化软实力»). Было заявлено, что культура становится всё более важным элементом соперничества в совокупной государственной мощи, при этом дальнейшее развитие культуры Китая должно сопровождаться ростом её международного влияния². Китайские исследователи отмечают, что в основу новой концепции легли традиционные конфуцианские ценности. Одна из важнейших ценностей находит отражение в стратегии древнего китайского императора Яо «гармонизировать десять тысяч владений» (кит. «协和万邦»), а также в идее «гармония – ценность» (кит. «和为贵»), «единство в многообразии» (кит. «和而不同») и др.³

Идеи «гармоничного мира», по мнению китайских учёных, привлекательны для многих стран, поскольку противопоставлены американскому курсу однополярности и содержат призыв создания общемирового единого пространства с сохранением многообразия культур. Западная философия, согласно принципа объективности, рассматривает мир через призму «мы и чужие», тогда как традиционная восточная философия рассматривает мироустройство с точки зрения формулы «мы и другие», т.е. согласно принципу субъективности⁴. Эта точка зрения находит отражение в исследованиях А.В. Виноградова, российский учёный считает, что на пути модернизации и реформ КНР сменила естественно-исторический путь развития на субъективный⁵. Развивая эту мысль, российские востоковеды

¹ Выступление председателя КНР Ху Цзиньтао на саммите ООН // Чжунго ван. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/195668.htm> (дата обращения: 18.03.2016).

² Ломанов А.В. «Мягкое побеждает жёсткое»: создание современного образа Китая // Раздвигая горизонты науки: к 90-летию академика С.Л. Тихвинского. М.: Памятники исторической мысли, 2008. С. 740.

³ Вэйшэмэ Чжунго сюйяо жуань шили = Почему Китаю необходима «мягкая сила» // Гуанмин жибао. 26.07.2013. URL: http://news.ifeng.com/gundong/detail_2013_07/26/27927384_0.shtml (дата обращения: 28.01.2016).

⁴ Даго цэ: тунсян даго чжи лудэ жуаньшили = Стратегия великой державы: мягкая сила на пути к могуществу. С. 54-56.

⁵ Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. М.: Памятники исторической мысли, 2005. 335 с.

В.А. Абрамов и Н.А. Абрамова отмечают, что «... этот инновационный путь китайской субъективации, связанный с мощным контрастованием национальной (цивилизационной) идентичности, успешно реализуется сегодня Китаем»¹.

Содержание концепции построения «гармоничного мира», представлено пятью основными принципами. Один из которых – культурный, а именно: создание условий для увеличения культурных обменов, уважение культурного разнообразия. Содержание концепции было представлено в докладе Председателя КНР Ху Цзиньтао. В докладе также содержится призыв китайского лидера обратиться к своему культурному прошлому: к мудрости предков. В частности, к идеям Конфуция, в которых подчёркивается необходимость гостеприимства и терпимости. Только так, по мнению Ху Цзиньтао, совместными усилиями со всеми государствами можно построить «гармоничный мир»².

Директором Института по изучению России и Украины Государственного Уханьского университета профессором Лю Цзайци сформулирована глобальная цель, которой КНР достигла с помощью концепции «гармоничного мира». По его мнению, «Китай впервые выступил в качестве представителя общих интересов мира. В результате утверждается статус Китая как субъекта идеологии мирового развития»³. Китай пытается донести миру идею о том, что помимо повышения своего мирового статуса, КНР стремится к установлению гармоничных отношений со всеми странами. Идея гармонии, уходящая корнями в глубокую древность, включена в стратегию мягкой силы КНР и заключается в достижении внутренней и внешней гармонии⁴.

Идейным продолжением концепции «гармоничного мира» стала концепция «построения могущественного культурного государства». На 6-м пленуме ЦК КПК XVII созыва, прошедшем в октябре 2011 г., был принят ключевой программный документ «Решения ЦК КПК о некоторых важных вопросах углубле-

¹ Абрамов В.А., Абрамова Н.А. Ценностный потенциал китайского «могущественного культурного государства» в проекциях глобального развития. С. 50.

² Е Цзян. Цюаньцю чжили юй чжунгодэ даго чжаньлюе = Глобальное управление и трансформация стратегии Китая в отношениях с великими державами. С. 224.

³ Лю Цзайци. «Мягкая сила» в стратегии развития Китая. С. 152.

⁴ Регзенова Д.Б. Исторический опыт стратегичности и принципа «мягкой силы» в социально-экономических реформах Китая. С. 14.

ния реформы культурной системы, содействия развитию и процветанию социалистической культуры». В нем отмечается, что культура занимает все более важное место в соперничестве между странами, крупные государства целенаправленно наращивают мягкую силу ради повышения своей международной конкурентоспособности. Также в постановлении пленума ЦК КПК было указано на «необходимость выхода китайской культуры вовне, повышение международного влияния китайской культуры, демонстрацию миру нового образа реформ и открытости Китая»¹. В рамках стратегии превращения Китая в «могущественное культурное государство» решаются важные задачи продвижения китайской культуры во внешний мир («выход вовне»)².

Таким образом, преодолев «внешнюю культурную закрытость», КНР стала одной из стран, способных предложить миру собственные культурные ценности и идеи дальнейшего мирового развития в виде «культурных универсалий» (по В.С. Стёпину). Ключевой целью внешней культурной стратегии Китая на современном этапе развития является популяризация китайской культуры, трансляция китайских культурных ценностей вовне и позиционирование Китая как «могущественного культурного государства».

Затрагивая вопрос общего направления культурной стратегии КНР, С.Ю. Распёртова отмечает, что она «нацелена на распространение китайской культуры во всем мире и на формирование наиболее полного представления о духе китайской нации и традиционных ценностях»³. Подобной точки зрения придерживается и отечественный исследователь Н.В. Турушева. Она подчёркивает, что «культура широко используется КПК как элемент мягкой силы в деле формирования позитивного облика КНР в современном мире. Власти прилагают усилия по распространению китайской литературной и кинопродукции за рубежом, делая китайскую культуру привлекательной для потребителей во всем мире. Партийное

¹ Изимов Р. Мягкая сила Китая: на прицеле Центральная Азия – часть первая. URL: <http://radiotochka.kz/1581-.html> (дата обращения: 27.06.2016).

² Чжунгун чжуньян гуаньюй шэньхуа вэньхуа тичжи гайгэ туйдун шэхуэйчжуи вэньхуа да фачжань фа фаньчжун жогань чжунда вэньти дэ цзюэдин = Постановление ЦК КПК о некоторых важных вопросах углубления реформы системы культуры и продвижения большого развития и большого расцвета социалистической культуры. С. 11.

³ Распёртова С.Ю. Современные культурные стратегии Китайской Народной Республики в практике международного взаимодействия: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Москва, 2011. С. 21.

руководство признало важность мягкой силы в достижении национальной мощи КНР, согласившись с представлением о культуре, как основе мягкой силы»¹.

О важности современной культурной стратегии свидетельствует и тот факт, что с начала XX в. усиление культурной составляющей КНР тесно увязывается с обеспечением национальной безопасности государства. В диссертационном исследовании В.М. Феоктистова отмечается, что «необходимость обеспечения и защиты китайских национальных интересов на его глобализирующемся региональном пространстве ведет к интенсификации традиционных культурных ресурсов – национализма, конфуцианского рационализма, к созданию обновленной этической системы, соответствующей социалистической рыночной экономике. На этом фоне ценности цивилизационной культуры Китая используются не только как инструмент сохранения национальной идентичности и безопасности, но и внешней информационной экспансии»².

В работе, посвященной анализу инновационного развития современной китайской культуры, профессор Н.А. Абрамова отмечает: «... новейшие публикации, раскрывающие тенденции развития современной китайской культуры, свидетельствуют о поисках инновационных механизмов, способных стать неким защитным барьером от влияния на нее глобализированной культуры»³. Применение подобных инновационных механизмов формирует устоявшуюся систему практик мягкой силы культуры Китая.

Одним из самых эффективных проводников мягкой силы культуры КНР во внешний мир безусловно являются *международные научно-образовательные проекты*. Современная система образования КНР (рассмотренная в предыдущем параграфе) выглядит представительно и уверенно как на уровне страны, так и на уровне международной среды. По мнению Д.М. Селихова, развитие науки и обра-

¹ Турушева Н.В. Политика коммунистической партии Китая в области культуры в период реформ (1978-2012). С. 15.

² Феоктистов В.М. Культурно-цивилизационные ценности концепции национальной безопасности КНР в условиях глобализации: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Чита, 2007. 24 с.

³ Абрамова Н.А. Инновационное развитие современной китайской культуры. С. 11.

зования имеет приоритетное значение на современном этапе развития НИС КНР¹. Помимо продуманной внутренней образовательной политики, представленной различными проектами («Программа 211», «Программа 985», возрождение традиционных китайских академий, создание сети «мозговых центров» и т.д.), образовательный вектор как проводник мягкой силы культуры направлен и во внешний мир, где представлен различными практиками.

Рассмотренные в предыдущем параграфе мозговые центры (МЦ) КНР занимают достойное место среди мировой научной элиты, кроме этого правительство возложило на них решение ряда важных стратегических задач. Быстрый рост экономической и военной мощи КНР вызвал опасения мирового сообщества перед возможной «китайской угрозой», причём в последние годы эти опасения распространились и на другие сферы безопасности, в том числе энергетическую, экологическую, продовольственную (например, рост цен на зерно на мировом рынке объясняется, в частности, его возросшим потреблением в Китае и др.). В настоящее время именно на китайские МЦ, которые активно участвуют в международном сотрудничестве, руководство страны возложило задачу противостояния иностранным информационным атакам, наносящим ущерб имиджу Китая. По мнению китайских исследователей, МЦ КНР должны содействовать совершенствованию мягкой силы культуры, т.е. «жизнестойкости политического и экономического строя и внешнеполитической системы страны», которая в современном мире имеет не меньшее значение, чем в былые времена экономическая или военная мощь. Для этого МЦ призваны активно пропагандировать «китайскую модель развития», особенно в развивающихся странах, как это делают крупнейшие аналитические центры США².

Специфической практикой реализации мягкой силы культуры Китая в международной среде также является возрождение традиционных китайских академий «Шуюань». Они содержат внушительные ресурсы увеличения мягкой силы

¹ Селихов Д.М. Развитие национальной инновационной системы КНР в контексте перехода на новую модель социально-экономического развития: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Москва, 2014. С. 3.

² Комиссина И.Н. Научные и аналитические центры Китая: Справ. М.: РИСИ, 2012. С. 44.

культуры Китая не только на внутригосударственном уровне, но и в мире. Уже сегодня туристические маршруты к развалинам древних конфуцианских академий и к действующим академиям «Шуюань» пользуются огромным спросом не только среди граждан КНР, но и среди иностранных туристов. На веб-сайтах действующих академий любой заинтересованный может найти расписание экскурсий по территории университета, ознакомительных лекций и схемы проезда к достопримечательности, причём в большинстве своём информация доступна как на китайском, так и на английском языках. Такой инновационный механизм решает сразу несколько задач, в том числе стимулирует интерес к традиционной культуре Китая за рубежом.

Поиск инновационных практик расширения культурного присутствия КНР в мире связан с необходимостью преодоления высокого культурного дисконта китайской культуры в мире. Причиной низкой популярности китайской культуры в мире, по мнению Янь Шуфан, является «языковой барьер, специфический образ жизни нации, особенности менталитета и ценностей культуры, этические концепции, которые формируют своеобразную институциональную систему. Всё это значительно затрудняет восприятие внутреннего содержания китайских культурных продуктов»¹. Между тем, сложно оспорить утверждение В.С. Воропаева о том, что «китайский язык – ключ к цивилизационной специфике Китая»². Потому абсолютно закономерно, что правительство КНР огромное внимание уделяет культурно-образовательным практикам популяризации китайского языка в мире.

Усилия официального Пекина по популяризации китайского языка реализуются, в первую очередь, через *международные культурно-языковые проекты*. В их работе задействованы организации, осуществляющие свою деятельность непосредственно на территории иностранных государств. Созданные в рамках таких проектов организации, целенаправленно работают «на внешний вектор», транслируя китайскую идентичность вовне. Среди подобных проектов необходи-

¹ Янь Шуфан. Культурные индустрии как механизм реализации ценностных идей китайской культуры. С. 14.

² Воропаев Д.С. Социокультурные основания китайской модели политической модернизации: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2012. С. 18.

мо выделить наиболее масштабные: проект по созданию сети Институтов и Классов Конфуция и его продолжение – проект международного конкурса на знание китайского языка как иностранного «Мост китайского языка».

Оба обозначенных проекта организованы Китайской государственной канцелярией по распространению китайского языка за рубежом (кит. «中国国家汉语国际推广领导小组» или «孔子学院总部», сокр. «国家汉办» – соотв. русс. «Ханьбань»), созданной в 1984 г. при Министерстве образования КНР (оба проекта получают государственное финансирование). Институты Конфуция и Классы Конфуция (кит. «孔子学院和孔子课堂») представляют собой учебные центры, основной заявленной деятельностью которых является преподавание китайского языка как иностранного. Но помимо того, что центры играют одну из главных ролей в деле популяризации китайского языка в мире, они, конечно же, являются трансляторами национальной китайской идентичности в тех странах, в которых осуществляют свою деятельность. О.И. Завьялова отмечает, что отдельные элементы китайской духовной культуры издавна была распространены, прежде всего, в пределах «конфуцианского» мира Восточной Азии¹, однако ситуация начала кардинально меняться с середины 2010-х гг.

Первый Институт Конфуция был открыт в ноябре 2004 г. в южнокорейском Сеуле, который традиционно рассматривают как один из центров конфуцианской культуры. В этом же году были подписаны соглашения о создании Институтов Конфуция с Университетом Мэриленд (США) и Стокгольмским университетом (Швеция). С этого момента начинается последовательная масштабная работа по созданию Институтов по всему миру. Уже в следующем, 2005 г., было открыто 16 Институтов в 15 странах. На конец 2006 г. насчитывалось 122 Института и 4 Классы в 49 странах. В 2007 г. Ханьбань продолжил активную деятельность по созданию Институтов и Классов Конфуция и их общее количество составило 205 и 21 соответственно. В дальнейшем, количество институтов ежегодно увеличивалось: в 2008 г. количество возросло до 249 Институтов и 56 Классов; в 2009 г. до

¹ Завьялова О.И. Официальные и неофициальные составляющие языковой ситуации в КНР // Китай на пути к возрождению. К 80-летию академика М.Л. Титаренко. М.: ИД «ФОРУМ», 2014. С. 209.

282 и 272; в 2010 г. до 322 и 369 (всего программой охвачено 96 стран)¹; в 2011 г. до 358 и 500²; в 2012 г. до 400 и 535³; в 2013 г. до 440 и 646⁴; в 2014 г. до 475 и 851⁵ соответственно.

К 2015 г. общее количество Институтов и Классов Конфуция возросло до впечатляющего количества: 500 и 1000 соответственно, а количество стран, которые охвачены сетью Институтов и Классов, достигло 135. При этом Институты Конфуция открыты в 125 странах, в том числе в 32 азиатских государствах – 110 Институтов, в 40 странах Европы – 169, в 32 странах Африки – 46, в 18 странах Америки – 157, в 3 странах Океании – 18. Классы Конфуция открыты в 72 странах⁶. На конец 2016 г. насчитывалось 1073 Класса Конфуция⁷ и 512 Институтов, т.е. всего за год количество КК увеличилось на 73 единицы, а ИК – на 12.

Ханьбань выпускает ежегодные отчёты о проделанной работе, в которых публикуются и планы развития проекта. Согласно «Плану развития Институтов и Классов Конфуция на 2012-2020 гг.» к 2015 г. их число должно было вырасти до 500 и 1000 соответственно, общее число иностранных учащихся – до полутора миллионов, число преподавателей – до 10 тыс. человек. Сегодня можно констатировать перевыполнение запланированных показателей и по срокам, и по количеству образовательных единиц Конфуция.

К преподавателям Институтов предъявляются определённые требования: помимо того, что подавляющее большинство преподавателей – носители языка,

¹ Чжунго вэньхуа жуаньшили фачжань баогао 2012 = Доклад о развитии мягкой силы культуры Китая 2012 / Гл. ред. Чжан Гоцзо. – Пекин: Издательство Пекинского университета, 2013. С. 205.

² Гоцзя ханьбань цзи Кунцзы сюеюань цзунбу 2011 няньду баогао = Ежегодный совместный отчёт Ханьбань и Управления Институтов Конфуция (2011 г.) / Ред.-сост. Сюй Линь, Мацзянь Фэй, Ван Юнли и др. Пекин: Ханьбань цзунбу, 2012. С.12.

³ Гоцзя ханьбань цзи Кунцзы сюеюань цзунбу 2012 няньду баогао = Ежегодный совместный отчёт Ханьбань и Управления Институтов Конфуция (2012 г.) / Ред.-сост. Сюй Линь, Мацзянь Фэй, Ван Юнли и др. Пекин: Ханьбань цзунбу, 2013. С.15.

⁴ Гоцзя ханьбань цзи Кунцзы сюеюань цзунбу 2013 няньду баогао = Ежегодный совместный отчёт Ханьбань и Управления Институтов Конфуция (2013 г.) / Ред.-сост. Сюй Линь, Мацзянь Фэй, Ван Юнли и др. Пекин: Ханьбань цзунбу, 2014. С. 4.

⁵ Гоцзя ханьбань цзи Кунцзы сюеюань цзунбу 2014 няньду баогао = Ежегодный совместный отчёт Ханьбань и Управления Институтов Конфуция (2014 г.) / Ред.-сост. Сюй Линь, Мацзянь Фэй, Ван Юнли и др. Пекин: Ханьбань цзунбу, 2015. С. 4.

⁶ Гоцзя ханьбань цзи Кунцзы сюеюань цзунбу 2015 няньду баогао = Ежегодный совместный отчёт Ханьбань и Управления Институтов Конфуция (2015 г.) / Ред.-сост. Сюй Линь, Мацзянь Фэй, Ван Юнли и др. Пекин: Ханьбань цзунбу, 2016. С. 4.

⁷ Школа китайского языка «Конфуций» [офиц. сайт]. URL: <http://schoolconfucius.ru/> (дата обращения: 21.01.2017).

они должны знать язык и специфику той страны, в которой они работают. Наличие таких специфических знаний у преподавателей позволяет выстраивать гибкую культурно-образовательную политику: при общей генеральной линии и духа, который несут Институты и Классы Конфуция, методика преподавания может варьироваться. На наш взгляд, здесь речь идёт о региональном культурно-образовательном подходе, применение которого позволяет наиболее эффективно транслировать ценности китайской культуры вовне.

Как видно из статистических данных, приведённых выше, наиболее быстрыми темпами идёт создание Классов Конфуция. Если Институты нацелены на обучение студентов, то в Классах обучают детей младшего и среднего возраста. Конкретный возраст обучающихся варьируется в разных странах, но чаще всего это дети от 5 до 16 лет. Кроме того, что программы Классов составлены таким образом, что дети могут изучать китайский язык в таких учреждениях по несколько лет, Ханьбань ежегодно организует выезд учащихся Классов в Китай во время летнего отдыха.

Такие выезды во время летних каникул организуются на базе одного из новых проектов Ханьбань – «Летняя школа» (кит. 夏令营). Выехать в такие лагеря имеют возможность лучшие ученики Классов Конфуция. Китайская сторона оплачивает обучение и все мероприятия, включённые в программу. Необходимо отметить, что помимо занятий китайским языком, программа Летних школ насыщена культурными мероприятиями. Так, иностранные учащиеся готовят блюда традиционной китайской кухни (чаще всего – это китайские пельмени с различными начинками) вместе с китайскими волонтерами, учатся китайскому традиционному письму, пробуют овладеть техникой узелкового плетения (кит. «中国结») и техникой вырезания узоров из бумаги (кит. «剪纸») или пробуют силы в традиционной китайской живописи «гохуа» (кит. «中国国画») и др.

Принимая во внимание прагматичность китайского менталитета становится понятно, почему именно школьникам уделяется столь пристальное внимание. Китай делает ставку на будущие поколения, надеясь переломить современную тенденцию настороженного или откровенно негативного отношения к КНР. Эта

мысль подкрепляется и содержанием интервью руководителя Китайской государственной канцелярии по распространению китайского языка за рубежом Сюй Линь газете «Жэньминь жибао». Она особо отметила, что такое внимание к молодому поколению – неслучайно. Именно у детей можно сформировать доброе отношение к Китаю и китайскому народу, его традициям и культуре, т.к. детская психика пластична. А те знания, отношение к окружающей среде, которые сформированы в детстве, остаются у человека на всю жизнь¹. Летние лагеря организуются не только для школьников, но и для студентов, обучающихся в Институтах Конфуция. Содержание программы студенческих лагерей ещё более насыщенное.

Продолжением концепции популяризации китайского языка и культуры стал ещё один крупный проект Ханьбань – «Мост китайского языка» (кит. «汉语桥»). Это стремительно набирающий популярность и расширяющий географию участников национальный культурно-образовательный проект, призванный внести свою лепту в укрепление мягкой силы культуры Китая. Этот вклад раскрывается с нескольких сторон. Во-первых, это платформа распространения китайского языка в мире; своеобразное «окно», раскрывающее притягательность национальной письменности и устной речи; способ социокультурного усиления Китая; платформа распространения современных ценностных идей КНР и, наконец, форма воспитания иностранных «послов китайской культуры» (кит. «中国文化大使»)².

Начиная с 2002 г., в проекте приняло участие 100 тыс. человек в более чем 70 странах мира. Как отмечается на официальном сайте Ханьбань, проект не только способствует многократному увеличению интереса к изучению китайского языка, он содействует улучшению понимания Китая и китайской культуры, представляет собой настоящую платформу межкультурной коммуникации, способствует признанию китайского как международного языка коммуникации в

¹ Чжуаньфан цюаньго чжэнсе вэйюань, гоця Ханьбань чжужэнь, Кунцзы сюеюань цзунбу цзунганьши Сюй Линь = Эксклюзивное интервью с членом ВК НПКСК, директором Китайской государственной канцелярии по распространению китайского языка за рубежом Сюй Линь [официальный сайт]. URL: <http://tv.people.com.cn/n/2014/0308/c364580-24570317.html> (дата обращения: 16.12.2016).

² Мэй Вэньхуэй. «Ханьюй цяо» вэньхуа жуаньшили фачжаньбаогао = Доклад о развитии мягкой силы культуры конкурса «Мост китайского языка» // Чжунго вэньхуа жуаньшили фачжань баогао 2013 = Доклад о развитии мягкой силы культуры Китая 2013. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2014. С. 238.

«Олимпийском движении»¹.

В данном конкурсе могут принимать участие не только учащиеся Классов и Институтов Конфуция, но и любой желающий иностранный ученик/студент, изучающий китайский язык. Победители конкурса получают возможность годичного или двухлетнего *бесплатного* обучения в ведущих ВУЗах и колледжах КНР. Популярность конкурса растёт из года в год, динамика прироста участников конкурса отражена в статистических данных Ханьбань. Так, согласно этим данным в первом конкурсе (2002 г.) приняли участие студенты из 21 страны. Через 5 лет, в 2007 г., количество стран-участников насчитывало 52, а к 2013 году это число выросло до 80 государств.

Для дальнейшей популяризации китайского языка и культуры в мире в октябре 2011 г. Ханьбань учредил создание нового проекта – Интернет-клуб «Мост китайского языка» (кит. «汉语桥» 俱乐部). Проект является коммуникативной платформой для всех интересующихся и/или изучающих китайский язык и культуру. В рамках проекта проводятся различные культурные мероприятия, в которых задействованы, в том числе, участники конкурса «Мост китайского языка» и его победители.

Кроме перечисленных проектов на платформе Ханьбань создан сайт «Институт Конфуция онлайн» (кит. «网络孔子学院»). На сайте собрано огромное количество информации на самые разные темы по истории и культуре Китая в форме ярких презентаций и видео-уроков. Отдельно отметим, что сайт предоставляет возможность платного и бесплатного обучения в режиме онлайн (бесплатное обучение предполагает использование видео-уроков, платное – занятие с репетитором-носителем языка по видеосвязи). Также Сайт предоставляет площадки для общения на китайском языке в виде форумов и микроблогов, электронную библиотеку для зарегистрированных пользователей, электронный ресурс для преподавателей. Кроме того, на этом интернет-ресурсе размещаются отзывы стипендиатов конкурса «Мост китайского языка», участников Летних школ, которые

¹ Ханьбань. [офиц. сайт]. URL: <http://www.hanban.edu.cn/hb/> (дата обращения: 23.01.2017).

сгруппированы по странам и отражают различные события перечисленных проектов глазами непосредственных участников. Интерес представляет название рубрики сайта «Материалы мероприятий Институтов Конфуция, расположенных на Великом шёлковом пути» (кит. «*丝绸之路上的孔子学院征文活动*»). Немаловажно и то, что главный сайт «Институт Конфуция онлайн» доступен для чтения на 6 иностранных языках (английский, французский, корейский, японский, русский, испанский).

Масштаб и системность рассмотренных практик мягкой силы культуры, курируемых Министерством образования КНР, направленных на популяризацию китайского языка и китайской идентичности в мир, позволяет констатировать их системность, эффективность и спрогнозировать увеличение интереса к культуре Китая в будущем.

Помимо рассмотренных практик мягкой силы культуры, Китай транслирует свою культурную идентичность в мир, реализуя ряд других культурно-образовательных проектов. Одним из индикаторов эффективности научно-образовательных и культурно-языковых проектов как практик мягкой силы культуры КНР является ежегодно возрастающее количество иностранных студентов. Согласно официальным статистическим данным при правительстве КНР, по всему миру насчитывается более 40 млн чел., обучающихся китайскому языку. В КНР изучение языка и культуры превратилось в модный тренд XXI в., а некоторые Юго-Восточные страны Азии даже охвачены «лихорадкой китайского языка»¹.

Наиболее наглядно успехи КНР в этом направлении отражает статистика. Отделом политического планирования Министерства иностранных дел КНР с 1987 г. ежегодно выпускается сборник «Китайская дипломатия» (кит. «*中国外交*»). В сборнике освещаются самые значительные события и достижения КНР во взаимоотношениях с разными странами, данные представлены отдельно по каждой из стран. Кроме того, приводятся различные количественные показатели современ-

¹ Бояркина А.В. Язык и культура Китая как эффективные инструменты «мягкой силы» в реализации внешней политики КНР // Теория и практика общественного развития. 2014. № 12. С. 116.

ных успехов. В рамках настоящего исследования интерес представляют данные по количеству иностранных студентов из разных стран (см. Табл. 1).

Таблица 1. – Количество иностранных студентов, обучающихся в КНР в 2004 – 2014 гг.¹

Страна	Количество студентов по годам	
	2004	2014
Бангладеш	94	2566
Индия	765	13578
Индонезия	3750	13689
Япония	19059	15057
Казахстан	386	11764
Киргизия	129	3163
Малайзия	1241	6645
Монголия	1333	7920
Пакистан	894	13360
Непал	1495	3574
Филиппины	1375	2929
Р. Корея	43617	62923
Таджикистан	40	2015
Таиланд	2371	21296
Вьетнам	4382	10658
Узбекистан	176	2192
Эфиопия	125	1561
Гана	56	3767
Нигерия	122	2979
Танзания	148	1991
Великобритания	1046	5920
Германия	2187	8193
Франция	1954	10729
Италия	680	4911
Россия	2288	17202
Испания	286	2517
Швеция	373	1726
Бразилия	138	1675
Мексика	380	1887
Канада	1205	3271
США	8480	24203
Австралия	1159	4721
Новая Зеландия	127	845

Как видно из таблицы, количество иностранных студентов из разных стран неуклонно растёт. Общее количество иностранных студентов в КНР также увели-

¹ Источник: Чжунго вайцзяо. 2005 нянь / Чжунхуа жэньминь гунхэго Вайцзяобу чжэнцэ яньцзяо сыбянь = Китайская дипломатия. 2005 г. / Издание Департамента политических исследований МИД КНР. Пекин: Шицзе чжиши чубаньшэ, 2005. 514 с.; Чжунго вайцзяо: 2015 няньбань / Чжунхуа жэньминь гунхэго Вайцзяобу чжэнцэ гуйхуа сыбянь = Китайская дипломатия. 2015 г. / Издание Департамента политического планирования МИД КНР. Пекин: Шицзе чжиши чубаньшэ, 2015. 432 с.

чивается: в 2005 г. образование получало 141087 чел., а в 2015 г. – 397635 чел. Правительство КНР, осознавая важность и потенциал этого вида международного культурного обмена, создаёт комфортные условия обучения иностранным студентам, чтобы у них сложилось положительное впечатление о китайском образе жизни, о национальной культуре. Студенты, проживающие в КНР в течение длительного периода времени, становятся переносчиками и трансляторами культуры Китая, или, как говорят сами китайцы, «послами китайской культуры». Иностранцы, лояльно настроенные к Китаю, играют важную роль в создании благоприятного образа КНР в мире, способны развеять многие мифы, которые закрепились за Китаем со времен периода, предшествовавшего современным реформам.

Важно отметить, что правительство КНР финансирует огромное количество образовательных обменных проектов, привлекая иностранных студентов на бесплатное получение высшего образования. В этом контексте интересен опыт США по «воспитанию» иностранной политической элиты, описанный Г.Ю. Филимоновым. Студенты, которые получили образование в американских вузах в рамках международных образовательных программ становились позднее известными политическими деятелями в своих странах (например, выпускниками таких программ являются 200 настоящих и бывших премьер-министров и президентов, среди них Т. Блэйр, М. Тэтчер, Г. Шрёдер, М. Саакашвили, В. Ющенко, 80 членов правительства Саудовской Аравии получили образование в США, 75 членов парламента Кении обучались в американских университетах и т.д.)¹.

Но, несмотря на усилия официального Пекина по поддержке инновационных программ по распространению китайского языка в мире и общий рост объёма свободно говорящих на китайском языке иностранцев, этот показатель значительно уступает в процентном соотношении англоговорящей иностранной аудитории. Поэтому параллельно рассмотренным культурным практикам заметно активизировалась работа пекинского Издательства литературы на иностранных языках (кит. «外文出版社»). Так, за последние годы издательством было выпущено огром-

¹ Филимонов Г.Ю. «Мягкая сила» культурной дипломатии США. М.: РУДН, 2010. С. 182-183.

ное количество литературы на иностранных языках, которая несёт серьёзную культурно-идеологическую нагрузку.

Например, в сентябре 2014 г. вышла книга «Си Цзиньпин о государственном управлении» – сборник высказываний китайского лидера по самым важным темам. В статье Т.В Каукуновой проводится подробный анализ содержания этого издания, в частности, автор отмечает, что книга «...призвана описать идеологическую платформу новой власти, обрисовать стратегические направления развития страны, обозначить ее видение собственного места в мире, не углубляясь в конкретику»¹, вместе с тем она рассчитана на широкий круг читателей, написана простым понятным языком, доступно рисует как портрет личности китайского лидера, так и содержание современных реформ Китая внутри страны и на международной арене. Официально книга была презентована главой Пресс-канцелярии Госсовета КНР Цай Минчжао в октябре 2014 г. на международной книжной выставке во Франкфурте-на-Майне. Издание опубликовано на 9 языках (китайском, русском, английском, французском, немецком, испанском, арабском, португальском и японском) и вызвало общественный резонанс на Западе.

Издательством литературы на иностранных языках выпускаются и другие труды, знакомящие иностранного читателя с современной социокультурной атмосферой в КНР. Например, «Цзян Цзэминь. Избранное» (в 3-х томах) (2013 г.), «Документы третьего пленума Центрального комитета КПК 18-го созыва» (2014 г.), «Всестороннее углубление реформ. Си Цзиньпин» (2014 г.), «Мечта о великом возрождении китайской нации. Си Цзиньпин» (2014 г.)² и др. Данные издания подготовлены совместно с пресс-канцелярией Госсовета КНР и Центром по изучению партийных документов при ЦК КПК. Обзорный анализ содержания этих изданий на русском языке демонстрирует, что и эта практика мягкой силы культуры, нацеленная на иностранную аудиторию, реализует важную цель – формирование образа КНР как «могущественной культурной державы». Кроме того, в рамках

¹ Каукунова Т.В. Новая книга Си Цзиньпина – идеология на экспорт // Информационное агентство Regnum. 10.11.2014. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1864255.html> (дата обращения: 18.03.2016).

² Вайвэнь чубаньшэ = Издательство литературы на иностранных языках. [Офф. сайт] URL: <http://www.flp.com.cn/main/> (дата обращения: 23.04.2016).

стратегии формирования благоприятного имиджа страны правительство КНР, начиная с 1990-х гг., регулярно выпускает «Белые книги» – официальные правительственные документы на различные темы (права человека, ситуация в Тибете, национальная оборона КНР, экология и пр.)¹.

Практикой мягкой силы культуры являются и дипломатические усилия КНР: именно на основе установления официальных дипломатических отношений выстраивается культурная политика Китая в иностранных государствах. С начала реформ и открытости правительством КНР была проделана колоссальная работа по установлению официальных контактов с зарубежными странами. Показательно увеличение количества стран, с которыми Китай установил отношения на высшем уровне. Согласно данным сборников «Китайская дипломатия» за 2015 г. общее количество таких стран постоянно увеличилось. Если к 1989 г. дипломатические отношения были установлены со 129 странами, то через 10 лет в 1999 г. эта цифра составляла уже 165 государств, в 2004 – 167 стран, в 2007 – 171 страну, а в 2014 году – 172 страны².

Безусловно, деятельность государства исключительно по дипломатическим каналам не была бы столь успешной без поддержки различных видов СМИ. В качестве примера приведём развитие Центрального телевидения Китая (ССТV³). Это крупнейший в Китае медиа-холдинг, который представлен 15-ю каналами разной тематики, имеет свой интернет-ресурс и печатное издание. ССТV является не только государственным каналом, но и выполняет важные функции распространения китайского языка и культуры вовне. Канал ведёт прямые трансляции на 6 иностранных языках (английском, испанском, французском, арабском, русском, корейском) и на 5 языках национальных меньшинств (монгольском, тибетском, уйгурском, казахском, корейском). Имеет региональные отделения в Европе, Африке, Северной Америке, Латинской Америке, Средней Азии, Корее и России. Согласно официальным данным интернет-сайта ССТV (на конец 2015 г.), компа-

¹ У Сюцзюань. Информационное обеспечение политики китайского руководства на рубеже XX-XXI вв. С. 19.

² Чжунго вайцзяо: 2015 няньбань / Чжунхуа жэньминь гунхэго Вайцзяобу чжэнцэ гуйхуа сыбянь = Китайская дипломатия. 2005 г. / Издание Департамента политического планирования МИД КНР. Пекин: Шицзе чжиши чубань-шэ, 2015. С. 373-380.

³ Официальный сайт Центрального телевидения Китая. URL: <http://www.cctv.cn/> (дата обращения: 30.08.2016).

ния осуществляет вещание различных программ в 171 государстве, а с 70 иностранными теле-структурами подписаны рамочные соглашения о сотрудничестве.

Работа телевидения КНР исследована отечественными авторами достаточно подробно. В рамках настоящего исследования интерес представляет работа А.В. Шугаева. Учёный выделяет основные задачи Центрального телевидения Китая на современном этапе, среди них такие, как: формирование положительного имиджа страны на международной арене и противодействие информационной агрессии развитых стран¹. Постановка таких задач перед Центральным телевидением Китая неслучайна, ведь «телевидение стало планетарным явлением, оно проникает в самые отдаленные регионы мира»², а потому это эффективный инструмент формирования положительного имиджа страны и распространения культурных ценностей.

В высшем руководстве КНР имеется чёткое понимание необходимости поднимать отечественные СМИ на уровень, соответствующий растущему влиянию и повышению статуса Китая в мире³. Эта мысль отражена и в исследовании Чжан Сяншэн который акцентирует внимание на том, что Китай вышел на новый этап взаимодействия с внешним миром, ставя во главу угла, помимо успехов в экономике, заботу о своем имидже. Автор отмечает, что группа крупнейших китайских медиа-компаний (медиахолдинг Цзефанжибао, Наньфанский медиахолдинг, телекомпания Дракон ТВ) планирует потратить миллиарды долларов на развитие за пределами КНР в рамках правительственных мероприятий по улучшению имиджа страны. На практике эти планы реализуются через приобретение международных медиа активов для открытия новостных бюро за рубежом, 24-часовой трансляции на иностранных языках⁴. Такую деятельность проводит и Центральное телевидение Китая, официальное государственное агентство Синьхуа, «Жэньминь жибао», официальный новостной орган КПК и др.

¹ Шугаев А.В. Формирование культурной идентичности как фактор консолидации глобализирующегося китайского общества (на примере телевидения): автореф. дис. ... канд. филос. наук. Чита, 2011. С. 21.

² Чжан Сяншэн. Телевидение в общественно-политической жизни КНР: опыт, проблемы и тенденции развития: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Владивосток, 2010. С. 12.

³ Котельников А.А. Интернет-СМИ КНР как фактор формирования общественного мнения в Забайкальском крае: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Чита, 2011. С. 3-4.

⁴ У Сюэюань. Информационное обеспечение политики китайского руководства на рубеже XX-XXI вв. С. 19-20.

Огромную лепту в популяризацию ценностей китайской культуры вносят интернет-СМИ КНР, которые заняли уверенное положение среди мировых информационных ресурсов. К сегодняшнему дню практически все редакции традиционных видов китайских СМИ создали в Интернете свои сайты. Кроме того, китайские СМИ стали одними из самых активных пользователей социальных сетей. Большинство выше перечисленных площадок распространения мягкой силы культуры Китая имеют свои группы и страницы в популярных во всём мире социальных сетях (Facebook, Twitter, Instagram и т.д.), которые, в частности, пользуются успехом у этнических китайцев, проживающих за рубежом.

Тесное взаимодействие КНР с представителями китайской диаспоры (хуацяо) также выступает практикой реализации мягкой силы культуры Китая. О важности этого инструмента свидетельствует, в частности, текст Доклада о работе правительства за 2015 г. (4-й сессии ВСНП 12-го созыва), где отмечается следующее: «...Нам нужно, тщательно реализуя политику по отношению к хуацяо, охранять на правовой основе законные права и интересы зарубежных соотечественников, реэмигрантов и членов их семей, полностью выявлять их своеобразные преимущества и важную роль, постоянно наращивать центростремительные силы у сынов и дочерей китайской нации, проживающих как в стране, так и за рубежом»¹.

Исследованию самой многочисленной в мире диаспоры посвящено диссертационное исследование П.Н. Калмыкова. Учёный отмечает, что по различным подсчетам экспертов, численность этнических китайцев, живущих за рубежом, находится в диапазоне от 35 млн. до 62 млн. человек, причем их количество с каждым годом продолжает увеличиваться. Исследователь приходит к выводу, что, благодаря целенаправленным действиям официального Пекина, современные зарубежные китайские мигранты представляют собой мощный инструмент влияния КНР в разных регионах мира². По мнению В.Г. Гельбраса, китайская миграция во

¹ Доклад о работе правительства за 2015 г. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/0318/c95181-9032270-15.html> (дата обращения: 24.04.2016).

² Калмыков П.Н. Современная китайская диаспора. Россия в структуре международной китайской миграции: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2013. С. 3.

всем мире переходит сейчас в новую стадию: период стихийного переселения отдельных выходцев из КНР в другие страны мира завершился, начинается этап целенаправленной эмиграции китайцев, призванных, по плану правительства КНР, служить интересам Китая за рубежом¹, а именно: транслировать в мир китайскую идентичность и китайские ценности.

Стремление официальной власти КНР поддерживать интерес хуацяо к китайскому языку и культуре реализуется через поддержку культурно-образовательных проектов и организаций, объединяющих этнических китайцев между собой и поддерживающих тесную связь с Родиной. Руководство делами зарубежных соотечественников осуществляется посредством «пяти мостов»: Канцелярией по делам зарубежных соотечественников при Госсовете КНР, Комитетом по делам китайских эмигрантов при ПК ВСНП, Комитетом по делам соотечественников Гонконга, Аомэня, Тайваня при НПКСК, Всекитайской Ассоциацией Репатриантов и партией Чжигундан². Хуацяо, сохраняя свою культурную идентичность в иноязычной среде, вносят огромный вклад в популяризацию культуры Китая за рубежом.

Эффективная работа с китайской диаспорой не представляется возможной без дипломатических усилий при непосредственном участии Министерства иностранных дел КНР. Посольства КНР в разных странах принимают самое непосредственное участие в организации и проведении различных культурных и гуманитарных акциях: создание «уголков китайской литературы», встречи китайских студентов, обучающихся за рубежом, различного рода выставки китайского творчества, мероприятия международного культурного обмена, организация бесплатного показа продукции киноиндустрии КНР, издательская деятельность и т.д.

Несомненно, инновационной практикой мягкой силы культуры Китая является создание национальных культурных брендов международного уровня. Так, Т.Н. Кучинская подчёркивает, что набор региональных культурных образов в

¹ Гельбрас В. Г. Россия в условиях глобальной китайской миграции. М.: Муравей, 2004. С. 134-135.

² Сергеева А.А. Политика партийно-государственного руководства КНР в отношении соотечественников за рубежом: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2012. С. 20.

структуре регионального культурного бренда представляет культурно-цивилизационную специфику страны в ее максимальной полноте и целостности¹, грамотно выстроенный культурный бренд способствует развитию китайской индустрии культуры, повышению ее международной конкурентоспособности и является необходимым условием продвижения китайской культуры в мире. Партийное руководство КНР в деле построения социализма с китайской спецификой придает большое значение процессу создания культурных брендов². Так, важность этой инновации отметил Ху Цзиньтао, который на XXII заседании Политбюро ЦК КПК (2010) предложил «тщательно выстраивать бренд китайской культуры» (кит. «精心打造中华民族文化品牌»)³. Один из ведущих учёных Китая, профессор, директор Исследовательского центра в области мягкой силы культуры Китая Чжан Гоцзо замечает в этой связи, что Китаю необходимо придавать большое значение формированию международного имиджа КНР, поскольку он является мягкой силой китайской культуры⁴.

В ряду важных мероприятий реализации цели популяризации китайских культурных брендов вовне можно назвать Международную ярмарку индустрии культуры и творчества, которая проводится в Китае с 2006 г. Ярмарка демонстрирует культурные бренды и творческие работы в таких областях, как радиовещание, кинематография, телевидение, журналистика и издательское дело, анимационные игры, спортивная индустрия, культурный туризм, творческий дизайн, достопримечательности, музеи, галереи и произведения искусства. Отдельные провинции представляют региональные культурные произведения, а также результаты усилий по созданию в своей провинции парка индустрии, культуры и творчества.

Анализ китайских источников по теме показал, что практическая деятельность по созданию и презентации брендов китайской культуры разнообразна.

¹ Кучинская Т.Н. Культурные бренды в социокультурном пространстве Китая: региональные практики Северо-Восточного региона. С. 123-124.

² Там же, с. 120.

³ Там же, с. 121.

⁴ Чжан Гоцзо. Гоцзянь пинпай цзятян сетун шэньхуа хэ точжань гоцзя вэньхуа жуаньшили яньцзиу = Создавать платформу для интенсификации и расширения исследований мягкой силы культуры КНР. URL: <http://www.gdsisp.org/a/ruanshiliyanjiu/guojiaruanshili/20160325/275.html> (дата обращения: 21.07.2016).

Каждый культурный бренд несёт определённую аксиологическую нагрузку, в яркой инновационной форме знакомит иностранную аудиторию с каким-либо культурно-историческим явлением/событием Китая. Совокупность разработанных культурных брендов транслирует ценности культуры Китая вовне во всём её многообразии.

В целом необходимо отметить, что практика создания и презентации культурных брендов, развёрнута по всей стране. На этапе разработки и создания культурных брендов происходит активное взаимодействие академической науки и бизнес структур. Данная работа направляется и регулируется правительством КНР, которое создаёт необходимые условия как для фундаментальных, так и прикладных исследований. При этом ведётся разработка как культурных брендов внутренних регионов (например, провинций, автономных районов), так и культурных брендов отдельных городов, крупных предприятий и т.п. Представленная деятельность преследует ряд взаимодополняемых целей: повышение международной конкурентоспособности китайской культуры, популяризацию ценностей китайской культуры, в том числе региональных культур, и создание имиджа «могущественного культурного государства» в мире.

Определённую лепту в популяризацию культуры Китая вносит международный туризм. Косвенным свидетельством успехов КНР в применении мягких инструментов влияния является ежегодный прирост количества туристов. Так, согласно данным Китайского института исследований туризма, объём въездного туристического потока в Китай за 2015 г. вырос на 2,3 % до 56,89 млн человек (с учётом однодневных поездок, за год в Китае побывали 133,8 млн). По этому показателю страна оказалась на 4-м месте в мире после Франции, США и Испании. По мнению авторов доклада, одной из причин роста въездного туризма стали активные презентационно-маркетинговые мероприятия, которые проводят китайские туроператоры в разных странах и регионах мира, внося свою лепту в повышение мягкой силы культуры Китая.

Таким образом, на основе анализа к внешним практикам мягкой силы культуры Китая отнесены: международные научно-образовательные и культурно-

языковые проекты, издательская деятельность, теле-радио проекты и развитие международных культурных брендов Китая. Обозначенные практики как часть внешней культурной стратегии направлены на построение «могущественного культурного государства» и расширение его культурного присутствия в мире.

Анализ практик мягкой силы культуры Китая с точки зрения функциональности позволяет охарактеризовать культурную стратегию Китая на уровне международной среды как транслирующе-трансформационную. Целью такой стратегии является создание международного имиджа «могущественной культурной державы» и расширение социокультурного пространства Китая. Реализация цели предполагает последовательное решение задач: повышение привлекательности китайской культуры и образа жизни (преодоление языкового барьера, популяризация духовных практик, популярных видов национального искусства и др.), преодоление дисконта китайской культуры в мире (повышение конкурентоспособности продукции китайской индустрии культуры, презентация китайских культурных брендов и т.д.), распространение ценностей китайской культуры (различные мероприятия культурно-образовательных обменов, издательская деятельность на иностранных языках и т.п.). Внешние практики мягкой силы культуры Китая дифференцированно представлены в разных регионах и странах в зависимости от их культурно-цивилизационной специфики объекта воздействия.

2.3. Проекция мягкой силы культуры Китая в России

Реализуя цель создания «могущественного культурного государства» посредством мягкой силы культуры Китай расширяет своё культурное присутствие в разных пространственно-региональных направлениях. В современных условиях «интенсификации и диверсификации форм межкультурных взаимодействий, наиболее очевидное культурное присутствие Китая отмечается в нескольких регионах: в Центральной, Юго-Восточной, Южной, Северо-Восточной Азии»¹.

¹ Кучинская Т.Н. Архитектоника социокультурного пространства Китая в условиях транснационального межкультурного взаимодействия РФ и КНР. С. 350.

Процессы распространения китайской культуры в мире затронули и российское социокультурное пространство. КНР проецирует на Россию как универсальные, так и специфические практики мягкой силы культуры. При этом в отечественной науке нет комплексных аналитических исследований таких практик, отсутствуют их качественные и количественные характеристики, описание их разнообразных инструментов и общая прогностическая оценка, значимые для выстраивания российско-китайского межкультурного взаимодействия. В настоящем исследовании предпринята попытка восполнить данный пробел.

Транслируя ценности своей культуры на Россию, Китай использует весь набор инструментов и практик мягкой силы культуры. В первую очередь – это культурно-образовательные практики. Как отмечалось выше, уровень и качество высшего образования в КНР постоянно растёт, страна уже занимает лидирующие позиции в мире по этим показателям, что привлекает иностранных студентов со всего мира, в том числе и из России. Здесь необходимо обратиться к некоторым результатам исследования А.А. Томских. Автор, исследуя соотношение иностранных студентов из России в Китае и наоборот, приводит следующие статистические данные. До середины первого десятилетия XXI в. на рынке образовательных услуг соотношение студентов, обучающихся в России и Китае, было в пользу нашей страны: 12,4 тыс. чел. на 1,9 тыс. чел., соответственно 6,5/1,0. Однако уже в 2008-09 г. студентов Китая в России и России в Китае стало 17,3 и 8,9 тыс. чел., соответственно соотношение стало снижаться – 2/1. Доход, получаемый от обучения и проживания российских студентов в Китае, оценивался в 2007-08 гг. в сумму 11,5 млн долл., а китайских студентов в России в 40 млн долл. Китай проигрывал на рынке образовательных услуг и оказывался в роли «ведомого»¹.

Ситуация начала меняться с 2008 г., когда КНР начала реализацию экспортной модели высшего образования (сформирована единая база учета иностранных студентов, ВУЗам дано право самостоятельно выходить на мировой образовательный рынок). КНР создаёт привлекательные условия для обучения российских

¹ Томских А.А. Формирование региональных трансграничных научно-образовательных систем в условиях глобализации. С. 20.

студентов в Китае, реализуя различные формы экспорта образовательных услуг: обменные и стипендиальные программы для иностранных студентов, возможность бесплатного обучения для победителей международного конкурса на знание китайского языка как иностранного «Мост китайского языка» и т.д. Косвенным свидетельством эффективности усилий КНР по привлечению иностранных студентов является ежегодный прирост количества российских студентов в ВУЗах КНР: в 2000 г. – 703, в 2005 – 3527, в 2010 – 12481 и в 2015 – 16197 чел.¹.

В рамках общей стратегии экспорта образовательных услуг КНР проводит политику культурного продвижения в Россию. И помимо создания привлекательных условий получения образования для иностранных студентов, Китай увеличивает своё культурно-образовательное присутствие в России. Так, на конец 2016 г. в России насчитывалось 4 Класса Конфуция и 17 Институтов. География этих образовательных учреждений отображена нами на карте (см. Приложение 5), сеть ИКК в России охватывает 15 городов по южным, юго-западным и юго-восточным границам от Санкт-Петербурга до Комсомольска-на-Амуре.

ИКК создаются на базе действующих ВУЗов/школ или как самостоятельные учреждения. В настоящее время Институты действуют на базе следующих ВУЗов: Иркутский государственный университет, Бурятский государственный университет, Благовещенский государственный педагогический университет, Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, Волгоградский педагогический университет, Нижегородский государственный лингвистический университет, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Рязанский государственный университет, Томский государственный университет, Калмыцкий государственный университет, Казанский федеральный университет, Новосибирский государственный технический университет, Дальневосточный федеральный университет, Санкт-Петербургский государственный университет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Московский государственный лингвистический университет,

¹ Шибутов М. Мягкая сила Китая и как ее измерить. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2200602.html> (дата обращения: 20.01.2017).

Российский государственный гуманитарный университет. Классы открыты в Российском государственном профессионально-педагогическом университете, Государственном бюджетном общеобразовательном учреждении г. Москвы «Школа № 1948 «Лингвист-М», Новосибирском государственном университете. Первое Частное учреждение дополнительного образования «Академия восточных языков и культуры «Конфуций» открылось в Санкт-Петербурге в 2016 г.

Очевидно, что в России, с точки зрения географического расположения, создана сеть ИКК. Если рассматривать эти образовательные учреждения более подробно, то нужно отметить, что в России больше Институтов, нежели Классов. Наибольшее количество учреждений приходится на столицу России (4) и на г. Санкт-Петербург (2), что может быть обусловлено плотностью населения российских мегаполисов. Остальные центры конфуцианской культуры достаточно равномерно распределены по территории страны. Институты Конфуция в России, помимо образовательной деятельности, ведут и научную (посредством организации научных конференций с участием российских синологов).

Интересно соотношение ИКК в России и по странам и регионам мира. Наиболее наглядно это отражено в составленной нами диаграмме (см. Приложение б). В целом получается представительная статистика, т.к. масштабы по площади занимаемой территории и по населению схожи. В США на душу населения приходится на 25% больше институтов и на 32% больше классов чем в Евросоюзе, хотя статистика по Евросоюзу неравномерная (больше всего ИКК в Великобритании, Германии, Франции, Италии). В целом в Великобритании таких учреждений больше, чем в США, в остальных странах Евросоюза на душу населения их приходится меньше, чем в США. По ЮВА обеспеченность ИКК на душу населения меньше, чем в США в среднем в 5 раз. Анализируя полученные данные, можно сказать, что распределение ИКК по регионам различается в разы. Если в США и Канаде 1 учреждение ИКК приходится на 738 тыс. чел, то в Евросоюзе эта цифра в 2 раза меньше: одно на 1694 тыс. чел, в РФ в 9 раз меньше: одно на 6952 тыс. чел, а в ЮВА – в 17 раз меньше (1 на 12234 тыс. чел.), в Африке в 22 раза меньше.

Таким образом, можно утверждать, что учреждение ИКК напрямую зависит от степени интереса в регионе и уровня его культурного развития. Здесь РФ стоит на 3-ем месте после США и Европы.

Распространение культурных ценностей в современном мире невозможно представить без интернета, особенно для молодого поколения, поэтому сайт организации Ханьбань доступен на русском языке. Русскоговорящие посетители имеют возможность на родном языке ознакомиться с актуальной информацией, касающейся разнообразной деятельности ИКК в разных странах, познакомиться с культурой Китая. В частности, раздел сайта, посвящённый обучению китайскому языку онлайн «Институт Конфуция онлайн», также доступен на русском языке. Отчётная информация (за несколько лет) о проведении «Летних лагерей» для российских учащихся представлена в форме динамичных видеороликов, знакомящих с их деятельностью (бесплатной двухнедельной языковой стажировкой на базе «Летнего лагеря» ежегодно поощряются лучшие студенты и учащиеся ИКК из России). Кроме того, практически все ИКК в России имеют свои собственные сайты, где отображается деятельность образовательных учреждений, реклама обучения китайскому языку в РФ и в КНР, предложения получения высшего образования в КНР, нормативные документы и время проведения экзаменов HSK, презентация различных мероприятий и мастер-классов для всех желающих и т.п. ИКК активно сотрудничают с российскими телерадиокомпаниями с целью популяризации своей деятельности. В целом, содержательное наполнение сайта Ханьбань и ИКК и привлечение новых информационных технологий (приложений к смартфонам, например) ориентировано на привлечение и «обольщение» российской молодёжи китайской культурой.

В России представлен и другой проект Ханьбань – «Мост китайского языка». Участие в международном конкурсе на знание китайского языка как иностранного предоставляет учащимся из России возможность бесплатного обучения в престижных ВУЗах КНР со стипендией (на разные сроки языковой стажировки: от нескольких месяцев до двух лет). Студенты из России несколько лет занимали

призовые места в конкурсе. Общее количество участвующих в конкурсе студентов ежегодно увеличивается.

Помимо перечисленных культурных практик, в России на базе ИКК проводятся различные культурно-языковые конкурсы как внутри отдельных образовательных единиц, так и межвузовские. Например, конкурс китайской и русской песни. Последний песенный конкурс «Кубок Института Конфуция» (VI) прошел в Санкт-Петербурге. Мероприятие было организовано совместными усилиями Академии восточных языков «Конфуций», Генеральным консульством КНР в Санкт-Петербурге и Санкт-Петербургской ассоциацией китайских студентов. На церемонии открытия присутствовал китайский консул в Санкт-Петербурге по вопросам образования Цзян Чжунлянь¹, что свидетельствует об уровне организации и значимости мероприятия для китайской стороны.

Таким образом, КНР транслирует в Россию позитивный образ своей страны и культуры, прежде всего, посредством культурно-образовательных практик, реализуемых в рамках международных обменных программ и деятельности ИКК. Особо отметим, что деятельность ИКК в России представляет собой отлаженный механизм повышения интереса к китайскому языку и культуре, их распространения. Вместе с тем, в России нет нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность ИКК. Практически все подобные структуры предоставляют услуги в рамках российских образовательных учреждений. Другими словами, находясь и действуя на территории РФ, они остаются подразделениями китайской государственной организации Ханьбань, которая осуществляет и их финансирование. Более того, в России отсутствует статистика, количественно отражающая деятельность образовательных учреждений Конфуция (общее количество учеников и студентов, количество выпускников, количество студентов, выезжающих на стажировки в КНР, число учеников ИКК, продолжающих образование в ВУЗах КНР и т.п.).

¹ VI конкурс китайской и русской песни «Кубок Института Конфуция» прошёл в Санкт-Петербурге // Синьхуа. Новости. 14.11.2016. URL: http://russian.news.cn/2016-11/14/c_135828759.htm (дата обращения: 23.01.2016).

Согласно статистике, предоставленной Российским советом по международным делам (РСМД, 2015 г.) последние годы соотношение китайских и российских студентов как иностранных в обеих странах примерно одинаковое, т.е. предполагается равнозначный культурно-образовательный обмен. Однако эта цифра кардинально меняется при пересчёте данных на душу населения. Кроме того, в данной статистике РСМД не учитывается количество российских учащихся, изучающих китайский язык и культуру в ИКК. В этой связи отметим, что, согласно данным официального отчёта Ханьбань, только в 2015 г. ИКК открыли свои двери для почти 18 тыс. российских учащихся. Таким образом, усилия Китая по планомерному увеличению «армии послов китайской культуры» в России несопоставимы с усилиями российской стороны.

Весомый вклад в распространение мягкой силы культуры Китая в России вносят культурно-гуманитарные практики. Прежде всего, это издательская деятельность, которая реализуется как китайскими, так и совместными проектами. Авторитетным источником знакомства иностранного читателя с традиционной культурой Китая и современной общественно-политической мыслью КНР является пекинское Издательство литературы на иностранных языках, выпускающее литературу на русском языке. Например, в сентябре 2014 г. вышла книга «Си Цзиньпин о государственном управлении» – сборник высказываний китайского лидера по самым важным темам, в феврале 2016 г. книга переиздана на русском языке повторно (в новой редакции).

Издательством литературы на иностранных языках выпущены и другие подобные труды, в частности на русском языке вышли такие, как: «Цзян Цзэминь. Избранное» (в 3-х томах) (2013 г.), «Документы третьего пленума Центрального комитета КПК 18-го созыва» (2014 г.), «Всестороннее углубление реформ. Си Цзиньпин» (2014 г.), «Мечта о великом возрождении китайской нации. Си Цзиньпин» (2014 г.)¹ и др. Данные издания подготовлены совместно с пресс-канцелярией Госсовета КНР и Центром по изучению партийных документов при

¹ Вайвэнь чубаньшэ = Издательство литературы на иностранных языках [офиц. сайт]. URL: <http://www.flp.com.cn/main/> (дата обращения: 23.04.2016).

ЦК КПК. Обзорный анализ содержания этих русскоязычных изданий обнаруживает, что данная практика, формируемая в рамках реализации мягкой силы культуры Китая, преследует важную задачу: формирование толерантного/лояльного отношения к современному Китаю и китайской культуре у российского читателя.

Кроме усилий Издательства иностранной литературы по популяризации общественно-политической мысли КНР, китайской культуры, необходимо отдельно отметить такие совместные русско-китайские проекты по выпуску периодических изданий, как: журнал «Дыхание Китая», журнал «Китай», «Китайский взгляд» (вкладыш к «Российской газете»), журнал «Светильник», «Народный Китай: свершения, задачи, цели» (рубрика в газете «Правда») и др.

Русскоязычный журнал «Дыхание Китая» (кит. «中国风») издавался с 2004 г. как периодическое издание, рассказывающее о разных сторонах жизни КНР. Журнал бесплатно распространялся среди слушателей и посетителей сайта Международного радио Китая (МРК) в посольствах и консульствах России и других стран СНГ в Китае, в посольствах и консульствах КНР в странах СНГ, школах Конфуция, клубах радиослушателей, институтах и учреждениях. С 2008 г. журнал «Дыхание Китая» поменял формат, расширил свою географию и стал доступен на информационном рынке во всех странах, где говорят по-русски. В 2012 г. журнал «Дыхание Китая» стал выходить как приложение к «Российской газете» раз в три месяца, а с 2013 г. – раз в два месяца. В журнале можно найти актуальную информацию, касающуюся китайской культуры, путешествий, народных обычаев, жизни общества, здоровья, китайской кухни, обучения китайскому языку, интерактива с читателями.

Журнал «Китай» (кит. «中国») выпускается с ноября 2005 г. издательством «Жэньминь Хуабао» под руководством Китайского международного объединения издательств. Тираж выпуска – 30 тыс. экземпляров. Главные рубрики журнала: «Тема номера», «Экономика», «Эксклюзив», «Общество», «Молодежь», «Культура», «Мировое наследие», «Путешествия», «Юридическая консультация», «Китайская медицина» и т.п. Журнал распространяется через читательские залы библиотек, а также публикуется в электронном виде.

В январе 2016 г. открыт специальный раздел китайского сайта «Жэньминьван» в газете «Правда»¹ – рубрика «Народный Китай: свершения, задачи, цели»². А в июне этого же года в Москве состоялась презентация печатного приложения «Китайский взгляд» и фотоальбома «Китай в объективах 100 фотографов» (на русском языке), организованная совместно «Российской газетой» и китайской газетой «China Daily». Газета будет рассказывать русскому читателю об истории Китая, а фотоальбом «Китай в объективах 100 фотографов» познакомит российских читателей с природой, древней исторической культурой и новейшими достижениями социально-экономического развития Китая. «Китайский взгляд» на русском языке – это первое печатное издание «China Daily» на русском языке, которое будет выпускаться как вкладыш к «Российской газете» и выходить раз в квартал. На проходившем в июне 2016 г. третьем Дальневосточном медиа-саммите-2016 корреспондент Синьхуа, старший редактор китайского выпуска проекта «Russia Beyond The Headlines»³ Элеонора Лоссан отметила по этому поводу, что «факт выпуска «China Daily» на русском языке в «Российской газете» – очень важен для КНР. Этот международный проект – это такая мягкая сила, через которую Китай продвигает себя»⁴.

Рассмотренные ранее Институты Конфуция также выпускают журнал с одноимённым названием на русском языке. Издание распространяется в печатном и электронном виде (на сайтах ИКК), последнее новшество – приложение для смартфонов «Институт Конфуция».

21 сентября 2016 г. в Санкт-Петербурге состоялась презентация китайского литературного журнала «Светильник» на русском языке. В мероприятии приняли участие редактор журнала Нин Сяолин, писатели Вэй Вэй, Хун Кэ, Лэй Пин'ян и

¹ Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР в РФ Ли Хуэй поздравил с открытием специального раздела сайта «Жэньминьван» в газете «Правда». URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/dssghd/t1336606.htm> (дата обращения: 12.01.2017).

² Трушков В. Совместный «круглый стол» газеты «Правда» и сайта «Жэньминьван». URL: <http://gazeta-pravda.ru/archive/issue/123-30474-3-7-noyabrya-2016-goda/chem-gorditsya-segodnya-kitay/> (дата обращения: 08.01.2017).

³ «Russia Beyond The Headlines» = «Россия вне заголовков» – международный мультимедийный проект «Российской газеты». URL: <http://rbth.com/e-paper> (дата обращения: 14.01.2017).

⁴ Российские и китайские СМИ обсуждают перспективы развития профессионального сотрудничества // Синьхуа. Новости. 09.06.2016. URL: http://russian.news.cn/2016-06/09/c_135425226.htm (дата обращения: 23.08.2016).

др. Журнал посвящен современной китайской литературе, это проект известного в Китае литературного журнала «Народная литература» (кит. «人民文学») на иностранных языках. Он был создан в 2011 г. на английском языке (сейчас «Светильник» выпускают на десяти языках).

Кроме проектов, осуществляющих презентацию периодических изданий о Китае на русском языке, КНР реализует мягкую силу культуры и посредством выпуска несерийных изданий. Например, в сентябре 2016 г. в Москве состоялась презентация поэтического сборника «Поэзии связующая нить», составленного из произведений современных китайских и российских авторов. Сборник стихов – результат совместной редакторской работы литературно-творческого объединения «Отдушина» МИД России, Союза писателей России и Шанхайского университета иностранных языков. Предисловие для сборника написали министр иностранных дел России Сергей Лавров и министр иностранных дел Китая Ван И. В книге собраны классические и современные стихи России и Китая, произведения китайских и российских дипломатов, а также молодых поэтов, включая произведения бывшего министра иностранных дел Китая Ли Чжаосина и министра иностранных дел России С.В. Лаврова.

Кроме собственно выпуска печатных изданий на русском языке, проводятся гуманитарные акции «дарения» различными организациями КНР печатных изданий о Китае. Например, на базе Самарской областной универсальной научной библиотеки открыт китайский уголок книги «Окно в Чунцин», что стало возможным благодаря подарку Чунцинской библиотеки, которая передала в дар Самарской области около 150 изданий на китайском и русском языках. Выступая на церемонии открытия, замглавы Комитета по делам культуры Чунцина Цзян Вэйнин отметил, что самарский книжный уголок является связующим звеном в интеграции и развитии двустороннего сотрудничества во многих областях, и по мере продвижения строительства Экономического пояса Шелкового пути увеличиваются контакты между расположенными на Волге регионами России и китайскими провинциями в бассейне Янцзы, поэтому и количество двусторонних культурных обменов будет расти. Проект «Окно в Чунцин: китайский уголок книги» стартовал в 2011 г., за пять лет подобные уголки были открыты в Великобритании, Таи-

ланде, Бенине, Германии, Казахстане и Испании. Самарский книжный уголок стал седьмым по счету¹.

Другим ярким примером подобных инициатив с китайской стороны можно назвать торжественную церемонию дарения книг в Китайском культурном центре в Москве (21 июля 2016 г.), организованную издательством «Новый мир», Управлением по делам издания и распространения литературы на иностранных языках КНР и корпорацией «Ваньсинь медиа» (пров. Аньхой). В рамках мероприятия книги на китайском и русском языках были переданы в дар Китайскому культурному центру в Москве и Институту Дальнего Востока РАН. На церемонии присутствовал посол КНР в РФ Ли Хуэй, который отметил важность подобных мероприятий в деле распространения мягкой силы Китая².

Среди новых культурно-гуманитарных практик можно отметить и открытие первого книжного магазина китайской литературы «Шанс Боку» (5 июля 2016, г. Москва). Магазин открыт Чжэцзянской объединенной издательской группой совместно с российской Международной издательской компанией «Шанс». На церемонии открытия прошла презентация переведенных на русский язык произведений современных китайских авторов – «Трилогия о чайных мастерах», «Заговор» и «Мечта волчицы». Магазин специализируется на продаже книг на китайском и русском языках по китайской тематике. Предполагается, что магазин станет площадкой для китайско-российского культурного общения. Площадь магазина – около 200 квадратных метров, на прилавках представлено свыше 5 тыс. изданий, 80% из которых – книги на китайском языке, а 20% – это переведенные на русский произведения китайских авторов. Книжный магазин также выполняет функции издательства и салона культурного обмена, ежегодно «Шанс Боку» намерен выпускать до 50 книг из числа изданий по китайской тематике, произведений китайской литературы и детских книг на русском и языках стран бывшего СССР.

¹ Библиотека Чунцина подарила Самарской области около 150 изданий на китайском и русском языках. URL: <http://russian.dbw.cn/system/2016/07/04/001110774.shtml> (дата обращения: 28.12.2016).

² Посол Ли Хуэй присутствовал на церемонии дарения книг и осмотрел выставку древних китайских предметов с иероглифом «двойное счастье». URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/dssghd/t1389179.htm> (дата обращения: 23.08.2016).

Наряду с магазином на Арбате был запущен и одноименный книжный интернет-магазин.

Анализ культурно-гуманитарных практик мягкой силы культуры Китая в России позволяет сделать вывод, что интенсификация издательской деятельности, акты «дарения» книг о Китае и китайской культуре, открытие книжных магазинов и «Уголков китайской культуры» как практики мягкой силы используются КНР для преодоления языкового барьера и дисконта китайской культуры в России.

Помимо культурно-гуманитарной деятельности реализация мягкой силы культуры Китая в России осуществляется посредством культурно-массовых мероприятий на различных «площадках трансляции» мягкой силы культуры Китая. Например, обозначенный ранее Китайский культурный Центр в Москве (ККЦ) – государственное учреждение КНР, организованное Министерством культуры КНР на основании «Соглашения между Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Российской Федерации о взаимном учреждении культурных центров» (от 13 октября 2009 г.). Центр осуществляет свою деятельность под общим руководством главы дипломатического представительства КНР в РФ с декабря 2012 г. ККЦ осуществляет разную культурно-образовательную деятельность, как то: обучение китайскому языку всех желающих, обучение различным практикам китайских боевых искусств и оздоровительной гимнастики, организует курсы обучения китайской живописи, каллиграфии и др.

За четыре года работы ККЦ провел несколько сотен красочных культурных мероприятий: выставки китайской живописи, мастер-классы по вырезанию из бумаги, открытые лекции о различных видах искусства Китая и др. Каждые две недели Центр проводит бесплатные показы китайских новейших кинокартин с русскими субтитрами; организует показы китайского кино в других городах России. Один из последних проходил в Республике Коми с 10 по 15 октября 2016 г. (проект «Кино Китая»). Среди важных проектов Центра необходимо отметить и «Программу взаимных переводов печати китайской и российской классической и современной литературы» и конкурс переводов «Вдумчиво всматриваемся в Китай», учреждённый в 2015 г. В 2016 г. конкурс проводился во второй раз.

Активное участие в популяризации китайской культуры принимает посольство КНР в России, организуя различные культурные мероприятия: приёмы для российских китаистов¹, художественные выставки китайских художников (например, выставка китайского художника («гохуа») Тянь Ци «Лотос в сердце, мир в душе» (30 сентября 2014 г. в Центральном доме художника в Москве²); художественная выставка китайской каллиграфии и живописи двадцати с лишним современных художников КНР «Монохромная живопись» (4 июня 2016 г. в Центральном доме художника в Москве³); выставка известного китайского художника Цуй Жучжо «Мерцание гладкой яшмы» (сентябрь-октябрь 2016 г. в Москве и Санкт-Петербурге), концерты известных музыкантов (например, 31 марта 2016 г. в Москве прошёл сольный фортепианный концерт известного китайского пианиста Ли Юньди «Легенда Ф. Шопена»⁴), семинары Евразийской ассоциации преподавателей китайского языка (с 2014) г.⁵ и др.

Расширяя своё культурное присутствие в России, КНР использует порой непредсказуемые площадки. Так участие в мероприятиях Недели моды Москвы приняла знаменитый дизайнер Чэнь Ехуай (Grace Chen). Совместно с демонстрационной группой Пекинского института одежды она представила московской публике модное шоу. Торжественный вечер китайской моды «Шелковый путь – мечта» (25 марта 2016 г.) организовало посольство КНР в РФ. Показ мод разделился на четыре части, которые носили названия «начало мечты, мир грез, танец мечты, воплощение мечты». От имени посольства КНР в РФ и посла Ли Хуэя выступила Ши Сяолин. В своей речи она отметила, что древний Шелковый путь служил каналом для экономических и культурных связей между Китаем и запад-

¹ Новогодний прием – 2016 для российских китаистов. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/dssghd/t1341594.htm> (дата обращения: 23.01.2017).

² Посол КНР в РФ Ли Хуэй присутствовал на церемонии открытия выставки китайского искусства и культуры «Лотос в сердце, мир в душе». URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/dssghd/t1241394.htm> (дата обращения: 23.01.2016).

³ Посол Ли Хуэй присутствовал на церемонии открытия художественной выставки китайской каллиграфии и живописи «Монохромная живопись»-2016 в России. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/dssghd/t1374413.htm> (дата обращения: 23.01.2016).

⁴ Посол Ли Хуэй присутствовал на сольном фортепианном концерте Ли Юньди в Москве. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/dssghd/t1354145.htm> (дата обращения: 23.04.2016).

⁵ Посол КНР в РФ Ли Хуэй в МГЛУ принял участие в IV международном семинаре по вопросам преподавания китайского языка в странах СНГ и ШОС, и в ежегодной конференции Евразийской ассоциации преподавателей китайского языка. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/dssghd/t1283560.htm> (дата обращения: 23.12.2015).

ными странами, играл важную роль в содействии интеграции и развитию человеческой цивилизации. В настоящее время Китай, продвигая строительство Экономического пояса Шелкового пути, наследует дух древнего Шелкового пути, олицетворяющий «мир и сотрудничество, открытость и толерантность, взаимную учебу и заимствование положительных моментов, взаимную выгоду и совместный выигрыш», всеми силами способствует экономическому сотрудничеству между странами региона, культурным обменам и интеграции, а также их совместному развитию и процветанию¹.

Кроме единичных культурно-массовых мероприятий, представляющих российскому зрителю богатое культурное наследие Китая и несущее определенную ценностную нагрузку, КНР активно практикует совместные российско-китайские культурные проекты. Так, за последние несколько лет Россией и Китаем были проведены «Национальные годы», «Годы языков», «Годы туризма», «Годы молодежных обменов», 2016-2017 гг. – «Годы обменов между китайскими и российскими СМИ». В целом, в культурно-гуманитарной деятельности КНР в России задействовано значительное число площадок, которые реализуют различные практики мягкой силы культуры.

Таким образом, реализация культурно-образовательной и культурно-гуманитарной деятельности Китая на территории России представляет собой целенаправленный последовательный процесс расширения культурного присутствия КНР в РФ посредством реализации различных практик мягкой силы культуры.

Относительно новым, но активно осваиваемым в социокультурном пространстве России каналом распространения ценностей китайской культуры является индустрия кино. Например, с 2013 г. ежегодно проводятся Фестивали российского кино в Китае и китайского кино в России. Решение было принято на официальном уровне – председателем КНР Си Цзиньпином и президентом России

¹ Посольство КНР в РФ устроило вечер китайской моды «Шелковый путь – мечта». URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/dssghd/t1352251.htm> (дата обращения: 29.04.2016).

В.В. Путиным. В 2016 г. в июне в Пекине и Сиане прошел фестиваль российского кино-2016, в рамках которого были показаны 7 новых фильмов.

Последний «Фестиваль китайского кино – 2016» в России проходил с 8 по 27 ноября в Москве и Ростове-на-Дону. Китай представил 7 современных кинолент. На церемонии открытия в Москве присутствовали высокопоставленные чиновники и известные китайские актеры (вице-премьер РФ О. Голодец, министр культуры РФ В. Мединский, вице-премьер КНР Лю Яньдун). Замглавы Госуправления КНР по делам печати, издательств, кинематографии, радиовещания и телевидения Тун Ган отметил, что Китай уже стал третьей крупнейшей в мире страной по объему производства кинофильмов и вторым крупнейшим в мире кинорынком, киноиндустрия играет важную роль в распространении китайской культуры. Российские зрители увидели такие картины как детектив «По следу», историческую картину «Сюань Цзан», экшн «Тотем волка», эпическую сагу «Крадущийся тигр, затаившийся дракон: Меч судьбы», приключенческую сказку «Царь обезьян 2: начало легенды», криминальную драму «Смертельная развязка» и романтическую ленту «Книга любви» (кит. «绝地逃亡», «大唐玄奘», «狼图腾», «卧虎藏龙之青冥宝剑», «西游记之孙悟空三打白骨精», «烈日灼心», «北京遇上西雅图之不二情书»).

Среди других инициатив КНР по популяризации китайской культуры в РФ посредством продвижения продукции киноиндустрии можно отметить съемки совместного китайско-российского фильма «Путешествие по Китаю», рассказывающего о достопримечательностях Китая. Интерес представляет и документальный фильм «Китай на кончике языка» (кит. «舌尖的中国»), стремительно набирающий популярность в российском сегменте видео-хостинга «YouTube». Фильм отличается как качеством сценария, монтажа, смыслового наполнения, так и качеством перевода на русский язык. Многосерийная картина в занимательной форме рассказывает о культурном и национальном разнообразии Китая, и со всей очевидностью преследует цель «очарования культурой Китая» иностранного зрителя.

Отдельно стоит назвать китайско-российскую документальную работу «Это Китай». Картина – результат совместного творчества Пекинского центра распространения культуры «Чжунши яюнь», Международного радио Китая и российско-

го международного информационного телеканала «Россия сегодня». Данный фильм включен в проект распространения китайской культуры, разработанный Отделом пропаганды ЦК КПК и Госсоветом КНР. В ходе реализации проекта планируется создать серию видеофильмов на специальные темы, которые будут показаны на каналах ведущих зарубежных СМИ с целью популяризации китайской культуры. По сообщению Международного радио Китая, китайско-российской съемочной группой было запланировано в течение двух месяцев посетить более чем 10 городов и провинций Китая (в том числе Пекин, Тяньцзинь, Чунцин, Хэнань, Цзянсу, Чжэцзян, Аньхой, Гуандун и Сычуань). На основе собранных видеоматериалов, рассказывающих о шаолиньском кунфу, больших пандах, пекинской опере и других неотъемлемых элементах китайской культуры, создадут 6-серийный фильм на трех языках – китайском, русском и английском. Премьера фильма запланирована на 2017 г. по Центральному телевидению Китая и телеканалу «Россия сегодня»¹. Отдельно отметим работу Центрального телевидения Китая и его канал ССТV-русский. Телеканал осуществляет вещание на русском языке, разнообразный перечень программ представлен аналитическими и новостными выпусками, культурным обзором и т.д. На официальном сайте телеканала отдельно выделим рубрики «изучаем китайский», «делимся опытом изучения китайского языка», «культура Китая».

Таким образом, распространение мягкой силы культуры Китая в России осуществляется посредством различных культурно-образовательных практик, культурно-гуманитарных практик и культурно-массовых мероприятий.

С 2014 г. ССТV организует и освещает проведение Всекитайского телевизионного конкурса по русскому языку «Стань победителем». Конкурс проводится каждые 2 года. Финал второго по счёту конкурса состоялся 5 ноября 2016 г. в Пекине на центральной сценической площадке ССТV. Отдельно отметим, что организаторами конкурса выступает Министерство образования КНР, Центральное телевидение Китая при участии Отдела международного сотрудничества и теле-

¹ Китай и Россия снимут документальный фильм о Китае. URL: <http://russian.dbw.cn/system/2016/10/10/001138061.shtml> (дата обращения: 23.12.2016).

канала CCTV-русский. В последнем конкурсе принимали участие команды из Пекинского университета, Пекинского университета иностранных языков, Хэйлунцзянского университета, Чжэцзянского университета, Харбинского научно-технического университета, Шанхайского университета иностранных языков.

Победитель каждого конкурса получает переходящий кубок «Стань победителем» из рук победителя предыдущего конкурса. Команда-победитель владеет им два года, до следующего конкурса. Команда-победительница 2016 г. получила отдельный приз от CCTV-Русского и Первого канала – поездку в Россию на 5 дней.

Инициатором проведения рассмотренного телевизионного конкурса на знание русского языка выступает КНР. Отдельно отметим, что содержательный анализ этих конкурсов позволяет сделать вывод, что у китайского зрителя не формируется единого представления о России, её культурных ценностях, а отдельные фрагменты смыслового наполнения конкурсов создают искажённое восприятие русской культуры у китайской аудитории. Тогда как телевидение обладает мощными ресурсами трансляции ценностных представлений.

Помимо телевизионных конкурсов проводятся региональные конкурсы на знание русского языка как иностранного. В провинции Хэйлунцзян с 2009 г. проводится Конкурс русского языка провинции Хэйлунцзян. Финал 4-го по счёту конкурса «Мой русский друг, хочу тебе рассказать!», состоялся во Владивостокском государственном университете экономики и сервиса (ВГУЭС) в октябре 2016 г. Участниками стали ученики старших классов средней школы, студенты и любители русского языка (самому старшему участнику финала, Юань Чжанцзай исполнилось 84 года, младшему – 17 лет). Всего в конкурсе приняли участие 1400 человек.

Необходимо отметить, что организаторами конкурса выступили Отдел пропаганды и агитации партийного комитета КПК, Рабочий комитет высших учебных заведений провинциального партийного комитета КПК, Департамент образования провинции Хэйлунцзян, Международное радио Китая, Хэйлунцзянская ассоциация преподавателей русского языка и литературы. Соорганизаторами кон-

курса являются ВГУЭС, Хэйлунцзянский университет, Сайт Северо-Востока Китая. Внимания заслуживает девиз конкурса: «Сердцем славим провинцию Хэйлунцзян! Русским языком воспеваем Шелковый путь!»¹. Хотя конкурс проходил в России, тематика выступлений конкурсантов была либо нейтральной, либо «воспевала» Родину участников – Китай. Таким образом, можно сделать вывод, что КНР использует любые площадки популяризации знаний о своей стране и культуре (включая конкурсы на знание русского языка), постоянно расширяя набор практик мягкой силы культуры.

Отдельно отметим усилия КНР в отношении китайских студентов, обучающихся в России, которым правительство Китая уделяет серьёзное внимание. Например, 10-11 июня 2016 г. в Москве проходила Всероссийская конференция представителей китайских учащихся. Инициатором проведения конференции выступил посол КНР в России Ли Хуэй². На сайте посольства КНР в РФ отмечается, что целью конференции был анализ современного состояния обучения китайских студентов в России (планируется дальнейший рост обмена студентами: в рамках взаимных обменов довести эту цифру к 2020 г. до 100 тыс. человек). Отдельно отмечается, что подобные мероприятия усиливают чувство сопричастности происходящему у китайских студентов, стимулируют и мобилизуют их активность. Подобные события свидетельствуют о пристальном внимании государства и правительства к китайским студентам, обучающимся в России, КНР организует, направляет и поощряет деятельность китайских студентов в России как носителей и распространителей ценностей китайской культуры вовне.

Интерактивной площадкой распространения мягкой силы культуры Китая выступает интернет. С начала 2000-х гг. КНР реализует активную деятельность по заполнению интернет-пространства информацией о социокультурном развитии КНР на разных языках, в том числе и на русском. Это пространство последовательно заполняется как интернет-ресурсами различных СМИ (большинство круп-

¹ «Мой русский друг, хочу тебе рассказать!» Во ВГУЭС состоялся финал конкурса русского языка провинции Хэйлунцзян. URL: <http://russian.dbw.cn/system/2016/10/18/001140372.shtml> (дата обращения: 23.11.2016).

² Посол Ли Хуэй присутствовал в Москве на Всероссийской конференции представителей китайских учащихся в России. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/sghd/t1375029.htm> (дата обращения: 23.01.2017).

ных телерадиоканалов и печатных СМИ имеют свои интернет-сайты), так и специализированными сайтами. Например, в 2000 г. создана русскоязычная версия сайта информационного агентства Синьхуа¹. Сайт предоставляет качественные репортажи о последних событиях в самых разных сферах жизни китайского общества на русском языке, кроме этого содержит огромное количество ссылок на другие русскоязычные сайты и обучающие разделы. Популярен веб-сайт газеты «Жэньминь Жибао» – «Жэньминь жибао онлайн»². Он был создан в январе 1997 г. и считается самым крупным информационным сайтом на китайском языке. Русскоязычная версия сайта работает с июня 2001 г. Сайт предоставляет огромное количество официальной информации о современных тенденциях развития китайского общества и культуры.

Интернет-сайт Международного Радио Китая (кит. «中国国际广播电台»³, англ. «CRI Online») является одним из ведущих многоязычных информационных веб-сайтов Китая. Сайт был создан в 1998 г., сегодня публикует материалы на 65 языках. Русскоязычная версия запущена в декабре 1999 г. Информация на сайте представлена по следующим разделам: новости, экономика, культура, общество, путешествия, спорт, развлечения и др. в виде эфирных и видео-передач. Отдельно стоит отметить, что сайт предоставляет открытый доступ к 100-серийному фильму «Здравствуй, Китай!», рассказывающему о традиционной культуре Китая, природных заповедниках, различных достопримечательностях и т.д. Кроме того, энциклопедия о Китае, также представленная на сайте, содержит современную информацию о различных сторонах жизни КНР. Таким образом, можно сделать вывод, что цель сайта – формировать позитивный международный имидж о стране у иностранного читателя, посредством презентации содержания традиционной и современной культуры Китая.

¹ Китайское государственное информационное агентство «Синьхуа» [Официальный сайт]. URL: http://russian.news.cn/2016-03/01/c_135144491.htm (дата обращения: 01.04.2016).

² Газета «Жэньминь жибао» онлайн [Официальный сайт]. URL: <http://russian.people.com.cn/95209/index.html> (дата обращения: 09.04.2016).

³ Международное Радио Китая онлайн [Официальный сайт]. URL: <http://russian.cri.cn/index.htm> (дата обращения: 11.04.2016).

Необходимо отметить новую тенденцию: создание отдельными приграничными регионами КНР русскоязычных сайтов. Примером является информационный портал «Китайский Синьцзян» (кит. «中国新疆»¹), предоставляющий актуальную информацию о Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР. Сайт создан в октябре 2005 г. и предоставляет сведения о СУАР на шести языках: китайском, английском, французском, немецком, японском и русском. Содержание сайта свидетельствует о намерении сформировать привлекательный образ автономного района и стимулировать его социально-экономическое развитие, в том числе за счёт популяризации этнотуризма из России. Отдельно отметим, что следование современным тенденциям распространения информации позволяет КНР «завоевывать сердца и умы» молодого поколения, так как самыми активными пользователями интернета по всему миру остаётся молодёжь. В этой связи необходимо назвать такой русскоязычный сайт как «Молодёжь Китая» (аутентичное название «网上共青团» дословно переводится как «Комсомол онлайн»).

Помимо рассмотренных примеров, свою лепту в распространение китайской культуры вовне вносят официальные сайты КНР, деятельность которых связана с международной. Большая часть из них доступна на русском языке: официальный сайт МИД КНР², Посольство КНР в РФ³, Министерство иностранных дел КНР⁴ и т.д.

Таким образом, можно сделать вывод, что современный Китай прилагает всевозможные усилия для максимального наполнения российского социокультурного пространства различными практиками мягкой силы культуры КНР, используя при этом широкий перечень инструментов трансляции мягкой силы культуры Китая. Это способствует формированию имиджа «могущественного культурного государства» и популяризации ценностей китайской культуры в России.

¹ Синьцзян КНР [Офиц. сайт]. URL: <http://ru.chinaxinjiang.cn/> (дата обращения: 30.05.2016).

² МИД КНР [Офиц. сайт]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/default.shtml> (дата обращения: 26.04.2016).

³ Посольство КНР в РФ [Офиц. сайт]. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/> (дата обращения: 01.04.2016).

⁴ Министерство иностранных дел КНР [Офиц. сайт]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/> (дата обращения: 07.09.2016).

Важно отметить, что вести последовательную политику культурного освоения пространства России помогает работа центров стратегического изучения России, которых в Китае насчитывается более 40¹.

Определённую лепту в популяризацию культуры Китая в России вносят сформировавшиеся культурно-туристические практики как неотъемлемая часть современной межкультурной коммуникации России и Китая. Косвенным свидетельством успехов КНР в применении мягких инструментов влияния является ежегодный прирост количества российских туристов. Согласно данным Китайского института исследований туризма, объем въездного туристического потока в Китай за 2015 г. значительно вырос. Наиболее популярным в 2015 г. Китай был среди туристов из Республики Корея, Японии, Вьетнама, США, России, Малайзии, Монголии, Филиппин, Сингапура и Индии². Как видно из содержания доклада Института, россияне входят в число иностранцев, наиболее часто посещающих КНР. Этому, в частности, способствует то, что в КНР разрабатываются специальные культурно-туристические бренды, ориентированные на Россию. Ярким примером является туристический бренд Дунбэй³.

В свою очередь, популярным среди китайской аудитории является российское туристическое направление. Так, например, «погружение туриста в непривычную для него среду является практическим применением мягкой силы, – подчёркивает М.В. Александрова, – для России крайне важно, чтобы китайские туристы, посещающие нашу страну, уезжали в КНР наполненные положительными эмоциями как от нашей культуры, так и от доброго отношения людей»⁴.

Поток китайских туристов в Россию постоянно растёт. Наибольшим спросом у китайских путешественников пользуются Москва, Санкт-Петербург и при-

¹ Томских А.А. Формирование региональных трансграничных научно-образовательных систем в условиях глобализации. С. 18.

² Китай занял 4-е место в мире по объёму въездного турпотока за 2015 г. // Синьхуа. Новости. 02.10.2016. URL: http://russian.news.cn/2016-10/02/c_135729184.htm (дата обращения: 29.11.2016).

³ Подробно см., например: Кучинская Т.Н. Культурные бренды в социокультурном пространстве Китая: региональные практики Северо-Восточного региона. С. 119-126; Шутова Т.С., Кучинская Т.Н. Туристический имидж Северо-Восточного региона КНР // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2011. № 9. С. 70-74 и др.

⁴ Александрова М.В. Туризм как форма «мягкой силы». Проблемы китайского путешественника в России. URL: <http://www.odnako.org/blogs/turizm-kak-forma-myagkoy-sili-problemi-kitayskogo-puteshestvennika-v-rossii/> (дата обращения: 09.01.2017).

граничные территории. Однако туристическая индустрия в России, ориентированная на китайских туристов, значительно уступает китайской и обнаруживает ряд недостатков. Например, российская столица является одной из самых популярных среди путешествующих в европейском направлении китайских туристов. Согласно исследованию британского центра CityMetric Intelligence (CMI), в 2013 г. столицу России посетило 376 тыс. туристов из КНР, почти в четыре раза больше, чем Лондон (94 тыс.). В мировом списке наиболее популярных зарубежных направлений для китайских туристов Москва занимала четвертое место после Нью-Йорка (646 тыс.), Лос-Анджелеса (570 тыс.) и Сиднея (387 тыс.)¹. Однако несмотря на доступную цену стандартного недельного тура в Москву (приблизительно 1000 долл. США) и большой выбор просмотра достопримечательностей для так называемого красного туризма, не все китайские туристы решаются приехать в Россию. В КНР по-прежнему сохраняется мнение, что путешествие в Россию связано с большим количеством неудобств (низкое качество обслуживания, проживания и питания), и может быть даже опасным (проблемы с контролем за общественным порядком, нелегальные китайские туроператоры и т.д.).

В статье М.А. Александровой поднимается ещё одна важная проблема – отсутствие чёткого законодательства в сфере туризма в России. По этой причине на рынке туристических услуг в России нелегально работает огромное количество гидов-китайцев. Это не только существенно снижает доходы Российской стороны, но зачастую становится причиной искажённого восприятия гражданами КНР информации об истории и культуре России, поскольку гиды-нелегалы обладают скудными, а зачастую ошибочными знаниями о достопримечательностях России, с которыми знакомят своих соотечественников. В КНР подобной «практики» нет.

Определённые позитивные изменения российский туристический бизнес связывает с началом реализации программы «China Friendly»², призванной пре-

¹ Загребнов Е. Китайские туристы влюблены в Москву. Отвечает ли она им взаимностью? // «Жэньминь жибао» онлайн. 31.12.2014. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/1231/c95181-8830107.html> (дата обращения: 01.04.2015).

² «China Friendly» – это система добровольной сертификации объектов туристической России на соответствие требованиям туристов из Китая. Программа запущена в 2014 году. Гостиницы, музеи, рестораны, туроператорские компании и торговые дома в 11 городах России стали предоставлять China Friendly-услуги (на настоящий момент 30 отелей в Москве, Санкт-Петербурге, Великом Новгороде, Владивостоке, Волгограде, Екатеринбурге,

одолеть языковые трудности пребывания, понимания и восприятия культурно-исторических объектов китайскими туристами на территории России. Однако, учитывая количество российских учреждений, задействованных в программе и ежегодное количество туристов из Китая (по данным Туристической ассоциации «Мир без границ», в 2014 г. только в рамках безвизового группового обмена, нашу страну посетило порядка 540 тыс. туристов из КНР¹), остаются сомнения в эффективности данной инициативы на настоящий момент времени.

Заметны в этом отношении и усилия приграничных регионов, принимающих активное участие в создании привлекательных образов своих территорий, диктуемые исключительно экономической выгодой отдельных бизнес-проектов в отсутствие комплексной государственной политики в этом направлении.

Помимо сферы туризма российское культурное присутствие в Китае реализуется через культурно-образовательные практики. По данным Центра социологических исследований Минобрнауки в 2013-14 учебных годах в России обучалось 18,2 тыс. граждан КНР². Количество вузов России, обучающих китайскому языку, составляет около 130 в 29 городах³.

Китайские студенты изучают русский язык и на Родине. В 2009 г. русский язык изучали как специальность в 61 вузе КНР, а как иностранный язык – в 100 китайских вузах. Относительно новой практикой являются совместные российско-китайские образовательные проекты. Например, в Китайско-российском институте (КРИ) при Хэйлунцзянском университете ведется подготовка бакалавров, магистров и аспирантов по разным направлениям. Выпускники института становятся междисциплинарными специалистами со знанием русского языка. КРИ был образован в 2011 г. как проект сотрудничества Хэйлунцзянского университета и

Казани, Краснодаре, Твери, Ульяновске и Уфе получили сертификаты, подтверждающие готовность принимать китайских гостей).

¹ Пятихатка С. Китайские туристы «молодеют» // Российская газета. Спецвыпуск № 6979 (111). 25.05.2016. URL: <https://rg.ru/2016/05/25/rossiia-stala-vygodnym-turisticheskim-napravleniem-dlia-kitajcev.html> (дата обращения: 01.06.2016).

² Комраков А. Количество иностранных студентов в России за год выросло на четверть. URL: http://www.ng.ru/economics/2016-07-12/4_students.html (дата обращения: 29.01.2017).

³ Томских А.А. Формирование региональных трансграничных научно-образовательных систем в условиях глобализации. С. 20-21.

Новосибирского государственного университета¹.

Весомую лепту в популяризацию русского языка и культуры в Китае вносит Фонд «Русский мир», созданный по Указу Президента РФ В.В. Путина от 21 июня 2007 г. Среди важных целей Фонд выделяет популяризацию русского языка и поддержку программ изучения русского языка в РФ и за рубежом. Среди задач достижения поставленных целей значатся такие, как: поддержка различных организаций, предметом деятельности которых являются исследования и разработки методик преподавания и программ изучения русского языка и литературы; содействие распространению объективной информации о современной России и формированию на этой основе благоприятного по отношению к России общественного мнения; поддержка национальных и международных организаций преподавателей русского языка и литературы; сотрудничество с российскими и иностранными организациями образования и культуры в деле популяризации русского языка и культуры; поддержка экспорта российских образовательных услуг; содействие экспертным, научным и образовательным обменам, соответствующим целям Фонда; поддержка зарубежных русскоязычных и российских средств массовой информации и информационных ресурсов, ориентированных на достижение целей Фонда² и др.

Фонд осуществляет работу по нескольким проектам. Одна из самых популяризованных целевых программ Фонда – Русские центры и кабинеты Русского мира. Это международный культурный проект, осуществляемый в партнёрстве с ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами. Основная цель работы Центров и Кабинетов Русского мира состоит в популяризации русского языка и культуры, поддержке программ изучения русского языка за рубежом, развитии межкультурного диалога и укрепления взаимопонимания между народами. В Китае открыто 8 Центров на базах следующих университетов: Цзиньлинского университета, Даляньского университета иностранных языков, Пекин-

¹ Китайско-российский институт создал платформу для подготовки высококвалифицированных специалистов со знанием русского языка. URL: http://russian.news.cn/2016-11/22/c_135850180.htm (дата обращения: 01.04.2016).

² Информационный портал фонда «Русский мир» [официальный сайт]. URL: <http://www.russkiymir.ru/fund/> (дата обращения: 01.12.2016).

ского университета иностранных языков, Шанхайского университета иностранных языков, Гуандунского университета иностранных языков и внешней торговли, Шэньсийского педагогического университета, Государственного Университета Чжэнчжи (о. Тайвань), Русский Центр при факультете социальных исследований Государственного Университета Макао.

Кроме Центров, Фондом открыто 5 «Кабинетов русского языка»: в Муданьцзянском педагогическом университете, Суйфэньхэском государственном профессиональном техникуме, Китайско-российском центре культуры и искусства (г. Тяньцзинь), Чаньчуньском университете, Университете китайской культуры (о. Тайвань).

Среди образовательных проектов Фонда также можно назвать организацию стажировок для иностранных студентов. Данная программа была запущена в Год молодёжных обменов между Россией и Китаем, однако объёмы работы не сопоставимы с аналогичной работой китайской стороны. Согласно информации, размещённой на официальном сайте Фонда, в 2015 г. в России в рамках этого проекта в Санкт-Петербургском государственном университете прошли обучение 8 магистрантов и аспирантов.

Сравнительный анализ культурных практик показал, что КНР ведёт активную деятельность по расширению культурного присутствия на территории России, используя широкий набор инструментов и механизмов. Условно можно выделить следующие практики мягкой силы культуры КНР: деятельность различных видов СМИ (включая интернет), образовательную политику, гуманитарный обмен, развитие туристической отрасли. Деятельность КНР по реализации мягкой силы культуры в России представляет собой чётко организованный систематизированный процесс. Тогда как усилия РФ по распространению русского языка и культуры в Китае представлены фрагментарно и говорить о равноправном культурном диалоге в условиях межкультурного взаимодействия РФ-КНР затруднительно.

В ходе настоящего исследования мы столкнулись с проблемой отсутствия единой российской статистики по количеству русских, обучающихся в ИКК и в

Китае в качестве иностранных студентов; сведения о деятельности ИКК в России также фрагментарны. Очевидно наступательный характер внешней культурной стратегии КНР и отсутствие должного контроля и учета со стороны России представляет вызов культурной безопасности России, что обуславливает необходимость усиления культурной стратегии РФ, в том числе для выстраивания гармоничного межкультурного взаимодействия двух стран.

В заключение отметим, что культурная стратегия Китая в условиях межкультурного взаимодействия с Россией выполняет транслирующе-трансформационную функцию. Обозначенная стратегия реализуется посредством практик мягкой силы культуры КНР, которые условно можно разделить на культурно-образовательные, культурно-гуманитарные, культурно-туристические практики и практики культурно-массовых мероприятий. Разнообразие практик мягкой силы культуры Китая, проецируемых на Россию, свидетельствует о наступательном характере мягкой силы культуры Китая, обнаруживая дисбаланс в межкультурном взаимодействии двух стран. Несмотря на критические оценки потенциала мягкой силы КНР в мире, очевидна активизация работы по практической реализации культурных практик мягкой силы, что позволяет нам спрогнозировать усиление культурного влияния Китая в мире.

Заключение

В условиях современных цивилизационных сдвигов под воздействием интенсификации коммуникативных практик и интернационализации информационного пространства формируется культурное гиперпространство, что актуализирует проблематику сохранения национальной культурной идентичности. Вместе с тем новые условия межкультурного взаимодействия меняют формы и механизмы национальных стратегий обеспечения культурной безопасности и расширения культурного влияния в мире, дополняя или заменяя традиционные инструменты «твёрдой силы» мягкими.

«Мягкое воздействие» нашло идейное отражение в работах западных философов начала-середины XX в, в конце столетия оно концептуально оформилось в теории мягкой силы Дж. Ная. В ходе исследования эволюции представлений о мягкой силе на основе анализа отечественной и зарубежной литературы установлено, что методологический инструментарий понимания сущности мягкой силы в отечественной науке ограничен технологическим и ресурсным подходом. Однако раскрытая в диссертационной работе сложность предмета исследования требует применения комплекса подходов, значимых для философской рефлексии культурно-цивилизационных особенностей концептуального наполнения и практик реализации мягкой силы культуры Китая.

Применение комплекса подходов, основными из которых являются социокультурный, философско-антропологический, лингво-культурологический и компаративистский, позволило выявить сущность концепции мягкой силы культуры Китая и проанализировать практики её реализации в контексте межкультурного взаимодействия.

Анализ китаеязычной литературы по теме исследования показал, что в научном дискурсе КНР сформировалось единое концептуальное представление о мягкой силе как системе «мягких» методов конструирования социокультурного пространства, что позволяет говорить о становлении специфичной теории мягкой силы. На основе компаративистского анализа теоретических концепций амери-

канской и китайской мягкой силы выявлено, что специфика китайской теории заключается, прежде всего, в компонентном составе, логике их взаимосвязи и значимости каждого. Базовыми компонентами выступают: сила культуры, сила политики, сила общества и сила дипломатии.

Китайские учёные подчёркивают фундаментальное значение культурного компонента мягкой силы. Сила культуры определяет устойчивость и силу внутреннего и внешнего воздействия мягкой силы КНР. Политические механизмы выступают инструментами опосредованной реализации культурных ресурсов мягкой силы Китая. Наиболее значимой практической целью мягкой силы КНР является гармонизация внутреннего социокультурного пространства, применение механизмов мягкой силы во внешней среде нацелено на расширение культурного присутствия Китая в мире. Зрелость китайской теории определяется не только системным характером исследований, но и наличием мозговых центров мягкой силы.

Переосмысление роли культуры и культурных инноваций в жизни китайского общества предопределило появление нового научного направления – исследования мягкой силы культуры Китая. На основе анализа фундаментальных работ китайских авторов по теме выявлено, что структурными компонентами концепции мягкой силы культуры Китая являются идеи традиционной культуры, ценностные императивы новейших культурно-идеологических концепций развития КНР и элементы глобализированной культуры. Фундаментальным компонентом являются идеи традиционной культуры, которые обеспечивают жизнеспособность и воспроизводство всей социокультурной системы Китая. Именно мягкая сила китайской традиционной культуры, обладающая высокой устойчивостью к инокультурному воздействию, выступает основным ресурсом мягкой силы КНР. Другие два компонента рассматриваются как инновационные. Подобная синергия культурно-ценностных императивов позволяет КНР гибко проецировать мягкую силу культуры внутри государства и вовне.

В ходе исследования выделены уровни проецирования мягкой силы культуры Китая. Каждый из них представлен в виде векторов, отображающих субъект-

объектные отношения: «человек \Leftrightarrow мягкая сила культуры», «общество \Leftrightarrow мягкая сила культуры» и «международная среда \Leftrightarrow мягкая сила культуры». Сущностное содержание каждого из уровней несёт определённую аксиологическую нагрузку, детерминирующую общее содержание культурных реформ в КНР.

Практическая реализация концепции мягкой силы культуры КНР представляет собой структурированный последовательный процесс. Диверсифицированная система внутренних и внешних практик мягкой силы культуры Китая включает универсальные и специфические. В работе детально описаны такие специфические культурные практики КНР, как: деятельность традиционных китайских академий – Шуюань, создание сети «мозговых центров нового типа с китайской спецификой», развитие «культурных экозащитных зон», формирование и продвижение культурных брендов регионов КНР.

К внешним культурным практикам мягкой силы Китая отнесены: международные научно-образовательные и культурно-языковые проекты, издательская деятельность, теле-радио проекты и развитие международных брендов культурных индустрий Китая. Реализация национальных научно-образовательных проектов и создание условий для получения высшего образования в Китае иностранными студентами способствует повышению престижа образования КНР и увеличению количества «послов китайской культуры». Создание сети Институтов и Классов Конфуция, международный конкурс «Мост китайского языка», «Летняя школа», деятельность Издательства литературы на иностранных языках, агентства Синьхуа, «Жэньминь жибао» и др. практики способствуют преодолению дисконта китайской культуры в мире и повышению эффективности практик трансляции китайских ценностей вовне. Опосредованным механизмом распространения мягкой силы культуры является системная работа официальной власти КНР с зарубежной диаспорой. Международные культурные бренды как часть политики коммерциализации китайской культуры направлены на сохранение материального и духовного наследия КНР и повышение его привлекательности в мире. Внешние культурные практики КНР дифференцированы по странам и регионам мира в зависимости от культурно-цивилизационной специфики объекта воздействия.

На Россию Китай проецирует мягкую силу культуры посредством научно-образовательных и культурно-гуманитарных проектов, издания электронных и печатных СМИ на русском языке, создания культурно-туристических брендов, ориентированных на российскую аудиторию. КНР целенаправленно и настойчиво увеличивает своё культурно-образовательное присутствие в РФ, о чём свидетельствует значительное увеличение в последние годы количества китайских печатных и электронных изданий на русском языке, проектов Институтов и Классов Конфуция, численность изучающих китайский язык и получающих образование в Китае студентов. Отечественные культурные практики, проецируемые на КНР, в сравнении менее разнообразны. Они включают: деятельность Фонда «Русский мир», стипендиальные программы Министерства образования РФ, а также отдельные инициативы ВУЗов РФ; реализацию культурно-туристских проектов. Мягкая сила культуры Китая, опосредованная внутренними и внешними практиками, оказывает значимое влияние на Россию. Возрастающее культурное присутствие Китая в РФ, при отсутствии адекватного ответа со стороны России, обнаруживает дисбаланс в межкультурном взаимодействии двух стран. Теоретически и практически значимым в этом плане является дальнейший мониторинг и анализ реализации концепции мягкой силы культуры Китая в России. Усилению данного направления, к примеру, будет способствовать создание отечественных информационно-аналитических центров мягкой силы, деятельность которых будет нацелена на изучение зарубежного опыта и разработку национальной концепции мягкой силы культуры как основы современной культурной стратегии России.

Китайская концепция мягкой силы культуры представляет собой комплекс теоретических оснований и практических мер по гармонизации китайского социума и гибкого проецирования ценностей китайской культуры вовне. Практическая реализация мягкой силы культуры Китая направлена на сохранение материального и духовного наследия китайского государства с одновременным проецированием китайской идентичности в мир посредством формирования дифференцированной системы внутренних и внешних культурных практик. Выделенные в работе особенности реализации мягкой силы культуры Китая как новой коммуника-

тивной стратегии межкультурного взаимодействия представляют особую значимость для России. Результаты сравнительного анализа культурных практик мягкой силы Китая и России могут быть полезны для российской практики решения проблем межкультурного взаимодействия с КНР.

В целом, полученные в результате диссертационного исследования выводы способствуют формированию новых для отечественной науки представлений о китайской концепции мягкой силы культуры как части культурной стратегии Китая, выполняющей охранительно-трансформационную функцию в условиях межкультурного взаимодействия. Несмотря на критические оценки мягкой силы КНР мировым научным сообществом, очевидно наращивание культурных практик китайской мягкой силы, что позволяет спрогнозировать рост культурного влияния Китая в разных регионах и странах мира. Перспективным исследованием тематики в рамках философии культуры является осмысление процесса рецепции транслируемых практик мягкой силы культуры Китая в регионально-страновом измерении, что значительно детализирует представление о силе и степени «мягкого воздействия» китайской культуры в инокультурной среде.

Библиографический список

1. Абрамов, В.А. Глобализирующийся Китай: грани социокультурного измерения / В.А. Абрамов. – М.: Восточная книга, 2010. – 240 с.
2. Абрамов, В.А. Императивный потенциал «мягкой силы» в стратегиях внутреннего и внешнего развития КНР / В.А. Абрамов // Вестник ЧитГУ. – 2010. – № 3. – С. 8-15.
3. Абрамов, В.А. Культурные индустрии как механизм реализации ценностного потенциала «мягкой силы» Китая / В.А. Абрамов, Янь Шуфан // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2011. – № 7. – С. 14-20.
4. Абрамов, В.А. Ценностный потенциал китайского «могущественного культурного государства» в проекциях глобального развития / В.А. Абрамов, Н.А. Абрамова. – М.: Восточная книга, 2014. – 256 с.
5. Абрамова, Н.А. Инновационное развитие современной китайской культуры / Н.А. Абрамова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – №6 (20): в 2-х ч. Ч. II. – С. 10-13.
6. Абрамова, Н.А. Культурно-образовательный фактор инновационного развития КНР / Н.А. Абрамова // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации: материалы III Международной научно-практической конференции. – Чита: ЧитГУ, 2011. – С.14-24.
7. Абрамова, Н.А. Механизмы адаптации китайской культуры в социокультурном пространстве России / Н.А. Абрамова // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации: материалы II Международной научно-практической конференции. – Чита: ЧитГУ, 2010. – С. 8-12.
8. Абрамова, Н.А. Политическая культура Китая: традиции и современность: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 / Наталья Андреевна Абрамова. Улан-Удэ, 2002. – 333 с.
9. Абрамова, Н.А. Процесс культурной регионализации (на примере Автономного района Внутренняя Монголия КНР) / Н.А. Абрамова, В.С. Морозова // Ки-

тай: поиск гармонии. К 75-летию академика М.Л. Титаренко. – М.: ИД «ФОРУМ», 2009. – С. 474-479.

10. Абрамец, С.М. Аналитическая записка по книге «Стратегия «мягкой силы» Китая» / С.М. Абрамец // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. – 2013. – № 13. – С. 140-141.

11. Агеева, В.Д. Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации в контексте глобализации: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Агеева Вера Дмитриевна. – СПб., 2016. – 28 с.

12. Алфёрова, Н. Русско-китайские браки в приграничном пространстве РФ-КНР / Н. Алфёрова, В.С. Морозова // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации: материалы III Международной научно-практической конференции. – Чита: ЧитГУ, 2011. – С. 294-300.

13. Аттиков, А.М. Категория «практика» и её соотношение с категориями «чувственное» и «логическое»: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / Аттиков Андрей Михайлович. – Санкт-Петербург, 1991. – 22 с.

14. Афонасьева, А.В. Зарубежный китайский бизнес в регионах КНР: современное состояние и перспективы развития / А.В. Афонасьева // XIX Всероссийская конференция «Философии восточноазиатского региона и современная цивилизация». – 2014. – Выпуск 20. – С. 338-347.

15. Афонасьева, А.В. Инновационные компании реэмигрантов в КНР / А.В. Афонасьева // Вековой путь Китая к прогрессу и модернизации: к 100-летию Синьхайской революции: Доклады XIX Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». – М.: ИДВ РАН, 2012. – С. 160-175.

16. Афонасьева, А.В. О конкурентоспособности государственных инноваций Китая / А.В. Афонасьева // Китай в эпицентре глобальных проблем АТР: Тезисы докладов XX Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». – М.: ИДВ РАН, 2013. – С. 144-146.

17. Афонасьева, А.В. Экономическая деятельность зарубежных китайцев и

реэмигрантов в КНР в ходе реформ (1979-2010 гг.): автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14 / Афонасьева Алина Владиславовна. – М., 2012. – 28 с.

18. Ахутин, А.В. Тяжба о бытии / А.В. Ахутин. – М.: Русское феноменологическое общество, 1996. – 304 с.

19. Байков, А.А. «Мягкая мощь» европейского союза в глобальном силовом равновесии: евро-российский трек / А.А. Байков // Вестник МГИМО Университета. Международные отношения. – 2014. – №2 (35). – С. 36-46.

20. Балакин, В.И. «Мягкая сила» Китая в восточноазиатской интеграции / В.И. Балакин // XIX Всероссийская конференция «Философии восточноазиатского региона и современная цивилизация». – 2014. – Выпуск 20. – С. 62-68.

21. Балахонцев, Н. Зарубежные методы оценки потенциала стран / Н. Балахонцев, А. Кондратьев // Зарубежное воен. обозрение. – 2010. – №11. – С. 101-104.

22. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров; Текст подгот. Г.С. Берштейн, Л.В. Дерюгина; Примеч. С.С. Аверинцева, С.Г. Бочарова. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.

23. Бедюх, М.С. Политика «мягкой силы» Китая в Центральной Азии / М.С. Бедюх, Д.В. Буяров // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы: материалы VII Междунар. науч.-практич. конференции (Благовещенск-Хэйхэ-Харбин, 15-20 мая 2013 г.) / Отв. ред. Д.В. Буяров. – Благовещенск: БГПУ, 2013. – С. 135-138.

24. Бергер, Я.М. Китайская модель развития как «мягкая сила» / Я.М. Бергер // «Мягкая сила» в отношениях Китая с внешним миром. – М.: ИДВ РАН, 2015. – С. 122-145.

25. Бергер, Я.М. О стремлении к глобальному лидерству в сравнительных оценках совокупной национальной мощи Китая / Я.М. Бергер // Доклады ИДВ РАН – 2010. – М.: ИДВ РАН, 2011. – С. 6-73.

26. Бернюкевич, Т.В. Взаимодействие культур: формы и механизмы: учеб. пособие / Т.В. Бернюкевич; Забайкал. гос. ун-т. – Чита: ЗабГУ, 2015. – 140 с.

27. Бернюкевич, Т.В. Компаративистский подход в исследованиях религии: учеб. пособие / Т.В. Бернюкевич; Забайкал. гос. ун-т. – Чита: ЗабГУ, 2016. – 133 с.

28. Бжезинский, З. «Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы» / Пер. с англ. М.: Междунар. отношения, 1998. – 330 с.
29. Библер, В.С. Культура. Диалог культур. Опыт определения / В.С. Библер // Вопросы философии. – 1989. – № 6. – С. 31-42.
30. Школа диалога культур: идеи, опыт, проблемы / Под общ. ред. В.С. Библера. – Кемерово: «Алеф» Гуманитарный центр, 1993. – 416 с.
31. Бобыло, А.М. «Мягкая сила» в мировой политике: проблема операционализации теоретического концепта / А.М. Бобыло, С.К. Песцов // Вестник Томского государственного университета. История. – 2015. – №2 (34). – С. 108-114.
32. Бобыло, А.М. Национальная система образования как «мягкая сила» внешней политики государства: монография / А.М. Бобыло. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2013. – 158 с.
33. Бодрова, О.И. Гуманитарная экспансия Китайской Народной Республики в период с 1978 по 2012 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15 / Бодрова Оксана Ивановна. – Н. Новгород, 2013. – 22 с.
34. Бодрова, О.И. Культурная дипломатия как инструмент «мягкой силы» КНР / О.И. Бодрова // Приволжский научный журнал. – 2013. – №4 (28). – С. 207-212.
35. Бодрова, О.И. Предпосылки формирования и перспективы развития «индустрии культуры» КНР в условиях глобализации международного культурного пространства / О.И. Бодрова // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации: материалы VII Международной научно-практической конференции. – Чита: ЗабГУ, 2015. – С. 33-42.
36. Бокова, Н.Б. Политико-психологический анализ образа России в массовом сознании граждан КНР: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 19.00.12 / Бокова Наталья Борисовна. – М., 2011. – 27 с.
37. Большаков, В. П. Культура как форма человечности. Учеб. пособ. / В.П. Большаков. – В. Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2000. – 92 с.
38. Большаков, В.П. Культурные практики в процессах становления культу-

ры / В.П. Большаков // Вестник СПбГУКИ. – 2016. – № 2 (27). – С. 16-22.

39. Боревская, Н.Е. Образование 2012 / Н.Е. Боревская // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 65-летию КНР. – М.: ИД «ФОРУМ», 2013. – С. 386-395.

40. Боревская, Н.Е. Россия и Китай на рынке образовательных услуг КНР: соперничество или соразвитие / Н.Е. Боревская // Китай в эпицентре глобальных проблем АТР: Тезисы докладов XX Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». – М.: ИДВ РАН, 2013. – С. 151-154.

41. Борисенко, О.А. Влияние глобализации на Китай в пространстве диалога культур и отражения политики «мягкой силы» / О.А. Борисенко // Китай в эпицентре глобальных проблем АТР: Тезисы докладов XX Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». – М.: ИДВ РАН, 2013. – С. 379-381.

42. Борисенко, О.А. Политика «мягкой силы» Китая в условиях глобализирующегося современного общества / О.А. Борисенко // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации: материалы VI Международной научно-практической конференции. – Чита: ЗабГУ, 2014. – С. 28-32.

43. Борох, О.Н. «Китайская мечта» 1933 г.: образ будущего на страницах журнала «Дунфан цзачжи» / О.Н. Борох // Китай в эпицентре глобальных проблем АТР: Тезисы докладов XX Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». – М.: ИДВ РАН, 2013. – С. 320-323.

44. Борох, О.Н. Неосоциализм Ху Цзиньтао и современная идеология КНР / О.Н. Борох, А.В. Ломанов // Pro et Contra. – 2005. – №3 (30). – С. 20-39.

45. Борох, О.Н. Роль культуры в наращивании потенциала «мягкой силы» КНР / О.Н. Борох // «Мягкая сила» в отношениях Китая с внешним миром. – М.: ИДВ РАН, 2015. – С. 62-111.

46. Борох, О.Н. Скромное обаяние Китая / О.Н. Борох, А.В. Ломанов // Pro et Contra. 2007. Ноябрь-декабрь. – С. 41-60.

47. Бояркина, А.В. «Мягкая сила» как политический инструмент реализации внешней политики КНР на рубеже XX-XXI вв.: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Бояркина Анна Владимировна. – Владивосток, 2015. – 234 с.
48. Бояркина, А.В. Язык и культура Китая как эффективные инструменты «мягкой силы» в реализации внешней политики КНР / А.В. Бояркина // Теория и практика общественного развития. – 2014. – №12. – С. 115-118.
49. Будаев, А.В. Роль «мягкой силы» во внешней политике России (на примере российско-бразильских отношений): дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Будаев андрей Владимирович. – М., 2014. – 180 с.
50. Будаев, А.В. Светлые и тёмные стороны «мягкой силы» Китая / А.В. Будаев // Государственное управление. Электронный вестник. – 2016. – № 54. – С. 106-129.
51. Буров, В.Г. Модернизация и духовные традиции в Китае / В.Г. Буров // Китай: поиск гармонии. К 75-летию академика М.Л. Титаренко. – М.: ИД «ФОРУМ», 2009. – С. 447-462.
52. Вебер, М. Политические работы (1895-1919) / М. Вебер. – М.: Праксис, 2003. – 424 с.
53. Верченко, А.Л. Быт, нравы, традиции Китая / А.Л. Верченко // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 65-летию КНР. – М.: ИД «ФОРУМ», 2014. – С. 378-394.
54. Виноградов, А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности / А.В. Виноградов. – М.: Памятники исторической мысли, 2005. – 335 с.
55. Виноградов, А.В. Политическая система КНР при Си Цзиньпине: новые вызовы и угрозы / А.В. Виноградов // Новые аспекты социально-политического развития КНР. – 2015. – Выпуск 22. Часть 1. – С. 5-17.
56. Виноградов, А.О. Европейский визит Си Цзиньпина: новая китайская дипломатия в действии / А.О. Виноградов // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XIX. М.: ИДВ РАН, 2014. – С. 154-162.
57. Воропаев, Д.С. Социокультурные основания китайской модели политической модернизации: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01 / Воропаев Дмит-

рий Сергеевич. – Москва, 2012. – 27 с.

58. Вулф, М. Почему Китай развивается так медленно? / М. Вулф // Pro et Contra. – 2005. – №3 (30). – С. 40-53.

59. Гельбрас, В.Г. Россия в условиях глобальной китайской миграции / В.Г. Гельбрас. – М.: Муравей, 2004. – 203 с.

60. Гоббс, Т. Сочинения в 2 т. Т. 2 / Сост., ред., авт. примеч. В.В. Соколов; Пер. с лат. и англ. – М.: Мысль, 1991. – 731 с.

61. Горлова, И.И. Культура как мягкая сила: инструменты и точки приложения / И.И. Горлова, О. И. Бычкова // Теория и практика общественного развития. – 2015. – №18. – С. 268-272.

62. Грамши, А. Избранные произведения в трёх томах. Т. 3 Тюремные тетради / Пер. с итал. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. – 234 с.

63. Грамши, А. Искусство и политика: в 2-х т. Т.1. Пер. с итал. М.: Искусство, 1991. – 432 с.

64. Грачилов, Е.Н. Внешняя политика Китая: генезис идентичностей и стратегий / Е.Н. Грачилов // Новые аспекты социально-политического развития КНР. – 2015. – Выпуск 22. Часть 2. – С. 47-57.

65. Гринёв, И.В. Роль национальной российской культуры в формировании международного имиджа страны: автореф. дис. ... филос. наук: 24.00.01 / Гринёв Иван Валерьевич. – М., 2009. – 25 с.

66. Гукасов, А.В. «Жесткая» и «мягкая» сила как инструменты внешней политики США / А.В. Гукасов // Вестник 28 Института стратегических исследований ПГЛУ: Сб. науч. трудов. Выпуск I: Конфликты-безопасность-геополитика: стратегический анализ современного мирового развития. – Ставрополь: Ставролит, 2011. – С. 15-17.

67. Гукасов, А.В. Современная внешняя политика США в персидском заливе: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Гукасов Арсен Вячеславович. Пятигорск, 2013. – 30 с.

68. Гущина, А.М. Интернационализация высшего образования КНР как инструмент построения «Экономики знаний – 2050» / А.А. Гущина, А.С. Назарова,

Е.Б. Цой // Вековой путь Китая к прогрессу и модернизации: к 100-летию Синьхайской революции: Доклады XIX Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». – М.: ИДВ РАН, 2011. – С. 384-386.

69. Давыдов, А.С. Пекин, Вашингтон, Москва: взаимоотношения в контексте трансформации глобальной архитектоники / А.С. Давыдов. – М.: ИДВ РАН, 2015. – 400 с.

70. Давыдов, Ю.П. «Жёсткая» и «мягкая» сила в международных отношениях / Ю.П. Давыдов // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2007. – № 1. – С. 3-24.

71. Демидо, Н.Ю. Роль частного театра «пэнхао» в социокультурной жизни Пекина / Н.Ю. Демидо // Новые аспекты социально-политического развития КНР. Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН. Сер. «Серия Г: «Общество и государство в Китае в период реформ» (отв. редактор А.В. Виноградов). – 2015. – С. 107-126.

72. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа / Состав. Н. Саркитова; Коммент. В Климанова, Н. Саркитова. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2008. – 704 с.

73. Демидо, Н.Ю. Центральное телевидение Китая в глобальном эфире / Н.Ю. Демидо // Китай в эпицентре глобальных проблем АТР: Тезисы докладов XX Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». – М.: ИДВ РАН, 2013. – С. 254-256.

74. Дидро, Д. Избранные атеистические произведения / Ред. и ст. Х.Н. Момджяна, отв. ред. В.Д. Бонч-Бруевич. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. – 478 с.

75. Документы третьего пленума Центрального Комитета Коммунистической партии Китая 18-го созыва. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2013. – 126 с.

76. Долинский, А.В. Образовательные обмены в публичной дипломатии: российский и зарубежный опыт / А.В. Долинский // Вестник МГИМО Университета. – 2014. – №2(35). – С. 56-62.

77. Долинский, А.В. Современные механизмы сотрудничества в рамках публичной дипломатии: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Долинский Алексей Владимирович. – М., 2011. – 25 с.

78. Дорожкова, С.А. Культурные бренды как инструмент «мягкой силы» Китая / С.А. Дорожкова, Т.Н. Кучинская // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации: сборник статей VIII Международной научно-практической конференции. – 2016. – С. 72-80.

79. Журавлева, Е.В. Политика «мягкой силы» КНР в отношении стран центральной Азии. На примере Казахстана и Монголии (2007-2015 гг.): дис. ... канд. истор. наук: 07.00.15 / Журавлёва Евгения Владимировна. – Москва, 2016. – 193 с.

80. Завьялова, О.И. Китайский язык в период реформ и открытости / О.И. Завьялова // Китай: поиск гармонии. К 75-летию академика М.Л. Титаренко. – М.: ИД «ФОРУМ», 2009. – С. 492-500.

81. Завьялова, О.И. Большой мир китайского языка / О.И. Завьялова– М.: Восточная книга, 2014. – 320 с.

82. Завьялова, О.И. Китайский язык в числе национальных приоритетов / О.И. Завьялова // Доклады ИДВ РАН. – 2010. – М.: ИДВ РАН, 2011. – С. 107-120.

83. Завьялова, О.И. Официальные и неофициальные составляющие языковой ситуации в КНР / О.И. Завьялова // Китай на пути к возрождению. К 80-летию академика М.Л. Титаренко. – М.: ИД «ФОРУМ», 2014. – С. 207-216.

84. Запесоцкий, А.С. Теория культуры академика В. С. Степина: лекции, прочитанные студентам СПбГУП в мае-сентябре 2010 года / А.С. Запесоцкий. – СПб.: СПбГУП, 2010. – 112 с.

85. Зевелёв, И.А. Россия и Китай в зеркале американской политики / И.А. Зевелёв, М.А. Троицкий // Россия в глобальной политике. – 2007. – №5. – Том 5 – С. 34-49.

86. Зевелёв, И.А. Сила и влияние в американо-российских отношениях: семиотический анализ. Очерки текущей политики. Выпуск 2 / И.А. Зевелёв, М.А. Троицкий. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2006. – 72 с.

87. Зубкова, А.И. Стратегия мягкой силы в контексте трансформации политической системы Турецкой Республики в период 2002-2014 гг.: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Зубкова Алёна Игоревна. – М., 2015. – 32 с.
88. Ильенко, А. Трансформация культурно-образовательного пространства приграничных регионов (на примере Забайкальского края РФ и северо-восточных провинций КНР) / А. Ильенко, Н.А. Абрамова // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации: материалы III Международной научно-практической конференции. – Чита: ЧитГУ, 2011. – С. 310-314.
89. Исаев, А.С. Китайский кинематограф нового тысячелетия / А.С. Исаев. – М. ИДВ РАН, 2016. – 272 с.
90. Казаков, О.И. По пути «мягкой силы» / Казаков О.И. // Россия в АТР. – 2012. – № 3 (24). – С. 48-53.
91. Каган, М.С. Философия культуры / М.С. Каган. – СПб., 1996. – 415 с.
92. Казанцев, А.А. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» / А.А. Казанцев, В.Н. Меркушев // Полис. – 2008. – №2. – С. 122-135.
93. Калмыков, П.Н. Миграционная и диаспоральная политика Китая: зарубежная диаспора как средство модернизации КНР / П.Н. Калмыков // Китай в эпицентре глобальных проблем АТР: Тезисы докладов XX Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». – М.: ИДВ РАН, 2013. – С. 44-46.
94. Калмыков, П.Н. Современная китайская диаспора. Россия в структуре международной китайской миграции: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / Калмыков Пётр Николаевич. – М., 2013. – 31 с.
95. Кант, И. Сочинения в шести томах. Т. 6. / Ред. Т. И. Ойзерман, под общ. ред. Л. Ф. Асмуса и др. – М., «Мысль», 1966. – 743 с.
96. Канцедалова, Т.П. Формирование национальной идеи в России и Китае (сравнительный анализ) / Т.П. Канцедалова // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сб. ст. / Науч. ред. Н.А. Абрамова, Т.В. Колпакова, Т.Н. Кучинская. – Чита, 2016. – Вып.18. – С. 68-73.

97. Киссинджер, Г. Мировой порядок / Пер. В. Желнинов, А. Милюков. – М.: АСТ, 2015. – 512 с.
98. Киссинджер, Г. О Китае / Пер. с англ. В.Н. Верченко. – М.: АСТ, 2014. – 635 с.
99. Китайская военная стратегия / Сост., пер. В.В. Малявин. – М.: ООО «Издательство Астрель», 2002. – 205 с.
100. Китайская философия: Энциклопедический словарь / РАН, Институт Дальнего Востока: гл. ред. М.Л. Титаренко. – М., 1994.
101. Клачков, П.В. Гуманитарные технологии как социально-культурные факторы обеспечения целостности современного государства: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Клачков Павел Владимирович. – Красноярск, 2013. – 27 с.
102. Колесников, А.С. Философия в глобальном диалоге: прагматизм и неоконфуцианство / А.С. Колесников // Философская компаративистика как видение мира: Материалы межвузовской конференции. – СПб.: Геликон Плюс, 2007. – С. 5-16.
103. Колесников, А.С. Философская компаративистика и диалог культур / А.С. Колесников // Россия и Грузия: диалог и родство культур. Материалы международного симпозиума (Тбилиси, 3–6 сентября 2003 г.) Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество. – 2003. – С. 185-205.
104. Колесников, А.С. Философская компаративистика: Восток-Запад: Учеб. пособие / А.С. Колесников. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. – 390 с.
105. Колпакова, Т.В. Философское содержание концепции «построения гармоничного мира» / Т.В. Колпакова // Вековой путь Китая к прогрессу и модернизации: к 100-летию Синьхайской революции: Доклады XIX Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». – М.: ИДВ РАН, 2011. – С. 359-361.
106. Комиссина, И.Н. Научные и аналитические центры Китая: Справ. / И. Н. Комиссина; Рос. ин-т стратег. исслед. – М.: РИСИ, 2012. – 266 с.
107. Коренкова, О.О. Человеческий потенциал как основа модернизации современного китайского государства (социально-философский анализ): автореф.

дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Коренкова Оксана Олеговна. – Чита, 2013. – 20 с.

108. Косенко, С.И. Культурная политика как атрибут «мягкого могущества» Франции / С.И. Косенко // Власть. – 2012. – №2. – С. 22-27.

109. Костина, А.В. Три типа культуры – три функциональные стратегии жизнедеятельности / А.В. Костина, А.Я. Флиер // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2009. – № 2 (18). – С. 23-36.

110. Котельников, А.А. Интернет СМИ КНР как фактор формирования общественного мнения в Забайкальском крае: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Котельников Алексей Анатольевич. – Чита, 2011. – 24 с.

111. Кранк, И.И. Культурфилософская концепция Антонио Грамши: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / Кранк Ирина Ивановна. – Ростов-на-Дону, 2012. – 32 с.

112. Кривожиж, С.В. От пропаганды к публичной дипломатии: опыт КНР / С.В. Кривожиж // Китай в эпицентре глобальных проблем АТР: Тезисы докладов XX Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». – М.: ИДВ РАН, 2013. – С. 65-58.

113. Кривохиж, С.В. Публичная дипломатия Китайской Народной Республики: становление и развитие: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15 / Кривохиж Светлана Валентиновна. – СПб., 2014. – 26 с.

114. Кутенёв, В.В. Институты евразийской интеграции как инструменты «мягкой силы» России: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Кутенёв Владимир Викторович. – Бишкек, 2012. – 24 с.

115. Кучерявый, М.М. Информационное измерение политики национальной безопасности России в условиях современного глобального мира: автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.04 / Кучерявый Михаил Михайлович. – СПб., 2014. – 45 с.

116. Кучинская, М. Инструментальная практика политики «мягкой силы» КНР / Кучинская М. // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации: материалы III Международной научно-практической конференции. – Чита: ЧитГУ, 2011. – С. 314-320.

117. Кучинская, Т.Н. Архитектоника социокультурного пространства Китая в условиях транснационального межкультурного взаимодействия РФ и КНР: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13 / Кучинская Татьяна Николаевна. – Чита, 2013. – 413 с.

118. Кучинская, Т.Н. Воспроизводство культуры «гармонии» и строительство «гармоничной культуры» в КНР на пути к «китайской мечте» / Т.Н. Кучинская // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации: материалы VI Международной научно-практической конференции. – Чита: ЗабГУ, 2014. – С. 89-97.

119. Кучинская, Т.Н. Диалог культур как философия и практика китайской модели «гармоничного мира» / Т.Н. Кучинская // Китай в эпицентре глобальных проблем АТР: Тезисы докладов XX Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». – М.: ИДВ РАН, 2013. – С. 405-407.

120. Кучинская, Т.Н. Культурные бренды в социокультурном пространстве Китая: региональные практики Северо-Восточного региона / Т.Н. Кучинская // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. – 2011. – № 10. – С. 119-126.

121. Кучинская, Т.Н. Региональный брендинг как инструмент позиционирования имиджа Забайкальского края в системе межрегиональных связей РФ и КНР / Т.Н. Кучинская // Проблемы Дальнего Востока. – 2010. – № 6. – С. 116 – 122.

122. Кучинская, Т.Н. Социокультурная идентичность Китая в условиях модернизации / Т.Н. Кучинская // Вековой путь Китая к прогрессу и модернизации: к 100-летию Синьхайской революции: Доклады XIX Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». – М.: ИДВ РАН, 2011. – С. 365-367.

123. Кухаренко, Н.В. Образование как инструмент «мягкой силы» Китая в отношении России / Н.В. Кухаренко, С.В. Кухаренко // Современный Китай в системе международных отношений / Отв. ред. Д.В. Буяров. Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – С. 164-188.

124. Ларин, А.Г. О некоторых подходах китайских учёных к эмиграционным и диаспоральным проблемам / А.Г. Ларин // Внутренняя политика КНР: история и современность. – 2011. Вып. 24. – С. 264-289.

125. Латфулина, Д.Ш. Китайская угроза: миф или реальность? / Д.Ш. Латфулина // Китай в эпицентре глобальных проблем АТР: Тезисы докладов XX Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». – М.: ИДВ РАН, 2013. – С. 108-110.

126. Лебедева, М.М. «Мягкая сила» в отношении Центральной Азии: участники и их действия / М.М. Лебедева // Вестник МГИМО Университета. – 2014. – №5. – С. 47-55.

127. Лебедева, М.М. Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России / М.М. Лебедева, Ж. Фор // Вестник МГИМО Университета. 2009. – №6. – С. 1-6.

128. Лейбниц, Г.В. Сочинения в четырех томах: Т. 1 / Ред. и сост., авт. вступит, статьи и примеч. В.В. Соколов; перевод Я.М. Боровского и др. – М: Мысль, 1982. – 636 с.

129. Леонова, О.Г. Мягкая сила – ресурс внешней политики государства / О.Г. Леонова // Обозреватель. 2013. – № 4. – С.27-40.

130. Ли Минфу Распространение китайского языка как фактора мягкой силы во внешней политике КНР в XXI веке: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Ли Минфу. – СПб., 2016. – 25 с.

131. Ли Фэнъянь. О «симбиозе гармонии и сотрудничества» – новая модель взаимодействия Китая с миром / Ли Фэнъянь // Китай в эпицентре глобальных проблем АТР: Тезисы докладов XX Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». – Москва, 16-18 октября 2013 г. – М.: ИДВ РАН, 2013. – С. 65-67.

132. Ломанов, А.В. «Китайская мечта» и политика нового руководства / А.В. Ломанов // Китай в эпицентре глобальных проблем АТР: Тезисы докладов XX Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». – М.: ИДВ РАН, 2013. – С. 285-287.

133. Ломанов, А.В. «Китайская мечта» как идеологический символ руководства Си Цзиньпина / А.В. Ломанов // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 65-летию КНР. – М.: ИД «ФОРУМ», 2014. – С. 40-56.
134. Ломанов, А.В. «Мягкое побеждает жёсткое»: создание современного образа Китая / А.В. Ломанов // Раздвигая горизонты науки: к 90-летию академика С.Л. Тихвинского. М.: Памятники исторической мысли, 2008. – С. 740-758.
135. Ломанов, А.В. Идеология КПК после XVIII съезда и «сердцевинные ценностные воззрения» / А.В. Ломанов // XVIII съезд КПК: новые задачи и перспективы развития. – 2013. – Выпуск 28. – С. 6-22.
136. Ломанов, А.В. Современная китайская концепция «мягкой силы» / А.В. Ломанов // «Мягкая сила» в отношениях Китая с внешним миром. – М.: ИДВ РАН, 2015. – С. 13-61.
137. Лотман, Ю. М. Культура и взрыв / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство СПб., 2004. – 279 с.
138. Лузянин, С.Г. Внешняя политика КНР в глобальном и региональном измерениях / С.Г. Лузянин // Доклады ИДВ РАН. – 2011. – М.: ИДВ РАН, 2012. – С. 103-123.
139. Луцак, О.А. Ценностная составляющая традиционной концепции «человек-основа» в дискурсе современной китайской науки / О.А. Луцак // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации: материалы III Международной научно-практической конференции. – Чита: ЧитГУ, 2011. – С. 130-135.
140. Лю Цзайци. «Мягкая сила» в стратегии развития Китая / Лю Цзайци // ПОЛИС. Политические исследования. – 2009. – № 4. – С. 149-155.
141. Макаров, А.П. Диалог культур в условиях глобализации / А.П. Макаров // Общественные науки и современность. – 2012. – №1. – С. 163-167.
142. Макиавелли, Н. Государь / Пер. с ит.: Д.Г. Муравьевой, М.А. Юсима. – М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. – 464 с.
143. Мальцев, А.Е. Особенности политики КНР в Центральной Азии в оценках российских и западных учёных / А.Е. Мальцев // Сравнительная политика. – 2012.

– № 4 (10). – С. 17-31.

144. Манойло, А.В. Роль культурно-цивилизационных моделей и технологий информационно-психологического воздействия в разрешении международных конфликтов: автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.04 / Манойло Андрей Викторович. – М., 2009. – 51 с.

145. Матюхина, Е.Н. Сочетание жёсткой и мягкой силы / Е.Н. Матюхина // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2015. – №1. – С. 98-102.

146. Межуев, В.М. Идея культуры. Очерки по философии культуры / В.М. Межуев. – М.: Прогресс-Традиция, 2006. – 408 с.

147. Межуев, В.М. Ценности современности в контексте модернизации и глобализации / В.М. Межуев // Новые исследования Тувы. – 2009. – №1-2. – С. 1-21.

148. Мигунова, О.В. Проблема духовно-цивилизационных трансформаций в современной китайской социальной философии: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Мигунова Ольга Владимировна. – СПб., 2013. – 23 с.

149. Михалёв, А.В. Монголия в новой большой игре: роль неформальных институтов мягкой силы: автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02 / Михалёв Алексей Викторович. – Улан-Удэ, 2013. – 47 с.

150. Михеев, В.В. Китайская головоломка / В.В. Михеев // Pro et Contra. – 2005. – №3(30). – С. 6-17.

151. Михневич, С.В. Мудрец помогает Поднебесной: развитие сети Институтов Конфуция как инструмент реализации политики «мягкой силы» КНР в Большой Восточной Азии / С.В. Михневич // Вестник международных организаций. – 2015. – Т. 10. – № 1. – С. 80-117.

152. Михневич, С.В. Панда на службе Дракона: основные направления и механизмы политики «мягкой силы» Китая / С.В. Михневич // Вестник международных организаций. – 2014. – № 2. – С. 95-130.

153. Михневич, С.В. Роль образования в повышении эффективности ресурса «мягкой силы» на примере КНР / С.В. Михневич // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. – Вып.16. – Ч.1. –

Чита: ЗабГУ, 2015. – С. 10-17.

154. Мишина, С.И. «Говори мягко...» / С.И. Мишина // Азия и Африка сегодня. – 2011. – № 3. – С. 19-24.

155. Морозова, В.С. Межкультурное взаимодействие РФ-КНР в контексте осуществления курса «мирного развития и построения гармоничного мира» / В.С. Морозова // Китай в эпицентре глобальных проблем АТР: Тезисы докладов XX Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». – М.: ИДВ РАН, 2013. – С. 117-119.

156. Морозова, В.С. Региональная культура в социокультурном пространстве российского и китайского приграничья: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13 / Морозова Валентина Сергеевна. – Чита. – 378 с.

157. Морозова, В.С. Феномен региональной культуры в социокультурном пространстве приграничного взаимодействия РФ – КНР / В.С. Морозова. – М.: ИД «ФОРУМ», 2011. – 224 с.

158. Мосяков, Д.В. «Мягкая сила» в политике Китая Юго-Восточной Азии / Д.В. Мосяков // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2014. – Т. 14. – С. 5-22

159. Най, Дж. Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике / Дж. Най. – М.: Тренд, 2006. – 138 с.

160. Наумов, А.О. «Мягкая сила» и внешнеполитический имидж Российской Федерации / А.О. Наумов // Рецензируемый научный сетевой журнал «Перспективы. Электронный журнал», 2015. – №4. – С. 21-32.

161. Наумов, А.О. «Мягкая сила» страны восходящего солнца / А.О. Наумов // Международные отношения. – 2016. – № 2. – С. 189-193.

162. Наумов, А.О. «Мягкая сила» и «цветные революции» / А.О. Наумов // Российский журнал правовых исследований. – 2016. – №1. – С. 73-86.

163. Нейман, А.М. Э.Х. Карр: от «политического реализма» к «новому обществу» / А.М. Нейман // История и историки. Историографический ежегодник, 1978. – С. 96-112.

164. Нейматова, А.Я. Роль дипломатии в формировании имиджа России на со-

временном этапе: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15 / Нейматова Аида Ягутовна. – М., 2013. – 20 с.

165. Никитина, Ю.А. Российский подход к продвижению «мягкой силы» в сфере внешней политики / Ю.А. Никитина // Вестник МГИМО Университета. – 2014. – №2(35). – С. 30-35.

166. Никифорова, В.А. Пять принципов мирного сосуществования и их влияние на внешнеполитический курс КНР / В.А. Никифорова // Вековой путь Китая к прогрессу и модернизации: к 100-летию Синьхайской революции: Доклады XIX Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». – М.: ИДВ РАН, 2011. – С. 41-43.

167. Озорнина, А.С. Региональные практики в построении гармоничного китайского общества: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Озорнина Анна Сергеевна. – Чита, 2011. – 24 с.

168. Опенько, Е.В. От традиционной дипломатии к использованию «мягкой силы» (на примере американо-европейских отношений в 50 годы XX века): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Опенько Евгения Владимировна. – Томск, 2012. – 24 с.

169. Панова, Е.П. «Мягкая власть» как способ воздействия в мировой политике: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Панова Елена Павловна. – М., 2012. – 22 с.

170. Паршин, П.Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия / П.Б. Паршин // Международные отношения. – 2014. – № 2 (35). – С. 14-21.

171. Паршин, П.Б. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России / П.Б. Паршин // Аналитические доклады. Институт международных исследований МГИМО (У) МИД России, 2013. – Выпуск 1 (36). – 38 с.

172. Песцов, С.К. «Мягкая сила» в мировой политике: проблема операционализации теоретического концепта / С.К. Песцов, А.М. Бобыло // Вестник Томского государственного университета. История. – 2015. – №2(34). – С.108-114.

173. Петровский, В.Е. «Мягкая сила» по-русски в поисках точки опоры / В.Е.

Петровский // Международная жизнь. – 2013. – № 7. – С. 72-84.

174. Петровский, В.Е. Россия и мир. Избавляясь от имперской ностальгии / В.Е. Петровский. – М.: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 224 с.

175. Пивоварова, Э.П. КНР: от социального контроля над производством к идее «социальной гармонии» в обществе / Э.П. Пивоварова // Китай: поиск гармонии. К 75-летию академика М.Л. Титаренко. – М.: ИД «ФОРУМ», 2009. – С. 22-29

176. Пивоварова, Э.П. Место человека в стратегии китайских реформ / Э.П. Пивоварова // 3-й пленум ЦК КПК 18-го созыва: новое руководство и стратегия реформ. – 2014. – Выпуск 29. – С. 12-16

177. Пивоварова, Э.П. Социализм с китайской спецификой / Э.П. Пивоварова. – М.: ИД «ФОРУМ», 2011. – 352 с.

178. Пиковер, А.В. Развитие интернета в Китае и китайская экономика / А.В. Пиковер // Китай в эпицентре глобальных проблем АТР: Тезисы докладов XX Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». – М.: ИДВ РАН, 2013. – С. 189-192.

179. Подолько, Е.О. Эволюция внешнеполитических концепций Китайской народной республики: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Подолько Елена Олеговна. – М., 2006. – 28 с.

180. Портяков, В.Я. О некоторых особенностях внешней политики Китая в 2009-2011 гг. / В.Я. Портяков // Доклады ИДВ РАН. – 2011. – М.: ИДВ РАН, 2012. – С. 124-153.

181. Портяков, В.Я. Внешнеполитические заветы Дэн Сяопина и их современная интерпретация / В.Я. Портяков // Доклады ИДВ РАН – 2012. – М.: ИДВ РАН, 2013. – С. 4-28.

182. Портяков, В.Я. От Ху Цзиньтао к Си Цзиньпину: контуры внешней политики лидеров КНР пятого поколения / В.Я. Портяков // Китай в эпицентре глобальных проблем АТР: Тезисы докладов XX Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». – С. 69-72.

183. Портяков, В.Я. От Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао: Китайская Народная Республика в начале XXI в.: Очерки / В.Я. Портяков. – М.: ИДВ РАН, 2006. – 248 с.

184. Распертова, С.Ю. Современные культурные стратегии Китайской Народной Республики в практике международного взаимодействия: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / Распёртова Светлана Юрьевна. – М., 2011. – 27 с.

185. Регзенова, Д.Б. Исторический опыт стратагемности и принцип «мягкой силы» в социально-экономических реформах Китая: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03/ Регзенова Дулма Бато-Очировна. – Улан-Удэ, 2012. – 22 с.

186. Россия в диалоге культур / отв. ред. А.А. Гусейнов, А.В. Смирнов, Б.О. Николаичев. – М.: Наука, 2010. – 432 с.

187. Рудакова, А.Э. Репутационный капитал государства как политический ресурс: технологии формирования и реализации: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Рудакова Алевтина Эдуардовна. – М., 2015. – 25 с.

188. Русакова, О.Ф. Дискурс soft power во внешней политике / О.Ф. Русакова // Вестник ЮУрГУ. Серия Социально-гуманитарные науки. – 2012. – № 32 (291). – С. 118-121.

189. Сачко, Г.В. Китай после XVIII съезда КПК: новый внешнеполитический курс или новая риторика нового лидера / Г.В. Сачко // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – №14 (343). – С. 123-128.

190. Селихов, Д.М. Развитие национальной инновационной системы КНР в контексте перехода на новую модель социально-экономического развития: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14. / Селихов Дмитрий Михайлович. – М., 2014. – 24 с.

191. Сергеева, А.А. «Мягкая сила» как инструмент внешней культурной политики КНР / А.А. Сергеева // Россия – Китай: история и культура: сборник статей и докладов участников VIII Международной научно-практической конференции (Казань, 8 – 11 октября 2015 г.). – Казань, 2015. – С. 199-204.

192. Сергеева, А.А. Политика партийно-государственного руководства КНР в отношении соотечественников за рубежом: автореф. дис. ... канд. полит. наук:

23.00.02 / Сергеева Александра Александровна. – М., 2012. – 25 с.

193. Сергеева, А.А. Роль и место политики в отношении зарубежной диаспоры в контексте смены высшего руководства КНР / А.А. Сергеева // Китай в эпицентре глобальных проблем АТР: Тезисы докладов XX Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». – М.: ИДВ РАН, 2013. – С. 297-299.

194. Си Цзиньпин Мечта Китая о великом возрождении китайской нации / Сборник высказываний, подготовленный Центром по изучению партийных документов при ЦК КПК. – Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2014. – 120 с.

195. Скородумова, О.Б. Стратегия «мягкой силы» и ее значение в современную эпоху / О.Б. Скородумова // Научный вестник МГТУ ГА. – 2015. – №215(5). – С. 52-58.

196. Скрипкарь, М.В. «Китайская мечта» на современном этапе / М.В. Скрипкарь // Китай в эпицентре глобальных проблем АТР: Тезисы докладов XX Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». – М.: ИДВ РАН, 2013. – С. 301-303.

197. Смирнов, Д.А. Политико-идеологические аспекты модернизации Китая / Д.А. Смирнов // Доклады ИДВ РАН – 2011. – М.: ИДВ РАН, 2012. – С. 48-102.

198. Соболева, Е.В. Культура Китая в системе базовых ценностей (на примере киноискусства) / Е.В. Соболева // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации: материалы VI Междунар. науч.-практич. конф. – Чита: ЗабГУ, 2014. – С. 222-227.

199. Соловьёва, Е.В. «Мягкая сила» – инструмент интеграции Китая в мировые процессы / Е.В. Соловьёва // Россия и АТР. – 2012. - № 1. – С. 85 – 95.

200. Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой. – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2015. – 376 с.

201. Социальные последствия рыночных преобразований в КНР (1978-2002) / Отв. редактор Э.П. Пивоварова. – М.: ИДВ РАН, 2004. – 280 с.

202. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество. / Общ. ред., сост. и пре-

дисл. А.Ю. Согомонов; Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. 543 с.

203. Староверова, Е.В. Современные технологии власти: философско-культурологический анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / Староверова Екатерина Владимировна. – Казань, 2012. – 21 с.

204. Степанова, Г.А. Рэмигранты – особая прослойка населения в Китае / Г.А. Степанова // Внутренняя политика КНР: история и современность. – 2011. – Выпуск 24. – С. 289-306.

205. Стёпин, В.С. Глобализация и диалог культур: проблема ценностей / В.С. Стёпин // Век глобализации. – 2011. – № 2. – С. 8–17.

206. Степин, В.С. Философия и эпоха цивилизационных перемен / В.С. Стёпин // Вопросы философии. – 2006. – № 2. – С. 16-26.

207. Степин, В.С. Философская антропология и философия науки / В.С. Стёпин. – М.: Высш. шк., 1992. – 191 с.

208. Стёпин, В.С. Цивилизация и культура / В.С. Стёпин. – Спб.: СпбГУП, 2011. – 408 с.

209. Столетов, О.В. Стратегия «разумной силы» в политике глобального лидерства: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Столетов Олег Владимирович. – М., 2015. – 25 с.

210. Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года: исходные реалии и фактор российско-китайского партнерства: монография / Под ред. С.Г. Лузянина, Е.И. Сафроновой. – М.: ИДВ РАН, 2015. – 168 с.

211. Су Юйфан. Интернет-журналистика КНР в контексте глобализации медиасреды: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Су Юйфан. – М., 2013. – 19 с.

212. Сунь-цзы. Трактаты о военном искусстве / Сунь-цзы, У-цзы; Пер. с кит., предисл. и коммент. Н.И. Конрада. – М.: «ООО Издательство АСТ»; Спб «Terra Fantastica», 2002. – 558 с.

213. Сухадольская, Л.Л. Некоторые аспекты «китайской мечты» / Л.Л. Сухадольская // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. – Вып.16. – Ч.1. – Чита: ЗабГУ, 2015. – С. 21-26.

214. Суходольская, Л.Л. Философский статус сяокан / Л.Л. Суходольская // XIX Всероссийская конференция «Философии восточноазиатского региона и современная цивилизация». – 2014. – Выпуск 20. – С. 56-60.
215. Тё, О.Е. Специфика функционирования печати КНР в контексте современности: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.01.10 / Тё Ольга Евгеньевна. – М., 2013. – 19 с.
216. Титаренко, М.Л. XVIII съезд КПК и развитие теории социализма с китайской спецификой / М.Л. Титаренко // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 65-летию КНР. – М.: ИД «ФОРУМ», 2013. – С. 6-37.
217. Титаренко, М.Л. Китай и Россия в современном мире / М.Л. Титаренко. – СПб.: СПбГУП, 2013. – 88 с.
218. Титаренко, М.Л. Отношения РФ и КНР в контексте внешней политики нынешнего китайского руководства / М.Л. Титаренко, В.И. Трифонов, С.В. Уянаев // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 65-летию КНР. – М.: ИД «ФОРУМ», 2014. – С. 30-39.
219. Титаренко, М.Л. Россия и Китай: стратегическое партнёрство и вызовы времени / М.Л. Титаренко. – М.: ИД «ФОРУМ», 2014. – 224 с.
220. Тойнби, А. Исследование истории. Т. 1. Возникновение, рост и распад цивилизаций / Пер. с англ. К.Я. Кожурина. – М.: АСТ, 2009. – 863 с.
221. Томских, А.А. Формирование региональных трансграничных научно-образовательных систем в условиях глобализации: автореф. дис. ... д-ра географ. наук: 25.00.24 / Томских Андрей Александрович. – Пермь, 2013. – 43 с.
222. Торкунов, А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России / А.В. Торкунов // Российское государство в системе международных отношений Вестник МГИМО Университета. – 2012. – №4 (25) – С. 85-93.
223. Трифонов, В.И. Внешнеполитическая стратегия КНР на современном этапе / В.И. Трифонов // Китай: поиск гармонии. К 75-летию академика М.Л. Титаренко. – М.: ИД «ФОРУМ», 2009. – С. 266-279.
224. Турушева, Н.В. Политика коммунистической партии Китая в области культуры в период реформ (1978-2012): автореф. дис. ... канд. ист. наук.: 07.00.03 /

Турушева Наталья Владимировна. – Томск, 2013. – 22 с.

225. У Сюцзюань. Информационное обеспечение политики китайского руководства на рубеже XX-XXI вв.: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 10.01.10 / У Сюцзюань. – СПб., 2010. – 22 с.

226. Фёдоров, О.Д. Международные образовательные программы в инструментарию политики государства / О.Д. Фёдоров // Академический вестник Института педагогического образования и образования взрослых РАО Человек и образование. – 2014. – №2 (39) – С. 126-129.

227. Феоктистов, В.М. Культурно-цивилизационные ценности концепции национальной безопасности КНР в условиях глобализации: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / Феоктистов Василий Михайлович. – Чита, 2007. – 23 с.

228. Филимонов, Г.Ю. «Мягкая сила» культурной дипломатии США / Г.Ю. Филимонов. – М.: РУДН, 2010. – 212 с.

229. Филимонов, Г.Ю. Роль «мягкой силы» во внешней политике США: автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.04 / Филимонов Георгий Юрьевич. – М., 2013. – 50 с.

230. Флиер, А.Я. Очерки теории исторической динамики культуры / А.Я. Флиер. – М.: ООО «Издательство «Согласие», 2015. – 528 с.

231. Флиер, А.Я. Социальные функции культуры / А.Я. Флиер // Вестник МГУКИ. – 2012. – № 4 (48). – С. 19-25.

232. Флиер, А.Я. Эволюция культуры как социально-регулятивной системы (начало) / А.Я. Флиер // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2014. – № 4 (40). – С. 33-39.

233. Флиер, А.Я. Эволюция культуры как социально-регулятивной системы (окончание) / А.Я. Флиер // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2015. – № 1 (41). – С. 47-54.

234. Фомина, М.Н. Стратегия культурного ресурса российского и китайского вариантов «мягкой силы» / М.Н. Фомина // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2014. – № 12. – С. 106-112.

235. Фролов, Ф.С. Культурно-лингвистическая экспансия как угроза нацио-

нальной безопасности России: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Фролов Фёдор Сергеевич. – Москва, 2014. – 36 с.

236. Фролов, Ф.С. Культурно-лингвистическая экспансия: геополитический аспект / Ф.С. Фролов // Армия и общество, 2014 – №4 (41). – С. 17-22.

237. Фурс, В.Н. Арджун Аппадурай. «Современность» на просторе: культурные измерения глобализации / В.Н. Фурс // Социологическое обозрение. – 2003. – № 4. – Т. 3. – С. 57-66.

238. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.

239. Харкевич, М.В. «Мягкая сила»: политическое использование научной концепции / М.В. Харкевич // Вестник МГИМО Университета. – 2014. – №2 (35) – С. 22-29.

240. Цветков, А.Ю. Внешняя политики Российской Федерации и Китайской народной Республики в начале XXI в.: эффективность публичной дипломатии: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Цветков Артём Юрьевич. – СПб., 2010. – 26 с.

241. Цзи Цзяньцюань. «Мягкая сила культуры» в контексте развития международных отношений РФ-КНР / Цзи Цзяньцюань // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации: материалы VI Международной научно-практической конференции. – Чита: ЗабГУ, 2014. – С. 168-170.

242. Ци Минянь. Становление ценностной парадигмы образования в социокультурном пространстве современного Китая: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / Ци Минянь. – Чита, 2011. – 25 с.

243. Чепурина, М.А. Политическая и социальная роль высшего образования в современном мире: анализ участия России в Европейском пространстве высшего образования (ЕПВО): автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Чепурина Мария Александровна. – М., 2014. – 29 с.

244. Чжан Сяншэн. Телевидение в общественно-политической жизни КНР: опыт, проблемы и тенденции развития: автореф. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Чжан Сяншэн. – Владивосток, 2010. – 27 с.

245. Чжоу Юй. Практики развития социокультурного пространства китайского приграничья в условиях межкультурного взаимодействия: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / Чжоу Юй. – Чита, 2015. – 24 с.

246. Чжоу Юй. Практики развития социокультурного пространства китайского приграничья в условиях межкультурного взаимодействия: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / Чжоу Юй. – Чита, 2015. – 152 с.

247. Шарко, С.В. Публичная дипломатия как инструмент внешней политики Китая / С.В. Шарко // Вековой путь Китая к прогрессу и модернизации: к 100-летию Синьхайской революции: Доклады XIX Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». – М.: ИДВ РАН, 2011. – С. 70-73.

248. Шаренкова, Т.А. Образование в духовной культуре Китая: философско-антропологический аспект: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / Шаренкова Татьяна Аркадьевна. – Чита, 2005. – 129 с.

249. Шелов-Коведяев, Ф.В. Мировой кризис и инструментарий «мягкой силы» для России / Ф.В. Шелов-Коведяев // Безопасность Евразии. – 2009. – № 3. – С. 218-232.

250. Шеховцева, Т.М. Вербализация концепта «сила» в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Шеховцева Татьяна Михайловна. – Белгород, 2011. – 23 с.

251. Шиллер, Г. Манипуляторы сознанием / Пер. с англ.; Науч. ред. Я. Н. Засурский. – М.: Мысль, 1980. – 326 с.

252. Шилов, В.Н. Московский майдан августа 1991 года: предпосылки и последствия / В.Н. Шилов // Научные ведомости. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. – 2014. – №15 (186). – Выпуск 31. – С. 183-189.

253. Шпенглер, О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Образ и действительность / Пер. с нем. Н.Ф. Гарелин. – Мн.: ООО «Попурри», 1998. – 688 с.

254. Шугаев, А.В. Телевидение КНР как инструмент гармонизации китайского общества / А.В. Шугаев // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее ре-

гионализации и глобализации: материалы II Международной научно-практической конференции. – Чита: ЧитГУ, 2010. – С. 185-189.

255. Шугаев, А.В. Формирование культурной идентичности как фактор консолидации глобализирующегося китайского общества (на примере телевидения): автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / Шугаев Антон Викторович. – Чита, 2011. – 24 с.

256. Шутова, Т.С. Туристический имидж Северо-Восточного региона КНР // Т.С. Шутова, Т.Н. Кучинская // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. – 2011. – № 9. – С. 70-74.

257. Юдин, Н.В. Системное прочтение мягкой силы / Н.В. Юдин // Международные процессы. – 2015. – Том 13. – №2 (41). – С. 96-105.

258. Янгутов, Л.Е. Буддизм в политической стратегии «мягкой силы» России, Китая и Монголии / Л.Е. Янгутов // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2015. – № 4 (20). – С. 91-95.

259. Янгутов, Л.Е. Духовные истоки политической стратегии «мягкой силы» Китая / Л.Е. Янгутов // Проблемы Дальнего востока. – 2016. – №4. – С. 159-167.

260. Янь Шуфан. Культурные индустрии как механизм реализации ценностных идей китайской культуры: автореф. дис. ...канд. филос. наук: 09.00.13 / Янь Шуфан. Чита, 2011. – 24 с.

Литература на английском языке

261. Appadurai, A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. – Minneapolis, 1996. – 229 p.

262. Aukia, Jukka. The Cultural Soft Power of China: A Tool for Dualistic National Security // *Journal of China and International Relations*. – 2014. – № 1 (vol. 2). – P. 71-94.

263. Brzezinski, Zb. *Out of control. Global Turmoil on the Eve of the XXI-st Century*. – N. Y., 1993.

264. Denisov I. Chinese and Western Values in Modern Political Discourse in China // *Social Sciences*. – 2016. – № 2 (vol. 47). – P. 70-79.

265. Fan, Ying Soft power: power of attraction or confusion? // *Place Branding and*

Public Diplomacy. – 2008. – №2 (vol. 4). – p. 148-157.

266. Keohane R., Nye J.S. Power and Interdependence: World Politics in Transition. – Boston, MA: Little, Brown and Co., 1977.

267. Li, Mingjiang. Introduction: Soft power: Nurture not Nature // Soft power. China's Emerging Strategy in International Politics. – New York: Lexington books, 2009. – P. 3-25.

268. Mikhnevich, S. The Sage Helps the Celestial Empire: The Confucius Institute as an Instrument of China's Soft Power in Greater East Asia // International Organisations research journal. – 2015. – № 1 (Vol. 10). – P. 61-85.

269. Morgenthau, H.J. Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace. Third Edition. – N. Y., 1961.

270. Nye J., Jr. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. – New York: Basic Books, 1991. – 366 p.

271. Nye J., Jr. Soft power // Foreign Policy. – 1990. – № 80. – P. 155-171.

272. Nye J., Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – N.Y.: Public Affairs Group, 2004.

273. Podyapolskiy, S. «Soft Power» and «Smart Power» of Modern China // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2014. – № 2 (7). – P. 347-358.

274. Robert, D. The Concept of Power // Behavioral Science. – 1957. – № 2. – P. 201-215.

275. Russell, B. Power: A New Social Analysis Taylor & Francis e-Library, 2004. – 258 p.

276. Stossinger, J.G. The Might of Nations. World Politics in Our Time. – New York, 1969.

277. Vuving, A.L. How soft power works // American Political Science Association annual meeting. – 2009. – September, 3. – P. 1-20.

278. William, A. Callahan Identity and Security in China: The Negative Soft Power of the China Dream // POLITICS. – 2015. – № 35 (3-4) – P. 216–229.

279. Zhang, Yongjing. The Discourse of China's soft power and its Discontents //

Soft power. China's Emerging Strategy in International Politics. – New York: Lexington books, 2009. P. 45–60.

Литература на китайском языке

280. Ван Анью. Гоцзя жуаньшили лунь = Разговор о мягкой силе государства / Ван Анью. – Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюе, 2010. – 262 с.

281. Ван И. Чуантун чжиюн сысян цзи ци дандай цзячжилунь = Традиционная идея «мудрость и мужество» и теория современной ценности / Ван И, Ван Чэн // Вестник Шаньдунского педагогического университета: издание общественно-гуманитарных наук. – 2000. – №5.

282. Ван Хунин Цзовэй гоцзя шилидэ вэньхуа: жуань цюаньли = Культура – «мягкая власть» государственной мощи / Ван Хунин // Фудань дасюе сюебао, 1993. – №3. – С. 23-28.

283. Вэньхуа жуаньшили = Мягкая сила культуры / Гл. ред. Чжан Гоцзо. – Хунань: Хунань дасюе чубаньшэ, 2016. – № 1. – 100 с.

284. Вэньхуа жуаньшили = Мягкая сила культуры / Гл. ред. Чжан Гоцзо. – Хунань: Хунань дасюе чубаньшэ, 2016. – № 2. – 102 с.

285. Вэньхуа жуаньшили = Мягкая сила культуры / Гл. ред. Чжан Гоцзо. – Хунань: Хунань дасюе чубаньшэ, 2016. – № 3. – 102 с.

286. Вэньхуа жуаньшили = Мягкая сила культуры / Гл. ред. Чжан Гоцзо. – Хунань: Хунань дасюе чубаньшэ, 2016. – № 4. – 102 с.

287. Вэньхуа жуаньшили цуаньцюхуа бэйцзинся дэ цянго чжидао = Мягкая сила культуры: путь могущественного государства в условиях глобализации [Текст]: монография / Хуа Цзянь [и др.]. – Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 2013.

288. Гао Чжаньсян. Вэньхуа ли = Сила культуры / Гао Чжаньсян. – Бэйцзин чубаньшэ, 2007. – 318 с.

289. Го Цзивэнь. Вэньхуа жуаньшили дэ лишигуань чаньши = Мягкая сила культуры: исторический анализ: дис. ... д-ра наук / Го Цзивэнь. Пекин, 2011. – 129 с.

290. Го Шуюн. Чжунго жуаньшили чжанлюе = Китайская стратегия мягкой

силы / Го Шуюн. – Пекин: Шиши чубаньшэ, 2012. – 270 с.

291. Гоцзя ханьбань цзи Кунцзы сюеюань цзунбу 2011 няньду баогао = Ежегодный совместный отчёт Ханьбань и Управления Институтов Конфуция (2011 г.) / Ред.-сост. Сюй Линь, Мацзян Фэй, Ван Юнли, Ху Чжипин, Цзин Вэй. – Пекин: Ханьбань цзунбу. – 86 с.

292. Гоцзя ханьбань цзи Кунцзы сюеюань цзунбу 2012 няньду баогао = Ежегодный совместный отчёт Ханьбань и Управления Институтов Конфуция (2012 г.) / Ред.-сост. Сюй Линь, Мацзян Фэй, Ван Юнли, Ху Чжипин, Цзин Вэй. – Пекин: Ханьбань цзунбу. – 2013. – 76 с.

293. Гоцзя ханьбань цзи Кунцзы сюеюань цзунбу 2013 няньду баогао = Ежегодный совместный отчёт Ханьбань и Управления Институтов Конфуция (2013 г.) / Ред.-сост. Сюй Линь, Мацзян Фэй, Ван Юнли, Ху Чжипин, Цзин Вэй, Ся Цзяньхуэй. – Пекин: Ханьбань цзунбу. – 2014. – 84 с.

294. Гоцзя ханьбань цзи Кунцзы сюеюань цзунбу 2014 няньду баогао = Ежегодный совместный отчёт Ханьбань и Управления Институтов Конфуция (2014 год) / Ред.-сост. Сюй Линь, Мацзян Фэй, Ван Юнли, Ху Чжипин, Цзин Вэй, Ся Цзяньхуэй. – Пекин: Ханьбань цзунбу. – 2015. – 88 с.

295. Гоцзя ханьбань цзи Кунцзы сюеюань цзунбу 2015 няньду баогао = Ежегодный совместный отчёт Ханьбань и Управления Институтов Конфуция (2015 год) / Ред.-сост. Сюй Линь, Мацзян Фэй, Ван Юнли, Ху Чжипин, Цзин Вэй, Ся Цзяньхуэй. – Пекин: Ханьбань цзунбу. – 2016. – 80 с.

296. Гу Чуньфэн. Вэньхуа ли = Сила культуры / Гу Чуньфэн. – Пекин: Жэньминь чубаньшэ. 1995. – 162 с.

297. Даго цэ: тунсян даго чжи лудэ жуаньшили = Стратегия великой державы: мягкая сила на пути к могуществу / Под ред. Мэнлян. – Бэйцзин: жэньминь жибао чубаньшэ, 2008. – 345 с.

298. Дань Шилян. «Жуань шили» лунышу чжундэ люсин вэньхуа = Анализ массовой культуры как части «мягкой силы» / Дань Шилян // Вэньхуа яньцзю, 2015. – № 4. – С. 17-25.

299. Дэн Хунбо. Вань Цин шуюань гайчжидэ синь гуаньча = Новое исследова-

ние реформы шуюань в период Поздней Цин / Дэн Хунбо // Хунань дасюе сюебао (шэхуэй кэсюе бань). – 2011. – № 6. – С. 23-29.

300. Дэн Хунбо. Вань Цин шуюань гайчжидэ синь гуаньча = Новое исследование реформы шуюань в период Поздней Цин / Дэн Хунбо // Хунань дасюе сюебао (шэхуэй кэсюе бань). – 2011. – № 6.

301. Е Цзян. Цюаньцю чжили юй чжунгодэ даго чжаньлюе чжуаньсин = Глобальное управление и трансформация стратегии Китая в отношениях с великими державами / Е Цзян. – Бейцзин: шиши чубаньшэ, 2010. – 324 с.

302. Жэнь Чжун'юй. Тяньси цюйюй жуаньшили юй цюйюй вэньхуа жуаньшили дэ гайнянь, нэйхань цзици сяньху гуаньси = Краткий анализ понятий, содержания и взаимосвязи региональной мягкой силы и мягкой силы региональной культуры / Жэнь Чжун'юй // Хубэй ханьшоу дасюе сюебао, 2015. – № 8. – С. 87-88.

303. Ли Бинь. Пипин юй цзецзянь: минго сюечжэ дуй шуюань гайчжидэ фаньсы = Критика и заимствование: переосмысление учёными реформирования академий / Ли Бинь // Хунань дасюе сюебао (шэхуэй кэсюе бань). – 2011. – № 6.

304. Ли Гуаншэн. Сундай шуюань юй юйлути = Шуюань в эпоху Сун и первые философские трактаты / Ли Гуаншэн // Хунань дасюе сюебао (шэхуэй кэсюе бань). – 2011. – № 2.

305. Ли Сюе. Нэйшэн вайван: жуань шили сюй цун гонэй цзяньшэ = Мягкую силу необходимо сначала создать внутри государства / Ли Сюе // Жуань шили юй чжунго мэн. – Фалюй чубаньшэ, 2011.

306. Ли Цзяньсю. Вэньхуа жуаньшили юй дандэ дуйвай сюаньчуань гунцзо яньцзю = Исследование мягкой силы культуры и внешней агитационной работы партии: дис. ... д-ра филос. наук / Ли Цзяньсю. Пекин, 2011. – 182 с.

307. Линь Сюн. Цюаньмянь тигао вэньхуа жуаньшили сюйяо чулихао вугэ гуаньси = Повышение мягкой силы культуры требует установления пяти связей / Линь Сюн // Вэньхуа ши. – 2009. – № 22.

308. Лю Дэдин. Дандай чжунго вэньхуа жуаньшилиняньцзю = Современные исследования мягкой силы культуры Китая / Лю Дэдин. – Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2013.

309. Лю Фэйфэй. Лунь вэньхуа дуоянсиндэ чжунго хуаюй = Обсуждение многообразия культуры Китая / Лю Фэйфэй, Дань Шилян // Тяньцзинь шэхуэй кэсюе, 2014. – № 4.

310. Лю Юаньюань. Хэбэй шуюань ши = История шуюань в пр. Хэбэй / Лю Юаньюань, У Хунчэн // Хэбэй дасюе чубаньшэ, 2011. – С. 37-41.

311. Мэй Вэньхуэй «Ханьюй цяо» вэньхуа жуаньшили фачжаньбаогао = Доклад о развитии мягкой силы культуры конкурса «Мост китайского языка» // Чжунго вэньхуа жуаньшили фачжань баогао 2013 = Доклад о развитии мягкой силы культуры Китая 2013 / Гл. ред. Чжан Гоцзо. – Пекин: Издательство Пекинского университета, 2014. – С. 238-266.

312. Пан Пяо. Цзисю фаян «усы» дэ пипань цзиньшэнь = Усиление критики движения «4 мая» / Пан Пяо. – Собр. соч. – Т. 3. – Шаньдун: шаньдун дасюе чубаньшэ, 2005.

313. Саймоуэр Хэнтиндунь. Вэньминдэ чунду юй шицзе чжисюдэ чунцзянь = Столкновение цивилизаций и создание нового мирового порядка / Пер. Чжоу Ци и др. Синьхуа чубаньшэ, 1998.

314. Сюй Вэйпин. Чжунго тюйюй вэньхуа жуаньшили фачжань баогао = Доклад о развитии мягкой силы региональной культуры Китая / Сюй Вэйпин, Сюй Хэлянь // Чжунго вэньхуа жуаньшили фачжань баогао 2012 = Доклад о развитии мягкой силы культуры Китая 2012 / Гл. ред. Чжан Гоцзо. – Пекин: Издательство Пекинского университета, 2013. – С. 109-150.

315. У Хунчэн. Хэбэй шуюань ши = История шуюань в пр. Хэбэй / У Хунчэн, Лю Юаньюань // Хэбэй дасюе чубаньшэ, 2011.

316. У Хунчэн. Хэбэй шуюань ши = История шуюань в пр. Хэбэй. / У Хунчэн. – Шицзячжуан: Хэбэй дасюе чубаньшэ, 2011. – С. 133-135.

317. Хань Лиянь. Лунь тигао вого вэньхуа жуаньшили = Теория наращивания мягкой силы культуры Китая: дис. ... д-ра филос. наук / Хань Лиянь. Пекин, 2013. – 146 с.

318. Хуа Цзянь. Вэньхуа жуаньшили цуаньцюхуа бэйцзинся дэ цянго чжидао = Мягкая сила культуры: путь могущественного государства в условиях глобали-

зации / Хуа Цзянь, Чжэнь Сяин, Ши Цзинцин и др. - Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 2013. – 296 с.

319. Хэ Вэйцзюнь. Вэньхуа жуаньшили: цюйюй цзинци фачжаньдэ цянда дунли = Мягкая сила культуры: стимулирование регионального экономического развития / Хэ Вэйцзюнь, Цэн Дэсянь // Цянчжэ, 2012. – №13. – С. 97-98.

320. Цзыбигэню Бужэцзиньсыцзы. Даци цзюй – мэйгодэ шоуяо дивэй цзици диюань чжаньлюе = Столкновение цивилизаций и строительство нового мирового порядка / Пер. Чжунго гоцзи вэньти яньцзю. – Шанхай: Шанхай чубаньшэ, 2007.

321. Цзя Личжэн. Цун чжэнчжи жуаньшили кань чжунгодэ тяншэн = Политическая мягкая сила: возрождение Китая / Цзя Личжэн // Жэньминь луньтань, 2008. – № 2.

322. Цзя Хайтао. Цзунхэ голи юй вэньхуа жуаньшили ситун яньцзю = Системные исследования комплексной мощи государства и мягкой силы культуры / Цзя Хайтао. – Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюе чубаньшэ, 2015. – 306 с.

323. Цэн Дэсянь. Вэньхуа жуаньшили: тюйюй цзинци фачжаньдэ цянда дунли = Мягкая сила культуры: огромная движущая сила развития региональной экономики / Цэн Дэсянь, Хэ Вэйцзюнь // Тяньянь. – 2012. – № 13 (315). – С. 95-96.

324. Чжан Гоцзо. Чжунго вэньхуа жуаньшили яньцзю луньган = Тезисы исследований мягкой силы культуры КНР / Чжан Гоцзо. – Пекин: Шэхуэй кэсюе вэньсянь чубаньшэ. – 2015. – 180 с.

325. Чжан Цзы. Вэньхуа: годи чжэнчжи чжундэ «жуаньцюаньли» = Культура – «мягкая власть международной политики» / Чжан Цзы, Сан Хун // Шэхуэй чжуи яньцзиу, 1999. – № 3.

326. Чжао Яоцзе. Чжунго сяньдай шуюань фачжань баогао = Доклад о развитии современных шуюань Китая / Чжао Яоцзе // Чжунго вэньхуа жуаньшили фачжань баогао 2012. – Пекин: Бэйцзинь дасюе чубаньшэ, 2013. – С. 258-274.

327. Чжунго вайцзю. 2005 нянь / Чжунхуа жэньминь гунхэго Вайцзюбу чжэнцэ яньцзю сыбянь = Китайская дипломатия. 2005 г. / Издание Департамента политических исследований МИД КНР. – Пекин: Шицзе чжиши чубаньшэ, 2005. – 514 с.

328. Чжунго вайцзяо: 2015 няньбань / Чжунхуа жэньминь гунхэго Вайцзяобу чжэнцэ гуйхуа сыбянь = Китайская дипломатия. 2015 г. / Издание Департамента политического планирования МИД КНР. – Пекин: Шицзе чжиши чубаньшэ, 2015. – 432 с.

329. Чжунго вэньхуа жуаньшили фачжань баогао 2013 = Доклад о развитии мягкой силы культуры Китая 2013 / Гл. ред. Чжан Гоцзо. – Пекин: Бэйцзин дасюе чубаньшэ, 2014. – 268 с.

330. Чжунго вэньхуа жуаньшили фачжань баогао 2014 = Доклад о развитии мягкой силы культуры Китая 2014 / Гл. ред. Чжан Гоцзо. – Пекин: Бэйцзин дасюе чубаньшэ, 2015. – 306 с.

331. Чжэн Бяо. Чжунго жуаньшили = Мягкая сила Китая / Чжэн Бяо. – Пекин: Чжун'ян бяньи чубаньшэ, 2010. – 424 с.

332. Шэнь Синь. Цюйюй вэньхуа жуаньшили: гайнянь, юаньцзин, луцзин = Мягкая сила региональной культуры: концепция, перспективы, каналы / Шэнь Синь, Лин Хунбинь // Лилунь цзяньшэ, 2012. – № 4. – С. 7-13.

333. Шэнь Хун'юй. Дандай чжунго вэньхуа жуаньшили яньцзю = Исследование вопросов мягкой силы культуры современного Китая: дис. ...д-ра наук / Шэнь Хун'юй. Пекин, 2013. – 123 с.

334. Юесэфу Най. Жуаньшили = Мягкая сила / Пер. Цзюань Ии. Бэйцзин: Чжунсинчу чубаньшэ, 2013.

335. Юй Синьтянь. Жуаньшили цзяньшэ юй чжунго дуйвай чжаньлюе = Создание «мягкой силы» и внешнеполитическая стратегия Китая / Юй Синьтянь // Гоцзи вэньти яньцзиу, 2008. – № 2.

336. Ялишанда Вэньтэ Гоцзи чжэнчжидэ шэхуэйлилунь = Социальная теория международной политики / Пер. Цинь Яцинь. Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 2000.

337. Янь Сюетун. Вэньхуа цзиюань сюяо чжэньчжи юньюн – дуй «жуаньшилидэ хэсинь ши чжэнчжи шили» таолуньчжун моусе вэньгидэ цзеши = Культурному источнику необходимо политическое применение – разъяснение некоторых вопросов дискуссии «Ядро мягкой силы – политическая власть» / Янь Сюетун //

Хуаньцю шибао, 8.02.2007.

338. Яо Юэ. 2011 нянь чжунго чуаньтун шуюань фачжань баогао = Доклад 2011 г. о развитии традиционных шуюань / Яо Юэ // Чжунго вэньхуа жуаньшили фачжань баогао 2012. – Пекин: Бэйцзинь дасюе чубаньшэ, 2013. – С. 245-257.

Электронные ресурсы

339. Nye J., Jr. Why China is weak on soft power // New York Times. – 2012. – January, 17 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nytimes.com/2012/01/18/opinion/why-china-is-weak-on-soft-power.html?_r=0.

340. Quacquarelli Symonds опубликовала рейтинг стран с лучшей системой высшего образования 2016 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.invest.kz/106804844-quacquarelli-symonds-opublikovala-reyting-stran-s-luchshey-sistemoy-vysshego-obrazovaniya-2016-goda>.

341. Russia Beyond The Headlines» = «Россия вне заголовков» – международный мультимедийный проект «Российской газеты» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rbth.com/e-paper>.

342. VI конкурс китайской и русской песни «Кубок Института Конфуция» прошёл в Санкт-Петербурге // Синьхуа. Новости. 14.11.2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russian.news.cn/2016-11/14/c_135828759.htm.

343. Александрова, М.В. Туризм как форма «мягкой силы». Проблемы китайского путешественника в России [Электронный ресурс] / М.В. Александрова. – Режим доступа: <http://www.odnako.org/blogs/turizm-kak-forma-miyagkoy-sily-problemi-kitayskogo-puteshestvennika-v-rossii/>.

344. Баранцев, Р.Г. Сила как философская категория [Электронный ресурс] / Р.Г. Баранцев // Грани эпохи. – 2011. – № 47. – Режим доступа: <http://grani.agni-age.net>.

345. Борох, О.Н. От мягкой силы к «культурному могуществу» [Электронный ресурс] / О.Н. Борох, А.В. Ломанов // Россия в глобальной политике. – 2012. – №4. – Режим доступа: <http://globalaffairs.ru/number/Ot-miyagkoi-sily-k-kulturnomu-moguschestvu-15643>.

346. Вайвэнь чубаньшэ = Издательство литературы на иностранных языках [офиц. сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.flp.com.cn/main/>.

347. Встреча с представителями общественности по вопросам патриотического воспитания молодёжи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://krem lin.ru/news/16470>.

348. Второй форум китайских брендов состоялся в Пекине [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/1109/c31521-9139282.html>.

349. Выступление председателя КНР Ху Цзиньтао на саммите ООН // Чжунго ван [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian.china.org.cn/russian/195668.htm>.

350. Вэйшэмэ Чжунго сюйяо жуань шили = Почему Китаю необходима «мягкая сила» // Гуанмин жибао. 26.07.2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.ifeng.com/gundong/detail_2013_07/26/27927384_0.shtml.

351. Вэньхуа жуаньшили ланьпишу: чжунго вэньхуа жуаньшили яньцзю баогао (2010) = Синяя книга мягкой силы культуры: доклад об исследованиях мягкой силы культуры в Китае, 2010 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://news.china.com.cn/2011-06/02/content_22700389.htm.

352. Газета «Жэньмин жибао» онлайн [Офиц. сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/95209/index.html>.

353. Гао Чжаньсян. Гао Чжаньсян юй Читяньдацзо сяньшэндэ дуйхуа – Сяньдай шэхуэй ин чунсинь жэньши «вэньхуа ли» = Диалог Гао Чжаньсян с господином Читяньдацзо – Современное общество должно обновить знания о «силе культуры» [Электронный ресурс] / Гао Чжаньсян // Чжунго вэньхуа ли яньцзю чжунсинь = Исследовательский центр культурной силы Китая. – Режим доступа: <http://www.cccrc.bnu.edu.cn/bencandy.php?fid=4&id=695>.

354. Го Цземинь. Дантянь вого жуань лилян яньцзю чжун жоугань наньдянь вэньти цзици сыкао = Некоторые мысли о трудностях исследования «мягкой силы» в Китае [Электронный ресурс] / Го Цземинь // Вэньхуа жуань шили ланьпи-

шу. Чжунго вэньхуа жуань шили яньцзю баогао, 2010. – Режим доступа: http://news.china.com.cn/2011-06/02/content_22700389.htm.

355. Гоббс, Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского [Электронный ресурс] / Т. Гоббс. – Режим доступа: <http://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs.Leviafan.pdf>.

356. Давыдов, Ю.П. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений [Электронный ресурс] / Ю.П. Давыдов // Международные процессы. – Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/four/006.htm>.

357. Дежина, И.Г. Российская наука как фактор «мягкого влияния» [Электронный ресурс] / И.Г. Дежина. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=495#top-content.

358. Доклад о выполнении плана экономического и социального развития за 2015 г. и проекте плана на 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2016-03/22/content_38085968_15.html.

359. Доклад о работе правительства за 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/0318/c95181-9032270-15.html>.

360. Жуаншили цзай Чжунгодэ шисянь чжии – жуаньшили гайнянь = Практика мягкой силы в Китае – концепция мягкой силы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://theory.people.com.cn/GB/49157/49165/6957188.html>.

361. Загребнов, Е. Китайские туристы влюблены в Москву. Отвечает ли она им взаимностью? [Электронный ресурс] / Е. Загребнов // «Жэньминь жибао» онлайн. – 31.12.2014 г. – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/n/2014/1231/c95181-8830107.html>.

362. Изимов, Р. Мягкая сила Китая: на прицеле Центральная Азия – часть первая [Электронный ресурс] / Р. Изимов. – Режим доступа: <http://radiotochka.kz/1581-.html>.

363. Информационный портал фонда «Русский мир» [офиц. сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruskiymir.ru/fund/>.

364. Каукенов, А.С. Особенности китайской дипломатии в Центральной Азии: взгляд из Казахстана [Электронный ресурс] / А.С. Каукенов // Центральная Азия –

Китай: состояние и перспективы сотрудничества. Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, 2008. – Режим доступа: <http://www.easttime.ru/analytic/3/8/476.html>.

365. Каукунова, Т.В. Новая книга Си Цзиньпина – идеология на экспорт [Электронный ресурс] / Т.В. Каукунова // Информационное агентство Regnum. – 10.11.2014. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/1864255.html>.

366. Китай занял 4-е место в мире по объёму въездного турпотока за 2015 г. // Синьхуа. Новости. 02.10.2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russian.news.cn/2016-10/02/c_135729184.htm.

367. Китай и Россия снимут документальный фильм о Китае [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian.dbw.cn/system/2016/10/10/001138061.shtml>.

368. Китайское государственное информационное агентство «Синьхуа» [Официальный сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russian.news.cn/2016-03/01/c_135144491.htm.

369. Китайско-российский институт создал платформу для подготовки высококвалифицированных специалистов со знанием русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russian.news.cn/2016-11/22/c_135850180.htm.

370. Китайско-российский институт создал платформу для подготовки высококвалифицированных специалистов со знанием русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russian.news.cn/2016-11/22/c_135850180.htm.

371. Колесников, А.С. Кросскультурное взаимодействие в современном мире и диалог [Электронный ресурс] / А.С. Колесников // Россия – Запад – Восток: компаративные проблемы современной философии. – 2004. – Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/text/kolesnikov/krosskulturnoe-vzaimodeystvie-v-sovremennom-mire-i-dialog#n7#n7>.

372. Комраков, А. Количество иностранных студентов в России за год выросло на четверть [Электронный ресурс] / А. Комраков. – Режим доступа: http://www.ng.ru/economics/2016-07-12/4_students.html.

373. Концепция внешней политики Российской Федерации: официальный текст [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mid.ru/ru/home>.

374. Концепция внешней политики Российской Федерации: офиц. текст [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-30112016-n-640-ob-utverzhdanii/>.

375. Конюхевич, Ю. «Мягкая сила» во внешней политике Соединённых Штатов Америки (в годы президентства Дж. Буша младшего) [Электронный ресурс] / Ю. Конюхевич. – Режим доступа: http://www.mgimo.ru/files/172217/konuhevich_USA-Bush.pdf.

376. Ларина, Е.С. Взлёт и падение мягкой силы [Электронный ресурс] / Е.С. Ларина. – Режим доступа: http://communitarian.ru/publikacii/bolshoy_blizhniy_vostok/vzlet_i_padenie_myagkoy_sily_30082014/.

377. Литвинов, Н.Н. Бренд-стратегия территорий. Алгоритм поиска региональной идентичности [Электронный ресурс] / Н.Н. Литвинов. – Режим доступа: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/2/2f/2010_Nikolai_Litvinov_National_Branding_C2_VM_5.pdf.

378. Логунцова, И.В. Территориальный брендинг и сфера культуры [Электронный ресурс] / И.В. Логунцова. – Режим доступа: http://www.marketing.spb.ru/lib-special/regions/brand&culture_ivanovo.htm.

379. Международное Радио Китая онлайн [Офиц. сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian.cri.cn/index.htm>.

380. МИД КНР [Офиц. сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/default.shtml>.

381. Министерство иностранных дел КНР [Офиц. сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/>.

382. «Мой русский друг, хочу тебе рассказать!» Во ВГУЭС состоялся финал конкурса русского языка провинции Хэйлунцзян [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian.dbw.cn/system/2016/10/18/001140372.shtml>.

383. Официальный сайт Центрального телевидения Китая. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cctv.cn/>.

384. Посол КНР в РФ Ли Хуэй в МГЛУ принял участие в IV международном

семинаре по вопросам преподавания китайского языка в странах СНГ и ШОС, и в ежегодной конференции Евразийской ассоциации преподавателей китайского языка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.china-embassy.org/rus/dssghd/t1283560.htm>.

385. Посол Ли Хуэй присутствовал в Москве на Всероссийской конференции представителей китайских учащихся в России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.china-embassy.org/rus/sghd/t1375029.htm>.

386. Посол Ли Хуэй присутствовал на сольном фортепианном концерте Ли Юньди в Москве. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.china-embassy.org/rus/dssghd/t1354145.htm>.

387. Посольство КНР в РФ [Офиц. сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.china-embassy.org/rus/>.

388. Посольство КНР в РФ устроило вечер китайской моды «Шелковый путь – мечта». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.china-embassy.org/rus/dssghd/t1352251.htm>.

389. Пшеничников, И.Б. Мягкая сила России: духовное измерение [Электронный ресурс] / И.Б. Пшеничников. – Выступление советника Директора РИСИ И.Б. Пшеничникова на Международной научной конференции «Влияние России в Сербии – исторический обзор и перспективы мягкой силы», 2014. – Режим доступа: <http://riss.ru/analitycs/6830/>.

390. Пятихатка, С. Китайские туристы «молодеют» [Электронный ресурс] / С. Пятихатка // Российская газета - Спецвыпуск №6979 (111). 25.05.2016. – Режим доступа: <https://rg.ru/2016/05/25/rossiia-stala-vygodnym-turisticheskim-napravleniem-dlia-kitajcev.html>.

391. Российские и китайские СМИ обсуждают перспективы развития профессионального сотрудничества // Синьхуа. Новости. 09.06.2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russian.news.cn/2016-06/09/c_135425226.htm.

392. Синьцзян КНР [Офиц. сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.chinaxinjiang.cn/>.

393. Тавровский, В.А. «Китайская мечта» в новогоднем наряде [Электронный

ресурс]. / В.А. Тавровский // Независимая газета. 20.01.2014. – Режим доступа: http://www.ng.ru/dipkurer/2014-01-20/9_china.html.

394. Трушков, В. Совместный «круглый стол» газеты «Правда» и сайта «Жэньминьван». [Электронный ресурс]. / В. Трушков. – Режим доступа: <http://gazeta-pravda.ru/archive/issue/123-30474-3-7-noyabrya-2016-goda/chem-gorditsya-segodnya-kitay/>.

395. Флиер, А.Я. Три культурные стратегии межнациональных коммуникаций в полиэтническом обществе [Электронный ресурс] / А.Я. Флиер // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – 2014. – № 4. Режим доступа:

<file:///C:/Users/user/Desktop/Теория%20культуры/Флиер.%20Три%20культурные%20стратегии.pdf>.

396. Ханьбань. [офиц. сайт] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hanban.edu.cn/hb/>.

397. Цзэн Пэйянь: усердно находить и создавать мозговые центры нового типа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2014-10/19/content_33803637.htm.

398. Чжан Гоцзо. Гоцзянь пинпай цзятян сетун шэньхуа хэ точжань гоцзя вэньхуа жуаньшили яньциу = Создавать платформу для интенсификации и расширения исследований мягкой силы культуры КНР [Электронный ресурс] / Чжан Гоцзо. – Режим доступа: <http://www.gdsisp.org/a/ruanshiliyanjiu/guojiaruanshili/20160325/275.html>.

399. Чжуаньфан цюаньго чжэнсе вэйюань, гоцзя Ханьбань чжужэнь, Кунцзы сюеюань цзунбу цзунганьши Сюй Линь = Эксклюзивное интервью с членом ВК НПКСК, директором Канцелярии Ханьбань и генеральным директором Штаб-квартиры Институтов Конфуция Сюй Линь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tv.people.com.cn/n/2014/0308/c364580-24570317.html>.

400. Чжунго вэньхуа пиньпай фачжань баогао (2015) фабу = Выпуск «Доклада о развитии культурных брендов Китая (2015)» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.csu.edu.cn/info/1129/5236.htm>.

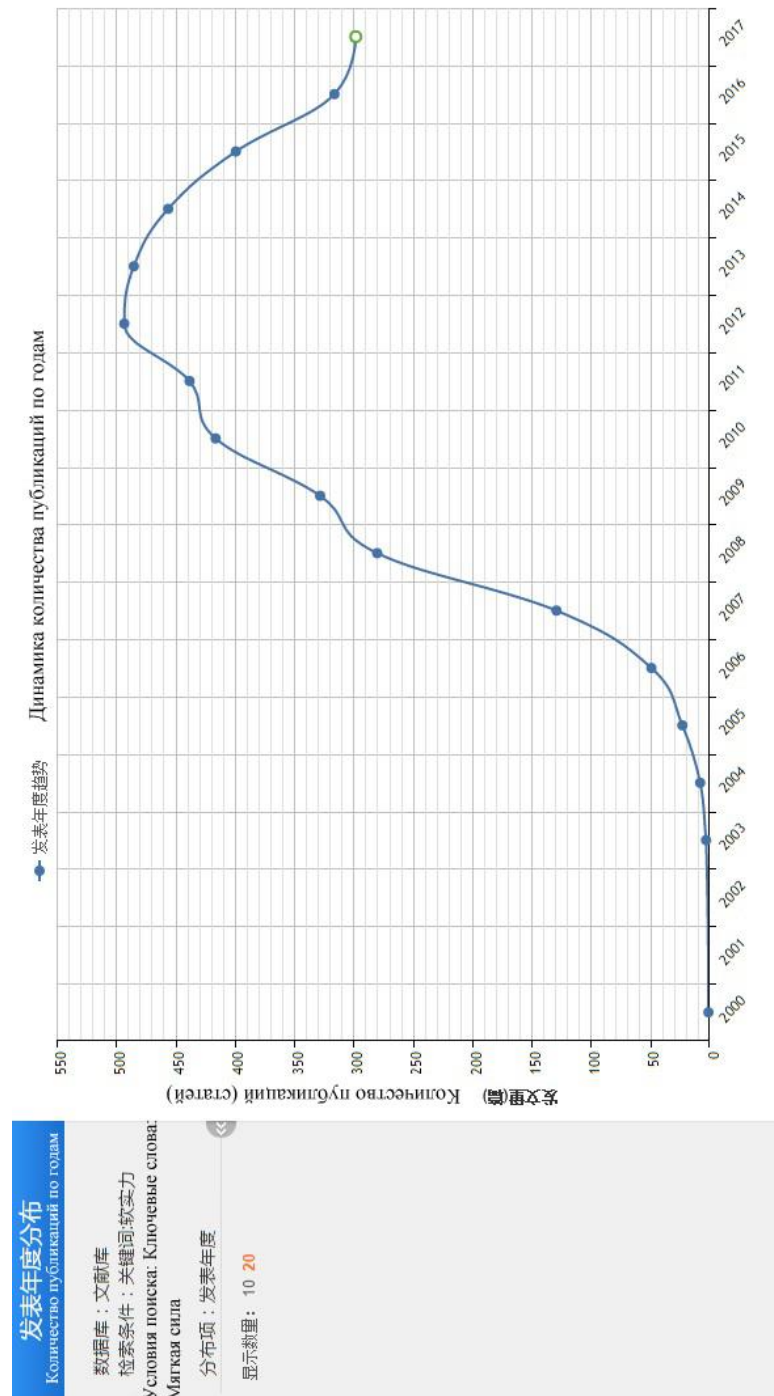
401. Чжунго вэньхуа пиньпай фачжань баогао (2015) фабу = Выпуск «Доклада о развитии культурных брендов Китая (2015)» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.csu.edu.cn/info/1129/5236.htm>.

402. Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР в РФ Ли Хуэй поздравил с открытием специального раздела сайта «Жэньминьван» в газете «Правда» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.china-embassy.org/rus/dssghd/t1336606.htm>.

403. Шибутов, М. Мягкая сила Китая и как ее измерить [Электронный ресурс]. / М. Шибутов. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/2200602.html>.

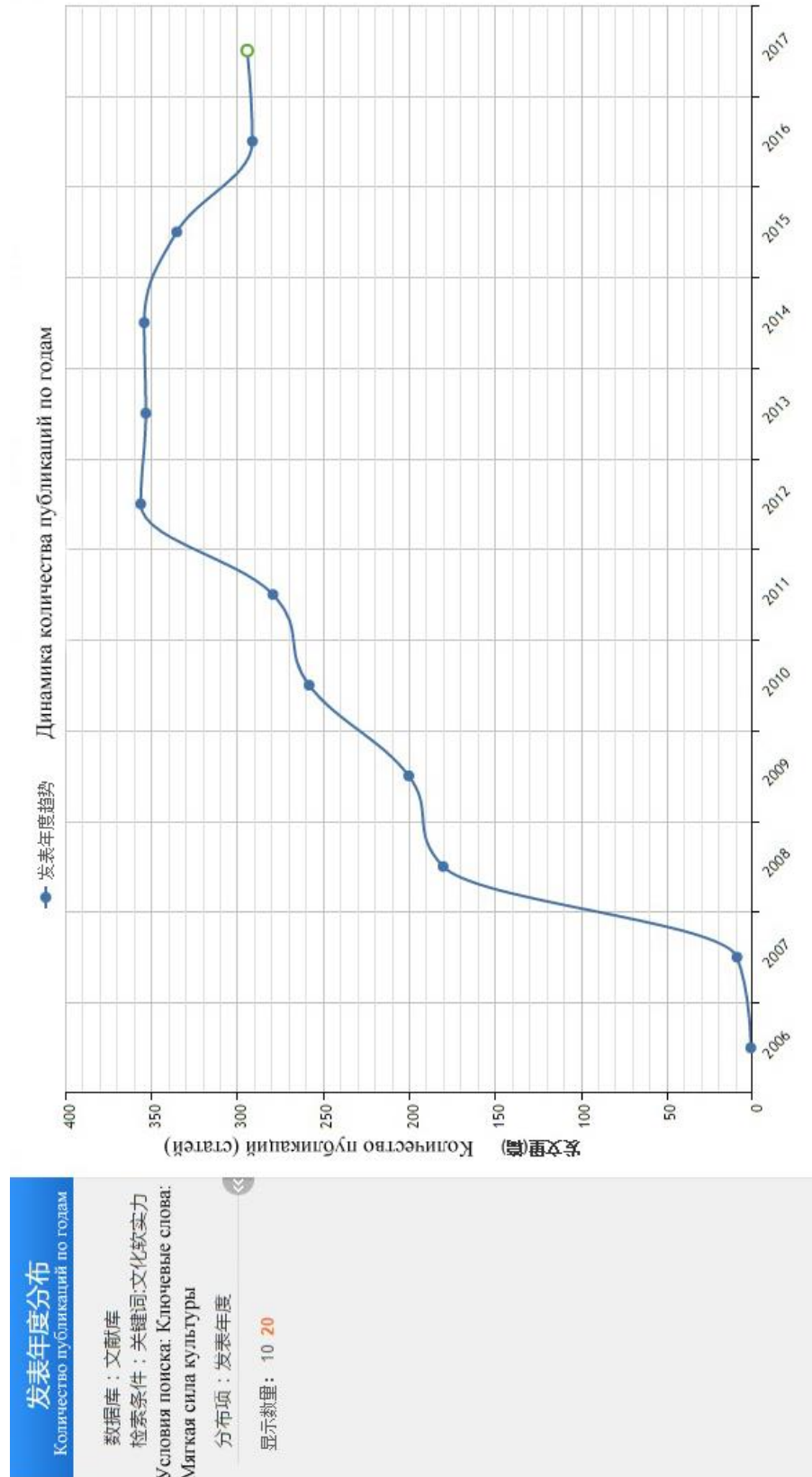
404. Школа китайского языка «Конфуций» [офиц. сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://schoolconfucius.ru/>.

Приложение

Приложение 1. Динамика количества публикаций по теме «Мягкая сила» (по годам)¹

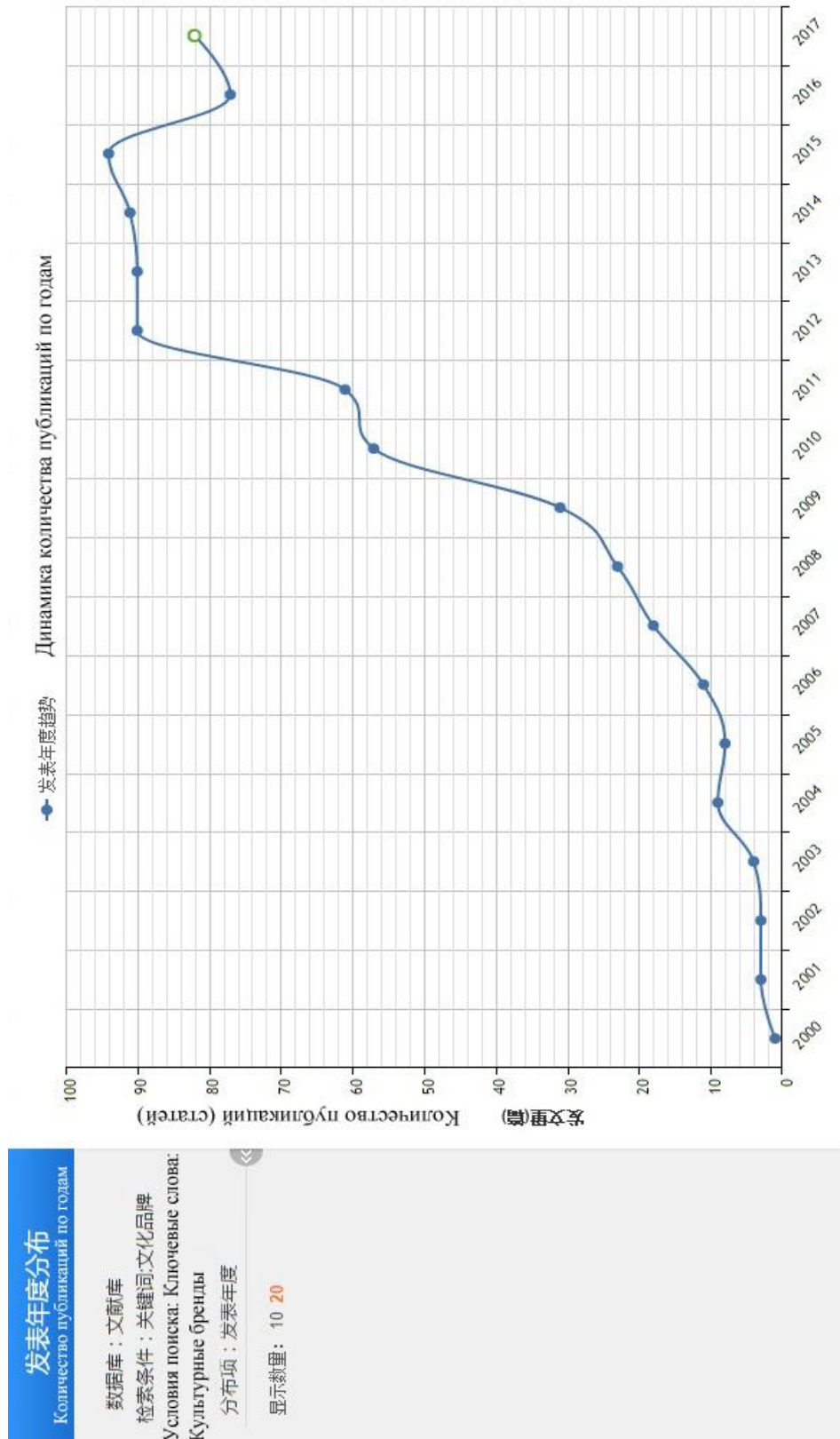
¹ Чжунго чживан = Китайская научная база данных. URL: http://kns.cnki.net/kns/brief/Default_Result.aspx?code=SCDB&kw=%E6%96%87%E5%8C%96%E8%BD%AF%E5%AE%9E%E5%8A%9B&korder=5&sel=1&db_codes=CJFQ,CJFN,CDFD,CMFD,CPFD,IPFD,CCND (дата обращения: 24.03.2017).

Приложение 2. Динамика количества публикаций по теме «Мягкая сила культуры» (по годам)¹

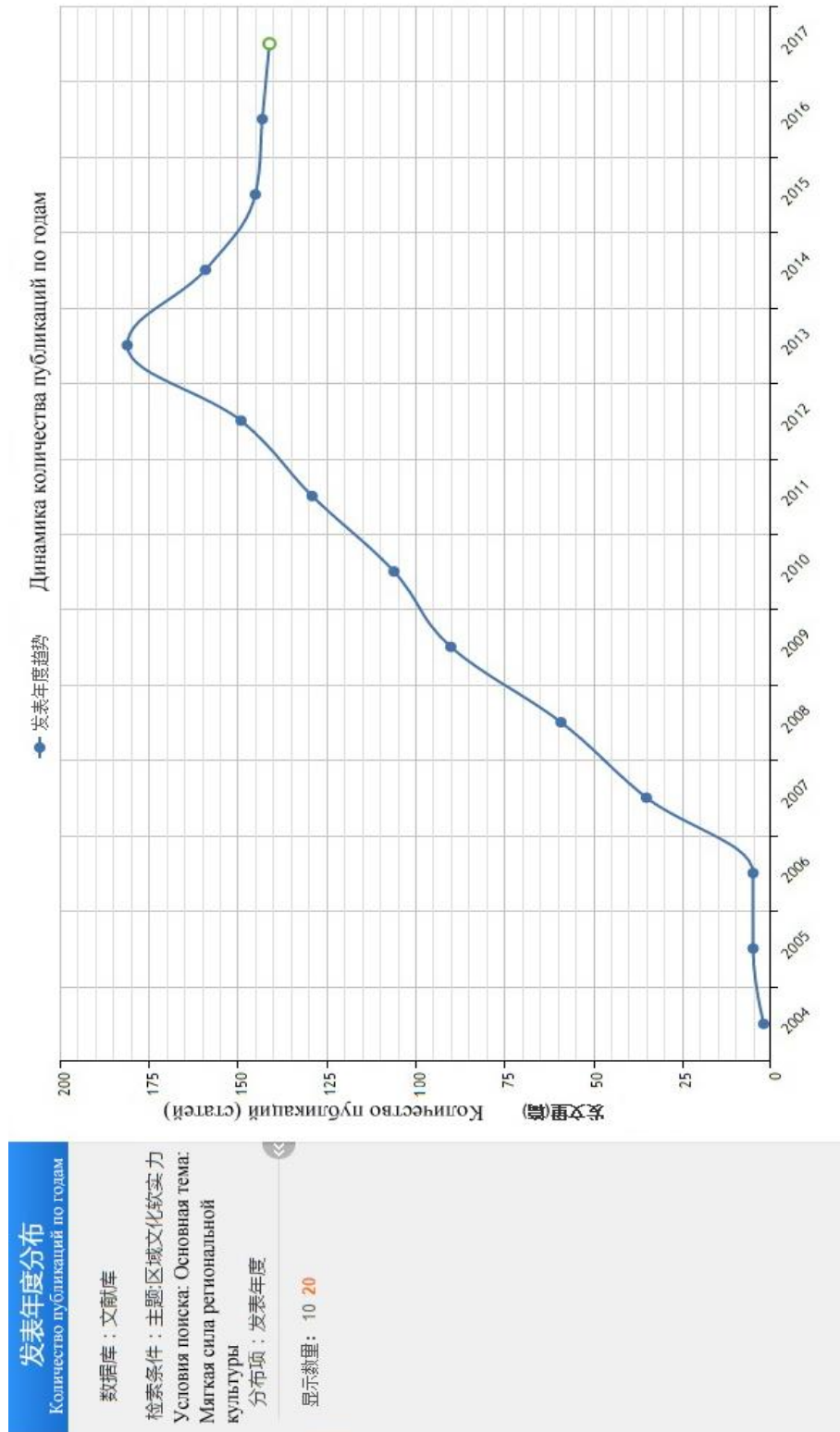
¹ Чжунго чживан = Китайская научная база данных. URL: http://kns.cnki.net/kns/brief/Default_Result.aspx?code=SCDB&kw=%E6%96%87%E5%8C%96%E8%BD%AF%E5%AE%9E%E5%8A%9B&korder=5&sel=1&db_codes=CJFQ,CJFN,CDFD,CMFD,CPFD,IPFD,CCND (дата обращения: 20.03.2017).

Приложение 3. Динамика количества публикаций по теме «Культурные бренды» (по годам)¹

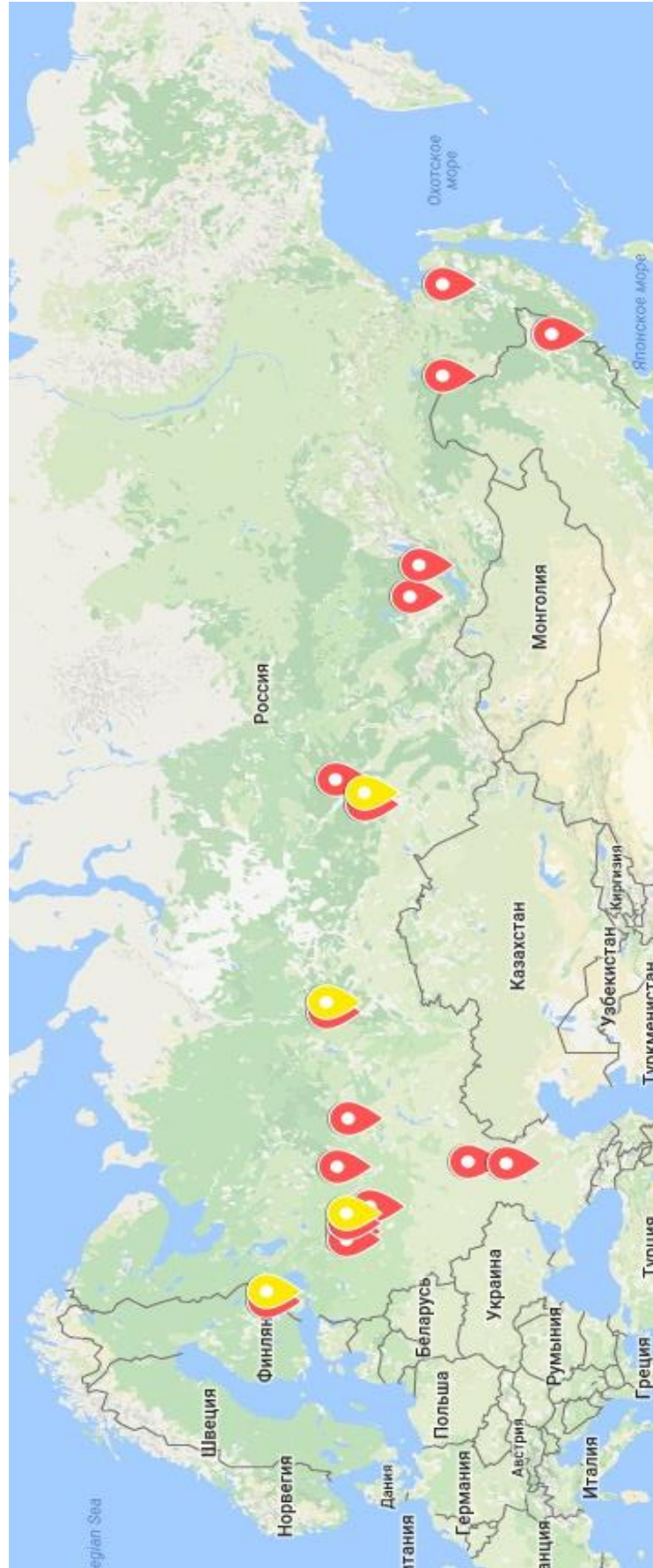
¹ Чжунго чживан = Китайская научная база данных. URL: http://kns.cnki.net/kns/brief/Default_Result.aspx?code=SCDB&kw=%E6%96%87%E5%8C%96%E8%BD%AF%E5%AE%9E%E5%8A%9B&korder=5&sel=1&db_codes=CJFQ,CJFN,CDFD,CMFD,CPFD,IPFD,CCND (дата обращения: 22.03.2017).

Приложение 4. Динамика количества публикаций по теме «Мягкая сила региональной культуры»¹ (по годам)

¹ Чжунго чживан = Китайская научная база данных. URL: http://kns.cnki.net/kns/brief/Default_Result.aspx?code=SCDB&kw=%E6%96%87%E5%8C%96%E8%BD%AF%E5%AE%9E%E5%8A%9B&korder=5&sel=1&db_codes=CJFQ,CJFN,CDFD,CMFD,CPFD,IPFD,CCND (дата обращения: 22.03.2017).

Приложение 5. Размещение институтов и классов Конфуция на территории России

Приложение 6. Соотношение институтов и классов Конфуция
к численности населения в разных странах и регионах

